

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ — 1971

6

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит 6 раз в год

№ 6

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

БАКУ — 1971

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Г. И. ЛОМИДЗЕ, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Адрес редакции: 370602, ГСП, Баку-122, просп. Нариманова, 31, Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Г. П. МЕЛЬНИКОВ

СЕМАНТИКА И ПРОБЛЕМЫ ТЮРКОЛОГИИ

В тюркологии есть немало проблем, над разрешением которых билось не одно поколение исследователей, причем каждое новое поколение, не удовлетворяясь достигнутыми результатами, выдвигало свои методы подхода к этим проблемам. Существование таких «вечных проблем» является свидетельством того, что у данной науки имеется собственный объект исследования, а постоянное расширение и углубление понимания сущности этого объекта говорит о том, что наука живет и развивается. Однако в развитии науки или отдельных ее отраслей наступают порою такие периоды, когда, несмотря на рост числа исследователей и объема печатной продукции, оригинальных результатов достигается все меньше, ибо силы и внимание ученых в значительной мере тратятся на переименование уже установленных явлений, на все новые и новые варианты их классификации, отличающиеся друг от друга лишь несущественными внешними чертами. Как справедливо отмечает Э. В. Севортян, нынешнее состояние ряда тюркологических дисциплин характеризует как раз такой «классификационный» период, который «в теоретическом плане оборачивается топтанием на месте»¹.

Это относится, по-видимому, в первую очередь к тем разделам изучения строя тюркских языков, которые связаны с учетом семантических характеристик исследуемых языковых единиц. «За завесой семантической стороны изучаемого явления от тюрколога подчас ускользают системные связи этого явления с другими, их парадигматические отношения к явлениям одного порядка»².

Причина создавшегося положения отчасти заключается в особенностях становления тюркологии как самостоятельной науки, и эта сторона вопроса достаточно четко представлена в указанной статье Э. В. Севортяна. Однако тюркология, являясь прежде всего языковедческой дисциплиной, не может уберечься и от тех недугов, которые в определенные периоды переживает языковедение в целом.

Правда, языковеды не мирятся с таким положением. В лингвистике, как ни в какой другой области современной науки, чрезвычайно глубоко и плодотворно исследуются принципиальные общеметодологические проблемы. Лингвистике принадлежит заслуга осуществления сознательного эксперимента по внедрению таких методов изучения объекта, которые

¹ Э. В. Севортян. Несколько замечаний к тюркологическим исследованиям грамматики. — «Советская тюркология», 1970, № 3, стр. 6.

² Там же, стр. 8.

все внимание сосредоточивают только на его структуре, в полном отрыве от субстанции. При этом следует напомнить, что главной целью этого эксперимента была в первую очередь именно разработка таких приемов изучения строя языка, которые избавили бы ученого от необходимости прибегать к зыбким и субъективным семантическим критериям.

Но, как сейчас ясно уже многим, претензии «чистого структурализма» полностью исключить из процедур лингвистического исследования обращение к семантической субстанции языка оказались несостоятельными, хотя, безусловно, стало очевидным и то, что структурные методы, при изучении тех сторон языка, которые зависят от особенностей сети (то есть структуры) связей и отношений между языковыми единицами, не могут быть сведены к традиционному исследованию только языковой субстанции (то есть индивидуальных характеристик изучаемых единиц).

Таким образом, обогащение лингвистики методами структурного анализа более резко очертило границы, за которыми обращение к семантическим критериям принципиально неизбежно, одновременно продемонстрировав также неспособность объективизации этих критериев. Дистрибутивные, трансформационные, генеративные и тому подобные методы в лучшем случае позволяют установить лишь факт нетождества семантических характеристик языковых единиц. Вопрос о том, что же такое семантика этих единиц, не только не получил дополнительного разъяснения, но оказался еще более запутанным, утратившим былую, пусть и не строгую, а интуитивную, опирающуюся лишь на языковое «чутье», ясность. Хотя великой заслугой представителей раннего структурализма (и прежде всего Ф. де Соссюра) было введение понятия значимости как чего-то отличного от понятия значения, стремление рассматривать язык только как «чистую структуру» в дальнейшем свело на нет плодотворность такого разграничения. Исследователь, при помощи структурных методов изучающий значимость языковых единиц, даже не ставит перед собой вопроса, значимость чего он выявляет: значимость языковых знаков, значимость значений, значимость понятий, значимость смыслов или же нерасчлененное наложение всех этих видов значимостей в совокупности.

Из вышеизложенного нельзя делать вывод, что тюрколог должен отложить решение тюркологических задач, требующих обращения к семантическому аспекту языка до той поры, пока методика учета семантики не будет разработана в рамках общего языкознания. Не может он продолжать работать и за зыбкой «завесой семантической стороны», зная наперед, что методы такой работы малоэффективны, но оправдывая это тем, что не только в тюркологии или в области изучения других конкретных типов языков, но и в самом общем языкознании эффективность семантических исследований не выше.

По-видимому, есть и третий путь, становясь на который тюркология уже не раз оказывалась способной не только успешно разрешать свои внутренние проблемы, но и указывать направление развития общей теории языкознания. Так было, например, при введении В. В. Радловым различия между функциональными и фонетическими признаками звуков речи, принципиальная важность чего стала очевидной для большинства лингвистов лишь через несколько десятков лет в связи с зарождением фонологии как самостоятельной науки³.

Применение системного подхода (в отличие от узко структурного) и поиск доминирующей черты языковой системы, к которым при обсужде-

³ См. об этом: Тюркские языки. — В сб.: «Советское языкознание за 50 лет». М., 1967, стр. 270—271.

нии проблем общей лингвистики⁴ пока еще только весьма робко призывают, доведены в тюркологии до уровня эффективного инструмента для объяснения закономерностей статистики и динамики строя языков⁵. Поэтому весьма желательно и при решении тех тюркологических задач, которые требуют обращения к семантике, опираться на такие представления о сущности семантических характеристик языка, которыми могла бы воспользоваться и общая лингвистика.

Для успешного претворения этого желания в действительность, необходимо воспользоваться последними достижениями современной психологии, психолингвистики, семиотики и особенно разделов кибернетики, разрабатывающих методы моделирования процессов передачи содержательной информации, в области выявления семантических характеристик языковых единиц. При этом прежде всего должны быть учтены, как наиболее важные, психологические и психолингвистические работы Л. С. Выготского, Н. А. Бернштейна и наших современников — Н. И. Жинкина, А. Р. Лурия, Е. М. Верещагина. Эти работы, в частности, со всей очевидностью указывают на то, что очень многие идеи так называемого «психологизма» в лингвистике получают экспериментальное подтверждение и поэтому требуют более серьезного, чем это было до сих пор, отношения к ним. Речь идет прежде всего об идеях Г. Пауля, Ф. де Соссюра, И. А. Бодуэна де Куртенэ.

Очень важен также учет результатов, полученных теми учеными, которые, несмотря на щедрое использование всего арсенала современных научных методов, исходят из слишком упрощенных предпосылок, что приводит в конечном итоге к внутренне противоречивым и расплывчатым представлениям о семантической стороне языка. Это относится как к работам, ставящим целью доказательство психологической реальности процессов, описываемых формулами порождающей грамматики Н. Хомского, так и к работам, критикующим это направление, но сводящим все семантические характеристики языковых единиц только к деятельности. Представителем последнего направления является А. А. Леонтьев, находящийся под сильным влиянием общеметодологических концепций Г. П. Щедровицкого. И, наконец, нельзя не упомянуть и того направления в изучении семантических проблем, которое разрабатывается И. А. Мельчуком и А. К. Жолковским. Последние стоят на позиции формального перехода от «смысла к тексту», хотя фактически сводят всю свою работу к описанию статической значимости языковых единиц⁶.

⁴ См., например: В. М. Солнцев. Язык как системно-структурное образование (к проблеме онтологии языка). Автореф. докт. дисс. М., 1970; Т. Н. Наумова, А. А. Леонтьев. Гипотеза Сепира-Уорфа и семантика целого высказывания. — В сб.: «Вопросы семантики. Тезисы докладов». М., 1971.

⁵ Б. А. Серебренников. Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка. — В сб.: «Морфологическая типология и проблема классификации языков». М.—Л., 1965; Г. П. Мельников. Объемные геометрические модели вокализма в пространстве физических характеристик для анализа статических и динамических свойств фонологических систем (урало-алтайский вокализм и перебой башкирско-татарских гласных). М., 1965; *его же*. Türk Dilleri Yapısının Kibernetik Bakımından Sistemli Analizi. — «XI. Türk dil kurultayında okunan bilimsel bildiriler — 1966». Ankara, 1968; *его же*. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики. — «Народы Азии и Африки», 1969, № 6; *его же*. Принципы системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии. — В сб.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971.

⁶ Все упомянутые выше авторы либо являются классиками науки, либо представлены большим количеством широко известных современных работ, и поэтому библиографические ссылки на их труды не представляются необходимыми.

Основанием, позволяющим надеяться, что именно в области тюркологии возможно сделать те обобщения о семантической природе языка, которые еще не сделаны в общем языкознании, служит своеобразие строя тюркских языков. Тюркские языки обладают рядом особенностей, позволяющих достичь более высокого уровня «чистоты» семантических исследований по сравнению с исследованиями, проводимыми на материале флективных индоевропейских языков. Замечательный параллелизм между составом морфем агглютинативного тюркского слова и составом семантических компонентов результирующего значения этого слова, трактуемый Е. Д. Поливановым как проявление «анализизма» тюркских языков, делает семантику слова формально выраженной, почти осязаемой. Этому «эффекту осязаемости семантики» тюркских языковых единиц содействует также широкое использование аналитических конструкций и на уровне сочетания слов, например, при выражении смысловых оттенков действия. Как известно, синтаксические отношения между компонентами высказывания в тюркских языках выражаются прежде всего позиционным способом. В связи с этим формальные синтаксические показатели почти не затемняют собственно семантических показателей слова, что также не может не содействовать правильному истолкованию природы семантических характеристик языковых единиц. И, наконец, большое значение для успешного проведения семантических исследований в тюркологии (как и вообще для выявления сущности тюркского строя) имеет и тот факт, что семья тюркских языков весьма обширна и каждый из ее членов представлен большим числом диалектов. Благодаря этому практически любая семантическая потенция оказывается реализованной хотя бы в некоторых диалектах, что делает возможной проверку на конкретном фактическом материале любых обобщений и гипотез относительно природы семантических закономерностей в тюркских языках.

В настоящей статье предпринята попытка изложить целостную (хотя, по необходимости, и огрубленную) схему взаимодействия языковых единиц с мыслительными и предложить, в терминах этих взаимодействий, содержательное толкование основных семантических характеристик, не впадая в крайности ни только субстантного или только структурного, и ни только статического или только деятельностного подходов, учитывая при этом всю принципиальную важность различения этих категорий в рамках собственно системного подхода к вопросам семантики.

Эффективность предлагаемой схемы, полученной в результате исследований, проведенных в области разработки принципов передачи содержательной информации в связи с необходимостью создания языков для общения человека с машиной⁷, будет частично обоснована перечнем тех «вечных» тюркологических проблем, для разрешения которых рассматриваемая схема, как нам кажется, открывает новые возможности. Кроме того, думается, что эта схема может послужить в дальнейшем основой для выработки таких методов изучения специфики строя тюркских языков, степень объективности которых не убывает, а возрастает за счет обращения к семантике языковых единиц.

Излагаемая концепция природы семантических характеристик языковых единиц основывается прежде всего на убеждении, что язык существует лишь в психике его носителей, что это физический объект, воплощенный в нейронные механизмы мозга. Эти представления, наиболее последовательно отстаивавшиеся Г. Паулем, И. А. Бодуэном де Куртенэ

⁷ Эти работы проводятся по заказу и при содействии Института математики СО АН СССР.

и Ф. де Соссюром (хотя у последнего иногда встречаются и отступления от такого понимания), в настоящее время разделяют не только многие лингвисты, близкие к психологии (и, естественно, психологи, занимающиеся проблемами языка), но даже и некоторые представители строгого структурализма⁸.

Вторым важным положением излагаемой концепции является утверждение, что языковое мышление не тождественно мышлению вообще. Среди немногих лингвистов, развивающих это положение, должны быть названы в первую очередь В. М. Павлов⁹ и Б. А. Серебренников¹⁰, а непосредственным обоснованием правомерности такого взгляда служат прежде всего работы упоминавшихся выше психологов и психолингвистов: Н. А. Бернштейна, Л. С. Выготского, Н. И. Жинкина, А. Р. Лурия, Е. М. Верещагина.

И, наконец, третье принципиально важное положение, хотя имплицитно и содержащееся в предыдущем, но, кажется, никем еще четко не сформулированное, заключается в том, что процесс выработки объективных представлений о внешнем мире, то есть процесс познания, не тождествен процессу выработки значений языковых знаков.

Как будет показано ниже, все перечисленные положения не противоречат утверждениям о социальности языка, о важности языка для развития мышления и о необходимости наличия мышления для функционирования языка. Но лишь при такой дифференциации собственно языковых и собственно мыслительных категорий мы получаем базу для понимания природы основных типов семантических характеристик языковых единиц.

В основу наших рассуждений и определений будет положена общеизвестная схема Ф. де Соссюра о соотношении между означаемым и означающим языкового знака. Наша задача будет заключаться в конкретизации и детализации этой схемы, в доведении ее до уровня практического инструмента, позволяющего решать конкретные семантические проблемы.

В схеме Ф. де Соссюра, описывающей «круговорот речи» и структуру языкового знака, фигурируют пять важнейших понятий.

Первое из них — это тот реально звучащий и воспринимаемый слушателем кратчайший отрезок речевого потока, на который слушатель реагирует как на значащий. К сожалению, для этой единицы у Соссюра нет специального термина. Но так как это важно для дальнейшего, назовем ее **речевым знаком**.

Чтобы говорящий мог произнести речевой знак, а слушающий — опознать его в речевом потоке, необходимо, чтобы в психике носителей языка были зафиксированы наиболее характерные черты этого знака, его обобщенный образ. Соссюр называет его «слуховым» или **«акустическим образом»** и, по-видимому, нет никакой необходимости отказываться от этого термина. Именно потому, что акустический образ зафиксирован в мозгу как совокупность однотипных для всех членов языкового коллектива команд на артикуляцию или опознание соответствующего рече-

⁸ См., например: И. И. Ревзин. Рецензия на книгу Л. Антала «Содержание, значение, понимание». — «Вопросы языкознания», 1966, № 1, стр. 120.

⁹ См., например: В. М. Павлов. Проблема языка и мышления в трудах В. Гумбольдта и в неогумбольдтианском языкознании. — В сб.: «Язык и мышление». М., 1967. Автор имел также возможность ознакомиться с в высшей степени содержательной рукописью В. М. Павлова «К разработке психолингвистической теории языкового знака» (1966 г.).

¹⁰ См., например, разделы, написанные Б. А. Серебренниковым. — В сб.: «Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка». М., 1970.

вого знака, можно согласиться и с утверждением Соссюра о том, что акустический образ формирует «мягкую и пластическую» звуковую субстанцию в членораздельную последовательность единиц речевого знака.

Третий важный компонент схемы Соссюра — это то «понятие», та «идея», которая связана в психике носителей языка с акустическим образом, причем связана, по представлениям Соссюра, так же прочно, как «две стороны одного листа бумаги».

Из иллюстраций, приводимых в «Курсе» Соссюра, можно заключить, что эти «понятия» или «идеи» — тоже являются обобщенными образами, но уже не элементов звучащей речи, а объектов и явлений внешней действительности, например, деревьев, лошадей и т. п. Однако у Соссюра нет никаких пояснений, как формируются эти образы, как соотносятся они с не языковыми, а собственно мыслительными единицами. Достаточно категорично подчеркнут лишь факт **нетождественности** этих категорий, а также то, что если «понятия» и «идеи», связанные с акустическими образами, дискретны, то мыслительные единицы «представляют собою бесформенную и смутную массу» и «взятое само по себе мышление похоже на туманность, где ничто не разграничено».

В дальнейшем «понятия» и «идеи», непосредственно связанные с акустическими образами, мы будем называть **значениями** данного языка, а те «участки бесформенной массы» мыслей, те мыслительные единицы, которые в конкретном акте речевой деятельности оказываются выраженными с помощью значений, акустических образов и речевых знаков, назовем **смыслами** единиц этого речевого акта.

Далее, если вспомнить, что мыслительная деятельность есть высшее проявление такого всеобщего свойства материи, как отражение, то необходимо будет признать, что мыслительные единицы, возникающие в результате этого отражения, есть образы, прообразами которых служат в первую очередь объекты и явления внешнего мира. Назовем эти прообразы, в согласии с уже установившейся традицией, **денотатами**.

После приведенных уточнений можно сказать, что по схеме Соссюра следует отличать денотаты от смыслов, смыслы от значений и что акустический образ непосредственно связан лишь со значением.

Совокупность этих двух единиц — акустического образа и значения («идеи») Соссюр предлагает называть «языковым знаком». Признавая принципиальную необходимость рассмотрения такой двухсторонней психической сущности в качестве самостоятельной производной языковой единицы, мы условимся называть ее **монемой**, чтобы лишний раз подчеркнуть факт единства, связанности ее компонентов: значения и акустического образа. А термин «языковой знак» мы будем использовать как синоним термина «акустический образ» в тех случаях, когда «акустическое происхождение» этого образа не будет нуждаться в подчеркивании.

Итак, на основе анализа соссюровской схемы речевой деятельности, мы приходим к выводу, что в ней названо пять исходных единиц, без учета которых едва ли возможно составить верное представление об этой деятельности: 1) речевой знак, 2) языковой знак (то есть акустический образ), 3) значение языкового знака, 4) смысл, выражаемый с помощью языкового знака, 5) денотат, служащий прообразом по отношению к исходным мыслительным единицам — смыслам. Кроме того, необходимой производной языковой единицей является монема — связанное единство языкового знака со значением.

Однако эта схема лишь тогда может стать средством конкретизации семантических характеристик языковых единиц, когда мы представим хотя бы качественную картину процесса формирования акустических образов и значений и процесса ассоциации значений со смыслами, чего нет в схеме Соссюра. Постараемся нарисовать эту картину, опираясь на достижения семиотики, психолингвистики и кибернетики.

Используя терминологию общей теории систем, можно сказать, что психика человека есть структурная динамическая прогнозирующая модель внешней действительности. Основная масса единиц этой модели (названных выше «мыслительными») состоит из конкретных образов — отражений индивидуальных денотатов (явлений и объектов), с которыми человек практически имеет дело. Но, кроме этих индивидных структурных моделей, в сознании формируются «обобщения» (по терминологии Л. С. Выготского), то есть самостоятельные **абстрактные** понятийные единицы, являющиеся обобщенными образами — структурными моделями того общего, что присуще целым **классам** конкретных образов, объединяемых по тем или иным релевантным признакам, то есть значимым при определенном виде деятельности.

Абстрактные единицы, являясь структурными моделями классов денотатов, в свою очередь как обобщенные образы классифицируются по значимым признакам, и структурные модели тех признаков, которые присущи классу абстрактных единиц, представляют собой абстракции еще более высокого яруса. Естественно, что чем выше ярус абстракции, тем меньшее количество единиц он содержит. Существование такого многоярусного «пирамидального» абстрагирования, во-первых, обеспечивает быстрое опознание вновь встречающихся индивидных объектов и явлений по их отражениям в сознании, что позволяет, в частности, легко получить информацию о наиболее характерных свойствах этих объектов, и, во-вторых, дает возможность, наоборот, по требуемым свойствам быстро найти в сознании образ объекта, который этими свойствами обладает.

Следовательно, несмотря на практическую безграничность числа индивидных мыслительных единиц в сознании каждого человека, набор абстракций, выделенных по значимым признакам определенного типа, у всех людей, для которых этот тип признаков релевантен, довольно устойчив и имеет весьма близкий состав.

В частности, звуки, произносимые людьми, являясь физически наблюдаемыми объектами и, следовательно, денотатами, с детских лет запечатлеваются в сознании человека и образуют тем самым исходную базу индивидуальных образов речевых единиц. Пытаясь воспроизводить эти звуки с целью общения с окружающими и фиксируя в подсознании удачные и неудачные результаты актов общения, обучающийся языку нащупывает коммуникативно значимые характеристики запечатленных индивидуальных образов звуков речи. Следовательно, в его сознании формируются обобщенные, абстрактные образы этих звуков, то есть акустические образы или собственно языковые знаки, как мы их назвали. Огрубляя эту картину, можно сказать, что высшие уровни пирамиды абстракций при формировании «словаря» языковых знаков представлены обобщенными образами дифференциальных признаков фонем (то есть «кинемами» и «акусмами» по И. А. Бодуэну де Куртенэ); ниже идут бодуэновские «психофонемы», еще ниже — линейные комплексы фонем, то есть сами языковые знаки как компоненты монем, как психические «оболочки» значимых единиц, например, морфем.

Изменения внешнего мира отражаются в сознании наблюдающего за ними человека прежде всего в форме изменения структуры связей между образами конкретных денотатов. Чтобы другой человек, не наблюдавший за этими изменениями, мог тем не менее внести «поправку» в структурную модель мира, представленную его личным сознанием, нужно, чтобы структура связей его образов стала подобной структуре связей между образами в сознании наблюдателя. Для этого наблюдатель должен так или иначе указать, между какими мыслительными единицами произошло изменение связи, то есть хотя бы представить их в виде внешне наблюдаемого условного заменителя—знака. В частности, если вспомнить об упоминавшихся выше «материальных оболочках», то есть о слове языковых знаков, хранящихся в памяти в виде набора команд артикуляции и распознавания речевых знаков, то станет ясно следующее. Если бы одна из мыслительных единиц, причастная к изменению структуры представлений о внешнем мире в сознании человека, наблюдавшего за этим изменением, оказалась в непосредственной связи с одним из языковых знаков, то возбуждение этого знака привело бы к артикуляции соответствующего речевого знака, ставшего, вследствие этого, внешним представителем, заместителем мыслительной единицы, ее именем. Однако, поскольку, как уже отмечалось, при языковом общении называть приходится в основном конкретные индивидуальные мыслительные единицы, а число их практически безгранично, то присвоить им, то есть жестко «привязать» к ним тот относительно небольшой запас языковых знаков, которые хранятся в памяти членов языкового коллектива, было бы нецелесообразно, так как в основной массе случаев конкретная мыслительная единица все равно оставалась бы неназванной: ей «не хватило» бы языкового знака.

Однако можно установить связи языковых знаков с самими абстрактными мыслительными единицами. Так как абстрактные образы по своей природе являются представителями классов, видов и типов конкретных образов, то число абстрактных образов практически уже ограничено и, как указывалось, структура их весьма схожа у всех членов одного коллектива. Следовательно, если ограничиться определенным уровнем абстракции, то все единицы верхней части некоторой пирамиды могут быть «обслужены» закрепленными за ними языковыми знаками. Если такие абстрактные понятийные единицы существуют, то именно они являются значениями языковых знаков. Связь языкового знака с его значением является минимальной двусторонней (но трехкомпонентной: языковой знак, значение и «перемычка», то есть связь между ними) единицей языка, которую мы назвали выше монемой. Важно подчеркнуть, что одна сторона монемы — значение, являясь хотя и абстрактным, но все-таки образом объектов внешнего мира (денотатов), имеет структуру, **мотивированную** денотатом, «навязанную» его свойствами. Вторая сторона — языковой знак, то есть перечень артикуляционных команд для воспроизведения речевого знака, представляет собой обобщенный образ только артикуляции и звучания речевого знака и, следовательно, не имеет к структуре называемых значений прямого отношения. В этом смысле структура языкового знака, в отличие от его значения, произвольна. Когда Ф. де Соссюр настаивает на произвольности языкового знака, то он, по-видимому, подразумевает лишь одну сторону монемы, а именно ту, которая входит в план выражения, являясь акустическим образом. Когда же он подчеркивает неразрывность означаемого и означающего, то имеет в виду уже то, что мы назвали монемой — отдельной единицей. Но тогда тезис о произвольности неточен, так как вторая, означаемая сторона монемы, то есть значение языкового знака, как уже отмечалось,

есть образ, мотивированный внешней действительностью. Однако некоторый «произвол» в выборе того, что сделать значением, то есть связать с языковым знаком непосредственно, все-таки имеет место, хотя причины этого становятся более ясными после уточнения понятия смысла знака. Кроме того, осталось неясным, как же могут обозначаться конкретные мыслительные индивидуальные единицы, например, образы конкретных денотатов в конкретных ситуациях, если все языковые знаки связаны только со значениями, по своей природе абстрактными мыслительными единицами, с обобщенными образами.

Чтобы ответить на поставленный вопрос, следует сначала уточнить представления об основных типах взаимоотношений между мыслительными единицами.

Для решения семантических проблем необходимо различать хотя бы три разновидности таких взаимоотношений: связи, прямые ассоциации и переносные ассоциации. **Связь** двух мыслительных единиц выражается в наличии «жесткой», закрепленной физиологически, «перемычки» между мыслительными единицами, распространяющей возбуждение от одной из них к другой, независимо от того, какова конкретная структура связанных единиц. При **ассоциации**, в отличие от связи, такого физического контакта между единицами не существует. Эти единицы вступают во взаимодействие лишь благодаря наличию **подобия**, «изоморфизма» между структурами этих единиц, обнаруживаемого в конкретной ситуации целенаправленной деятельности. Если одна из единиц абстрактна и функционирует как «чистое олицетворение» подструктуры той структуры любой конкретной единицы, входящей в данный класс, которая является изоморфной у всех единиц класса, то ассоциацию между абстрактной и конкретной единицей можно назвать **прямой**. Кроме того, некоторое частичное подобие может обнаружиться между двумя понятийными единицами (образами), входящими в **различные** классы. Такие ассоциации мы назовем **переносными**.

Процесс обозначения, то есть названия конкретных мыслительных единиц, выступающих в роли «актуальных значений» (смыслов), может осуществляться в несколько ступеней (не менее двух). Сначала рассмотрим простейший, двуступенчатый случай. Благодаря прямой или косвенной **ассоциации** (о которой говорилось выше), возникающей в контексте общения, конкретная мыслительная единица, подлежащая обозначению, начинает взаимодействовать со своим абстрактным представителем, и он становится **промежуточным означающим** для конкретной смысловой единицы. И если абстрактная единица имеет непосредственную связь с языковым знаком, то есть является для него значением, то такой знак используется как косвенное означающее для этой конкретной мыслительной единицы, выступающей в роли смысла. Следовательно, значения являются означающими для смыслов, причем связь конкретного смысла со значением всегда обусловлена ситуативно и всегда временна, основана на ассоциациях. Языковые знаки (акустические образы) служат означающими для значений, и их связь закреплена **узуально**, до акта говорения, причем одинаково для всех членов коллектива. Эта связь постоянна, хотя возбуждается лишь в конкретном акте коммуникации (если оставить в стороне вопрос о формировании и изменении системы значений каждого конкретного человека и языкового коллектива в целом).

Речевой, то есть артикулируемый и воспринимаемый на слух, знак служит означающим для языкового знака и, следовательно, через последний — означающим как для значения, так и для смысла. При этом важно еще раз подчеркнуть, что если структура языкового знака прак-

тически произвольна по отношению к непосредственно связанной с ним абстракции (значению), то речевой знак в высокой степени изоморфен по своей структуре языковому, хотя и отличается от него своей субстанцией. Важно в нашей схеме и то, что граница между «означаемым» и «означающим» не абсолютна, как в схеме Соссюра, а относительна: смысл есть означающее для денотата, значение — для смысла, языковой знак — для значения, а речевой знак — для языкового.

Расщепление соссюрковского «означаемого» на значение и на смысл, а «означающего» — на языковой знак и речевой знак, еще не исчерпывает многих чрезвычайно важных сторон проблемы классификации означаемых языкового знака. Остается неясным механизм отбора тех абстракций, которые «получают» свое означающее, то есть становятся значениями. Чаще всего предполагается, что сам процесс выработки единиц мыслительной деятельности человека протекает на основе распределения конкретных образов вокруг языковых знаков и, следовательно, до того, пока абстракция не «вербализовалась», она не является полноценной мыслительной единицей. В данной статье излагается несколько иной взгляд на указанную проблему.

Из рассмотренного ясно, что те критерии, те релевантности, которые становятся основанием для классификации исходных психических отражений реальных объектов, то есть исходных конкретных образов денотатов, могут быть различными в зависимости от того, под углом зрения какой типовой целенаправленной деятельности рассматриваются конкретные денотаты и, следовательно, их исходные образы. Из этого утверждения с необходимостью вытекает, что не только человек, но и животные для наиболее жизненно важных типовых видов деятельности должны иметь **специализированные** абстракции, хотя исходным материалом для абстрагирования служит один и тот же, непрерывно пополняемый, массив образов конкретных денотатов и ситуаций, а также уже полученных абстракций. Следовательно, поскольку коммуникативная деятельность представляет особую важность для членов человеческого коллектива, то независимо от того, как уже расклассифицированы и в виде какой иерархии абстракций отражены в сознании классы конкретных образов денотатов в связи с тем или иным видом человеческой деятельности, эти образы и все уже имеющиеся абстракции должны оцениваться и классифицироваться и под углом зрения коммуникативной деятельности. А это значит, что в сознании человека должны сформироваться совершенно специфические, специализированные именно для коммуникативной деятельности, абстракции денотативных образов различного уровня обобщения. Вот эти собственно коммуникативные абстракции и связываются непосредственно с языковыми знаками, становясь значениями и образуя, вместе со знаками и связующими «перемычками», мнемы данного языка. (Следует напомнить также, что и сами языковые знаки, то есть акустические образы, вырабатываются в процессе специфической разновидности коммуникативной деятельности: воспроизводства и опознавания набора речевых знаков, используемых в данном языковом коллективе).

Если принять эту гипотезу о специфике абстракций, являющихся значениями, то становится, во-первых, естественным тезис о единстве способов мышления всех людей Земли: поскольку близки основные типы практической деятельности всех людей, то близки и типы абстракций, вырабатываемых в процессе этих типов деятельности, близки мыслительные операции, так как они основаны на взаимодействии весьма

близких абстрактных единиц. Во-вторых, не кажется больше удивительным факт довольно сильных различий в строе человеческих языков: ограничения, накладываемые на реализацию коммуникативной деятельности разных народов, могут оказаться весьма специфичными, и тогда естественно возникают различия и в «запросах» на способы коммуникативно ориентированного членения как конкретных образов конкретных денотатов, так и абстрактных единиц, принимающих участие в мыслительных операциях самой различной целевой направленности. Следовательно, различие в строе языков приводит лишь к различию «коммуникативного членения» передаваемого средствами языка содержания, к различию того, какие абстракции становятся значениями, а какие — смыслами, выражаемыми через сложившуюся систему значений; сами же мыслительные операции, если они не вызваны потребностью в коммуникации, могут основываться на взаимодействии абстракций, не имеющих никакого отношения к «языковому видению мира». Коммуникативная деятельность — это, конечно, специфическая целенаправленная мыслительная деятельность, но не всякая мыслительная деятельность ориентирована на достижение коммуникации. Поэтому нельзя отождествлять мышление вообще с языковым мышлением. Различие в строе языков приводит к различию в способах коммуникативной классификации конкретных и абстрактных смыслов и, следовательно, к специфике членения смыслов на значения при передаче ситуативного содержания. Однако, в конечном счете, это содержание остается одним и тем же, независимо от того, на «каком языке» думают участники коммуникативного акта, ибо собственно языковое «думание» осуществляется лишь тогда, когда, в связи с поставленной целью, говорящий выявил границы передаваемого смысла и начал его перекодировать в значения, а слушающий, наоборот, включился в процесс перехода от воспринятых значений к восстановлению смысла, подразумевавшегося говорящим. После того, как смысл передан и воспринят, он может быть включен в мыслительные операции, не связанные с коммуникативной деятельностью и поэтому не содержащие в себе никаких признаков специфики «языкового видения мира».

После всего сказанного, по-видимому, можно считать, что означающими языкового знака могут быть только значения и смыслы. Но для полноты картины, с учетом того, что значения формируются «под давлением» конкретного строя языка, необходимо еще добавить, что смыслы в коммуникативном плане также оказываются неравноценными и не только в том отношении, что в их роли могут выступать и конкретные, и абстрактные (обобщенные) образы. Остановимся поэтому еще на одном аспекте различия смыслов, наиболее важном для вопроса о специфике семантики языковых единиц и языкового мышления.

Поскольку смыслы в нашем понимании — это конкретные или абстрактные образы, то, на основе тех или иных черт сходства, эти образы могут вступать между собой в ассоциации точно так же, как и смыслы со значениями. Следовательно, процесс обозначения того смыслового содержания, ради передачи которого люди вступают в общение, может быть не двухступенчатым, как рассмотренный выше, а трехступенчатым: 1) от исходного смысла к ассоциированному с ним промежуточному смыслу; 2) от промежуточного смысла к значению и, наконец, 3) от значения к языковому знаку, связанному с этим значением.

Очевидно, что в этом случае слушающий на основе анализа воспринятых значений поймет прежде всего промежуточный смысл. На этом заканчивается этап собственно языкового мышления. Но коммуникативное мышление не прекращается. Если говорящий правильно оценил си-

туацию, контекст и осведомленность слушающего, то слушающий учтет и ассоциацию смысла, воспринятого через значения, со смыслом, который подразумевается говорящим, но не был им «закодирован» средствами языка непосредственно. Следовательно, смыслы необходимо расщепить на две разновидности: **эксплицитные** смыслы, выраженные в речевых знаках, то есть представленные непосредственно через значения, и **имплицитные** смыслы, ради которых осуществлялась коммуникация и по отношению к которым эксплицитные смыслы являются лишь дополнительным звеном в цепи использованных означающих.

При наличной системе значений, сложившейся с учетом конкретного строя языка, для одного типа смыслов оказывается наиболее естественным непосредственное вступление в прямые или переносные ассоциации со значениями; для другого типа смыслов члены языкового коллектива предпочитают использовать посредников — эксплицитные смыслы, так что фактический замысел оказывается выраженным лишь имплицитно. Но при ином строе именно этот тип смыслов может попасть в число тех, которые естественнее выражаются эксплицитно, тогда как имплицитного выражения потребуют смыслы, выражающиеся в языке другого строя непосредственно через значения.

Таким образом, если даже последовательно отличать систему значений языковых знаков данного языка от тех смыслов, которые ими выражаются, не проводя при этом грани между эксплицитными и имплицитными смыслами, то можно «обнаружить» при сравнении способов выражения одной и той же мысли средствами разных языков различие в «видении мира», вытекающее из различия языкового строя. На самом же деле это будет лишь различием в системе значений и обусловленным им различием между тем, что мы привыкли выражать эксплицитно, а представитель другого языка выражает имплицитно, и наоборот.

Назовем теперь ряд проблем тюркологии, вокруг которых ведутся постоянные споры, и покажем, что если воспользоваться приведенными выше уточнениями в понимании природы семантических характеристик языковых единиц, то для решения этих проблем откроются новые перспективы.

Начнем с некоторых вопросов тюркской лексикографии.

Как хорошо известно из практики, не только аффиксальные, но и корневые морфемы тюркских языков отличаются, как правило, высоким уровнем абстрактности, что объясняется ведущей грамматической тенденцией тюркского строя — экономией служебных элементов. Абстрактными оказываются коммуникативные обобщенные образы мыслительных единиц, то есть **значения** языковых знаков. Но это отнюдь не значит, что мыслительные единицы, требующие языкового выражения, слабо дифференцированы. Все, что связано с тем или иным видом целенаправленной деятельности людей, имеет, как мы видели, свои пирамиды абстракций, классифицирующие конкретные образы по значимости для практики критериям. Поэтому всякий раз, когда говорящий должен назвать, например, конкретный денотат, отразившийся в его сознании в виде конкретного образа, этот образ рассматривается в аспекте той деятельности, в контексте которой происходит общение, и подводится тем самым под определенную абстракцию соответствующей пирамиды. Следовательно, на пути от конкретного образа, выступающего в роли смысла, к значению языкового знака, используемого для называния этого смысла, возникает промежуточный абстрактный смысл и собственно для него-то как для эксплицитного и подбирается на основе прямой или переносной ассоциации наиболее подходящее, «похожее» по структуре значение.

Каждое абстрактное значение используется как означаемое по отношению к эксплицитным абстрактным смыслам пирамид различных целенаправленных действий, а через эти абстрактные эксплицитные смыслы данное значение обслуживает большое количество представителей тех классов конкретных имплицитных смыслов, которые способны иметь в качестве своих обобщенных образов обозначенные абстрактные эксплицитные смыслы. Следовательно, в словаре в этом случае мы имеем дело с одним и тем же языковым знаком в одном и том же значении, но во многих абстрактных эксплицитных **смыслах**. Ясно, что при этом слово с абстрактным значением остается **однозначным**, а задача лексикографа заключается в том, чтобы дать такое **толкование** этому неизменному абстрактному значению, из которого логически следовала бы **естественность** его использования в функции означаемых для определенного круга абстрактных **смыслов**. После этого нужно дать перечень типичных смыслов лишь для иллюстрации. В современных же тюркских словарях, как правило, значение вообще не называется, а приводится лишь список тех абстрактных **смыслов**, которые обслуживает это значение. В лучшем случае значение оказывается перечисленным в общем списке смыслов, но не выделено из них, причем первым в словарной статье приводится обычно самый частый смысл. Например, значением тюркского слова *ket-* (в кыпчакском варианте) является общая идея отбытия, независимо от способа: пешком, водой, на транспорте и т. д. Однако в одном из словарей мы видим такой русский перевод этого слова: 1) «уходить, уезжать, идти»; 2) «оставлять, освобождаться, увольняться, уходить»; 3) «исчезать, утрачиваться» и т.д., то есть множество абстрактных смыслов, среди которых собственно значение так и не указывается¹¹.

Все сказанное имеет прямое отношение и к семантическим аспектам описания грамматики тюркских языков, например, при описании значений аффиксов.

Так, если рассмотреть конкретные переводы глаголов с показателем «будущего категорического времени» -асак (в турецком написании), то можно обнаружить случаи перевода этой формы на русский как «должен», «намерен», «желает», «собирается» и т. п.¹² Но ведь у этого аффикса нет столько значений. Если учесть, что, в соответствии с принципом экономии служебных элементов, тюркские «глагольные» аффиксы выражают прежде всего характер отношения к действию, то естественнее предположить, что значением форм на -асак является следующее: «оказавшийся предрасположенным к данному действию». А из этого значения и вытекают разнообразные смыслы, ибо причиной предрасположения может быть и желание, и долг, и намерение, и необходимость. Кроме того, само «значение» будущего времени также оказывается не значением, а имплицитным смыслом, поскольку слушающему ясно, что, оказавшись предрасположенным к действию, объект или субъект проявит его с большой вероятностью в последующие отрезки времени. С таких позиций удастся совершенно по-новому взглянуть на систему времен тюркского глагола, но это — самостоятельная большая тема. Заметим лишь, что перевод форм на -асак как «имеющий быть» ближе к значению этой формы, чем перевод «будет»¹³.

¹¹ Примером выявления значения тюркского слова на основе анализа абстрактных смыслов может служить статья: *К. М. Любимов*. Сколько значений у турецкого глагола *kesmek*? — «Краткие сообщения Института народов Азии», т. 60. Турция, 1962.

¹² См., например: *А. Н. Кононов*. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 234—235.

¹³ См.: *К. М. Любимов*. Система грамматических времен в современном турецком языке. — «Советская тюркология», 1970, № 2.

Весьма противоречивы мнения тюркологов в вопросе о том, можно ли говорить о существовании в тюркских языках сложных слов в отличие от словосочетаний, и если можно, то как их представлять в словарях. Указанные разногласия вызваны в основном тем, что говоря о «значениях» этих сложных языковых единиц, одни авторы имеют в виду действительно значения, другие — эксплицитные абстрактные смыслы, третьи — имплицитные конкретные.

Как уже было сказано, типовая целенаправленная деятельность приводит к формированию специализированной пирамиды абстракций. Если эта деятельность социально значима, то абстракции такой пирамиды регулярно выступают в функции смыслов, и поэтому желательно для их называния использовать общепринятые способы выражения через наличные значения. Одним из приемов называния смыслов вообще и рассматриваемых абстрактных социально значимых смыслов, в частности, является описательный способ, использующий несколько значений, которые в других случаях способны выступать в роли означаемого для самостоятельных смыслов. Когда такой описательный языковой знак становится общеизвестным обозначением абстрактного социально «устоявшегося» смысла, он превращается в вполне самостоятельную лексикографическую единицу, и совершенно правы те, кто считает необходимым приводить такие единицы в тюркских словарях¹⁴. Но при этом не учитывается тот факт, что если в роли смысла выступает не абстрактный социально значимый, а конкретный ситуативно значимый образ, то он также может рассматриваться в аспекте тех обобщенных образов, которые представлены значениями, и говорящий может при этом выбрать для называния ситуативного образа один из многочисленных описательных языковых знаков, в частности и такой, который используется для называния абстрактного социального смысла. Следовательно, и по механизму порождения, и по функции, и по составу использованных значений, и по способу их сочетания в сложном наименовании — знаки для ситуативного конкретного смысла и для социально значимого абстрактного смысла ничем не отличаются, если не учитывать, что первый из них творчески создается в момент номинации, а второй — «заготавливается» заранее и лишь воспроизводится всеми по памяти. Эти знаки в тюркских языках отличаются не значениями, морфологией или синтаксисом, а типами смыслов, причем социально значимые смыслы должны быть представлены в словарях, несмотря на то, что значения таких сложных языковых знаков те же самые, что и у соответствующих словосочетаний.

Как уже отмечалось, в нашу задачу не входило ни полное перечисление всех тюркологических проблем, требующих обращения к семантике, ни тем более разрешения этих проблем в рамках одной статьи. Хотелось лишь показать, что, пользуясь достижениями современной психолингвистики, семиотики и кибернетики, мы получаем возможность углубить свои представления о природе семантических характеристик языковых знаков и благодаря этому продвинуться вперед в разрешении многих актуальных проблем тюркологии.

Имея в своем распоряжении детализированную общую схему речевой деятельности, тюркологи приобретают основу для сопоставления результатов, полученных при различных семантических подходах к строю тюркских языков, что в свою очередь не может не сделать более ощутимым тот вклад, который может внести тюркология в общее языкознание.

¹⁴ См., например: А. А. Юлдашев. К характеристике тюркских сложных слов. — «Вопросы языкознания», 1969. № 5.

М. ДЖУРАБАЕВА

ОБ АФФИКСАЛЬНОЙ ОМОНИМИИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

(НА МАТЕРИАЛЕ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА)

Изучение омонимии имеет большое теоретическое и практическое значение¹ для исследования истории языка, его семантики, лексики, грамматики, словообразования и стилистики, а также для практики лексикографической работы и методики преподавания языка.

Лексический аспект омонимии изучен всесторонне. В этой области известны отдельные кандидатские диссертации² и целый ряд статей. Что же касается грамматической омонимии, то в узбекском языкознании, да и в тюркологии вообще, трудно найти работу, специально посвященную этому явлению³, хотя термины «грамматическая омонимия», «аффиксальная омонимия», «грамматические омонимы», «аффиксальные омонимы», «омоморфемы», «омосуффиксы» давно вошли в лингвистический обиход.

В данной статье приводятся некоторые результаты наблюдений над аффиксальной омонимией в узбекском языке и затрагиваются следующие вопросы: 1) основные специфические особенности омоаффиксов и критерии их выделения⁴; 2) пути возникновения аффиксальных омонимов; 3) разграничение аффиксальной омонимии и побочных явлений, в частности, полисемантичности придаточных морфем.

1. Характерные признаки омоаффиксов и принципы их выделения

Поскольку в плане диахронии изменяются форма и значение всех аффиксальных морфем, аффиксы-омонимы одного исторического периода

¹ Об этом подробно см.: В. В. Виноградов. Проблемы морфематической структуры слова и явления омонимии в славянских языках. — В сб.: «Славянское языкознание». М., 1968.

² К. Аханов. Қазақ тіліндегі омонимдер. Алма-Ата, 1956; М. Миртожиев. Ўзбек тилида лексик омонимларнинг вужудга келиши. Тошкент, 1963; М. Х. Ахтямов. Проблемы омонимии в современном башкирском литературном языке. Уфа, 1965 (на башкирском языке); Р. Бекджанова. Омонимы в киргизском языке. Фрунзе, 1967 (на киргизском языке).

³ В узбекском языкознании аффиксальная омонимия рассматривалась в связи с общими вопросами аффиксации в узбекском языке. См.: А. Г. Гулямов. Проблемы исторического словообразования узбекского языка. Ч. I. Аффиксация. Докт. дисс. Ташкент, 1955, стр. 160—165. Республиканская языковедческая конференция среди актуальных проблем узбекского языкознания, требующих монографического исследования, указала тему «Аффиксальная омонимия в узбекском языке». См. в сб.: «Научная конференция по вопросам культуры речи». Ташкент, 1969, стр. 61, 63, 64.

⁴ Термин образован по структуре термина «омосуффиксы», см.: Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959, стр. 97.

могут потерять омонимичность в другом периоде, или же наоборот — неомонимичные форманты могут переходить в омонимичные. Поэтому опора на синхронию является одним из основных принципов выделения аффиксальных омонимов.

Укажем следующие признаки, присущие омоаффиксам узбекского языка:

1. Омоаффиксы в узбекском языке представляют собой аффиксальные морфемы, одинаковые по звучанию и написанию, но не совпадающие по значению. Например, *-gi I* — словообразующий аффикс прилагательного: *k'uz+gi* 'осенний'; *-gi II* — словообразующий аффикс существительного: *sev+gi* 'любовь'.

Кроме того, выделяются аффиксы-омофоны, одинаковые только по звучанию, и аффиксы-омографы, совпадающие только по написанию.

2. Аффиксы-омонимы различаются по значению, причем их значения не связаны между собой. В противном случае следует говорить не об аффиксальной омонимии, а об аффиксальной полисемии или о синонимии придаточных морфем.

3. В аффиксальной омонимии нельзя смешивать морфологические и синтаксические явления, а также вообще грамматическую омонимию с аффиксальной⁵. Именно это смешение приводит иногда к некоторым необоснованным решениям при выделении омонимичных показателей и омонимичных рядов.

Например, в отдельных работах⁶ элемент *-gāp*, употребляемый в конструкциях типа *okigāp balā*, *balā-okigāp*⁷, интерпретируется как омонимичная форма. При этом указывается, что омонимичный характер этого показателя причастия проявляется в выполнении им разных синтаксических функций. Но такой подход, по нашему мнению, необоснован — он противоречит самим принципам выделения омоаффиксов. Во-первых, в этих примерах нет двух разнозначных, сходных только по написанию и звучанию аффиксов, а есть один морфологический показатель, выполняющий две синтаксические функции; во-вторых, выполнение двух синтаксических функций показателем *-gāp* зависит от позиции слова *okigāp*.

Очевидно, здесь правильнее говорить о синтаксической многофункциональности самого причастия с формативом *-gāp*. Поэтому необходимо разграничивать явления аффиксальной омонимии, аффиксальной полисемии, а также аффиксальной многофункциональности⁸.

4. Аффиксы, совпадающие по форме и выполняющие одинаковые функции⁹, но отличающиеся по значению, могут входить в омонимичный ряд и считаться омоаффиксами.

В современном узбекском языке такого рода омонимами являются:

а) словообразовательные аффиксы, например, *-či I* — продуктивный агентивный аффикс: *okuč+či* 'ученик'; *-či II* — непродуктивный аффикс, образующий наименование вещей: *sučun+či* 'подарок за сообщение радостной вести';

б) формообразующие аффиксы, например, *-(i)š I* — показатель степени сравнения прилагательных, означающий слабость признака: *ak+iš*

⁵ Грамматическая омонимия по сравнению с аффиксальной — понятие более широкое. Но иногда эти термины употребляются как синонимы.

⁶ В. Алиев. Озарбайжон ва ўзбек тилларида сифатдош. — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1964, № 3, стр. 55.

⁷ Транскрипционные знаки *o*, *a*, *ä* обозначают узбекские гласные *y*, *o*, *a* соответственно.

⁸ См.: Г. Н. Воронцова. Очерки по грамматике английского языка. М., 1960, стр. 40—42, 50—51.

⁹ Мы имеем в виду разделение аффиксов на словообразующие, формообразующие и словоизменяемые.

‘беловатый’; -(i)š II — показатель совместного залога: k’el+iš+di ‘пришли’;

в) словоизменительные аффиксы, например, -(i)ng I — посессивный аффикс, показатель 2-го лица ед. числа: gučk’ä+ng ‘твоя ручка’; -(i)ng II — глагольный аффикс 2-го лица ед. числа: aldi+ng ‘ты взял’.

Кроме того, аффиксальными омонимами могут быть:

а) словообразовательные и формообразовательные аффиксы, например, -lik’ I — словообразовательный аффикс существительных, образующий слова преимущественно абстрактного значения: jaš+lik’ ‘молодость’; -lik’ II — показатель повелительного наклонения 1-го лица мн. числа: bağ-äj+lik’ ‘пойдемте’;

б) словообразовательные и словоизменительные аффиксы, например, -i I — непродуктивный глаголообразующий аффикс: baj+i+mak ‘богатеть’; -i II — аффикс принадлежности 3-го лица ед. числа: k’itab+i ‘его книга’;

в) формообразовательные и словоизменительные аффиксы, например, -k’ä I — уменьшительный аффикс существительных: jol+k’ä||jol+äk’ ‘дорожка’; -k’ä II — фонетический вариант аффикса дательно-направительного падежа: teräk’+k’ä ‘к тополю’.

5. Омонимичность аффиксов наблюдается в сфере как одной, так и разных частей речи. Определение омонимичности в последнем случае не вызывает сомнений. Например, -siz I — словообразующий аффикс прилагательного: k’uč+siz ‘бессильный’; -siz II — лично-предикативный аффикс глагола: k’el-ä+siz ‘придете’; -čak I — словообразующий аффикс прилагательного: mäktän+čak ‘хвастливый’; -čak II — «субъективный» аффикс существительных: taj+čak ‘жеребеночек’.

В первом же случае некоторые языковеды не усматривают явления аффиксальной омонимии¹⁰. Аффиксы, сходные по звучанию и написанию и относящиеся к одной и той же части речи, но выражающие разные значения, характеризуются ими как полисемантические показатели.

Однако такой подход неприемлем, так как известно, что «новые слова образуются не от частей речи, а от лексических значений производящих основ, что грамматическая природа производящей основы исторически нейтральна к словообразованию»¹¹.

Так, омоаффикс -ak в узбекском языке интерпретируется как полисемантическая аффиксальная морфема. В действительности же -ak I — аффикс локативных существительных: jat+ak ‘общежитие, спальня’; -ak II — аффикс, образующий названия орудий действия: ot+ak ‘серп’; -ak III — аффикс, образующий названия процессов: ot+ak ‘жатва’, ot+ak ‘прополка’; -ak IV — уменьшительный аффикс существительных, формообразующий в узком смысле: baš+ak ‘колос’ (в диахроническом плане). Значения указанных аффиксов не совпадают. Сюда же можно отнести показатели -či, -lak. Например, -lak I — локативный аффикс существительных: kum+lak ‘песчаное место’; -lak II — уменьшительно-ласкательный аффикс существительных: botä+lak ‘верблюжонок’. Правда, число омоаффиксов в пределах одной и той же части речи значительно меньше.

¹⁰ Я. Д. Пинхасов. Хюзирги замон Ўзбек тилида омонимик ва синонимик аффиксларга доир. — «Доклады научно-теоретической конференции Бухарского гос. пед. института им. С. Орджоникидзе». Бухара, 1957, стр. 81—83; У. Турсунов, Ж. Мухторов, Ш. Рахматуллаев. Хюзирги Ўзбек адабий тили. Тошкент, 1965, стр. 6.

¹¹ Э. В. Севортян. Несколько замечаний к тюркологическим исследованиям по грамматике. — «Советская тюркология», 1970, № 3, стр. 12—13.

6. При определении аффиксального омонимичного ряда надо учитывать и фонетическую многовариантность аффиксов. В связи с этим один и тот же показатель (конечно, в разной фонетической форме и в разных фонетических условиях) выступает членом двух и более омонимичных рядов. Например: -k' (-ik', -uk', -äk'), -k (-ik, -uk, -ak...), -čak (-čik, -čuk, -čay, -čäk'...).

Омонимами могут быть:

- а) основные варианты аффиксов (-čak I, -čak II);
- б) неосновные варианты аффиксов: sirpän+čik||sirpän+čak 'скользящий' (-čik I, -čak II); taj+čik||taj+čak 'жеребеночек' (-čik II, -čak II);
- в) основные и неосновные варианты аффиксов, например, -kă I — непродуктивный словообразующий аффикс прилагательного: laj+kă 'муть', 'мутный'; -kă II — фонетический вариант аффикса дательно-направительного падежа: tak+kă 'в горы'.

В случае многовариантности противопоставляемых аффиксов следует говорить о вариантной аффиксальной омонимии. С этой точки зрения омонимичный ряд могут составить следующие сочетания аффиксов:

- а) одновариантный аффикс с одновариантным, например, -č I — образующий существительные с абстрактным значением: išan+č 'доверие' и -č II — образующий имена прилагательные: žirk'än+č 'гадкий' (ср. также -či I и -či II);
- б) одновариантный аффикс с многовариантным. Например, -k'ă I — многовариантный аффикс (см. выше), -k'ă II — одновариантный (показатель женского рода): student+k'ă 'студентка'.

7. В узбекском языке аффиксальный омонимичный ряд может содержать от двух до восьми показателей. Например, -ă I — словообразующий аффикс существительного: kăh-kăh+ă 'хохот' (ср. kujk'ă 'осадок' <kuj+uk+ă); -ă II — глаголообразующий аффикс: ât+ă-tak 'именовать', tup+ă-tak 'ночевать'; -ă III — аффикс деепричастия: jugă-jugă 'много походив'; -ă IV — словообразующий аффикс наречий: kăjt+ă 'заново' (исторически); -ă V — показатель женского рода, заимствованный из арабского языка: Kărim+ă 'Карима' (имя); -k' I — словообразующий аффикс существительных с конкретно-предметным значением: k'ugă+k' 'лопата'; -k' II — словообразующий аффикс существительных с абстрактным значением: tilă+k' 'мечта'; -k' III — словообразующий аффикс прилагательных со значением результата действия: juk'-să+k' 'возвышенный' (ср. juk'săl), tiri+k' 'живой' (ср. tiril); -k' IV — уменьшительно-ласкательный аффикс: ajnă+k' 'маленькое зеркальце' <aj+in+ă+k', ср. еще: šišăk' 'разбитое стекло, его куски', hožik' 'происходящий из рода ходжей' (употребляется иронически в хорезмских говорах); -k' V — показатель 1-го лица мн. числа глагола: oki-di+k' 'прочитали' (исторически); -k' VI — непродуктивный аффикс возвратного залога: ilăk'tak||ilăš-tak||elăk'išmak 'зацепляться' и др. Ср. также формы -mă и -ik'.

В узбекском языке встречаются чаще омонимичные ряды, состоящие из двух, трех и четырех аффиксов.

Правда, некоторые аффиксы, хотя и входят в сложный омонимичный ряд (сложным называем такой омонимичный ряд, в котором более двух аффиксов), не могут создать омонимичную пару со всеми членами ряда вследствие связанности значений. Например, рассмотрим аффиксальный омонимичный ряд, содержащий три показателя: -di I — показатель прошедшего времени: k'et+di 'ушел', -di II — показатель 3-го лица настоящего-будущего времени: k'el-ă+di 'он придет', -di III — сокращенная форма недостаточного глагола edi: k'elgän+di (k'elgän edi) 'когда-то пришел'. Значения формантов -di I и -di III связаны (оба они являются показателями прошедшего времени глагола). Тем не менее указанные

аффиксы должны быть членами омонимичного ряда, поскольку каждый в отдельности образует омонимичную пару с элементом -di II. Аффиксы -di I и -di III следует именовать относительными аффиксальными омонимами.

8. В аффиксальной омонимии выделяются аффиксальные омографы и аффиксальные омофоны. Аффиксы-омографы имеют разное значение и произношение, но одинаковое написание. (по признакам глухости — звонкости согласных в определенных позициях, вследствие различного ударения и т. д.). Например, -mä I — ударный аффикс, образующий существительные от глагольной основы: baškär+mä 'управление', -mä II — безударный, формообразующий аффикс отрицания глагола: k'el+mä 'не приходи'; -gin I — словообразующий аффикс прилагательных: yäm+gin 'грустный'; -gin II — звонкий вариант показателя повелительного наклонения, который после глухих согласных звучит как -k'in, но в орфографии сохраняет форму -gin: äjt+gin 'говори'. Наоборот, аффиксы-омофоны характеризуются одинаковым произношением, но разными значениями и написаниями отдельных звуков. Ср. аффиксы -gin II: äjt+gin (в произношении äjt+k'in) и -k'in I — фонетический вариант аффикса -gin I: k'es+k'in 'резкий'.

9. Аффиксальной омонимией в полном смысле этого слова является омонимия аффиксов — единиц одного уровня. В остальных случаях (например, при омонимии аффиксов и частиц или сокращений отдельных форм) правильнее будет говорить об аффиксальной омонимии в широком смысле (и то весьма условно). По форме могут совпадать: а) аффикс с аффиксом (этот продуктивный случай отражен выше в примерах); б) аффикс с частицей (имеется в виду частица-аффикс); например, омонимами являются все вышеуказанные формы показателя -ak (I, II, III, IV) и усилительная частица -ak V: k'elib+ak 'сразу же приходи'; в) аффикс с сокращенной формой какого-нибудь слова или элемента (ср. -di II и -di III).

10. Аффиксальная омонимия наблюдается в основном в системах существительного, прилагательного и глагола, а также между аффиксами существительного — прилагательного, существительного — глагола, прилагательного — глагола и т. д.

11. Производящие основы, принимающие омоаффиксы, бывают как разными, так и тождественными по форме и значению (иногда и омонимичными). Ср.: -gi I — k'uz+gi 'осенний', -gi II — sev+gi 'любовь'; -čä I — kiz+čä 'маленькая девчонка', -čä II — kiz+čä 'как девочка'; -mä I — baškär+mä 'управление', k'oçig+mä 'выписка', -mä II — baškär+mä 'не управляй', k'oçig+mä 'не переписывай'. Последние четыре слова являются также примерами лексических омографов, образованных аффиксами-омографами. Аффиксальная омонимия часто переплетается с лексической, порождая «отраженную омонимию»¹².

II. Пути возникновения аффиксальных омонимов

Явление омонимии, как лексической, так и аффиксальной, в основном возникает двумя путями: 1) в результате случайного совпадения языковых единиц в ходе развития языка, 2) вследствие полисемии. Однако возникновение омонимов в каждом конкретном языке характеризуется специфическими особенностями, обусловленными объективными закономерностями языкового развития.

¹² См.: А. Тихонов, Т. Ходжаев, Р. Кунгуров. Омонимия аффиксов в современном узбекском языке. — В сб.: «Вопросы востоковедения», новая серия, № 145. Самарканд, 1965; В. В. Виноградов. Указ. раб., стр. 68—69, 74.

Анализ фактов узбекского языка позволяет сделать следующие выводы:

1. Аффиксальные омонимы возникают в результате случайных совпадений придаточных морфем по форме. Такое явление наблюдается между однофонемными (-i I, -i II), двуфонемными (-či I, -či II) и многофонемными (-gin I, -gin II) аффиксами; между простыми и составными (-/i/ndi I — словообразующий аффикс существительного: k'uj+indi 'гарь', -/i/ndi II — возвратно-страдательная форма глагола: k'uj-in+di 'печалился') показателями. Кроме этого, совпадения такого типа возникают как между придаточными морфемами изучаемого языка (ср.: -i I, -i II)¹³, так и между заимствованными: -dan I — орудийный аффикс существительных со значением вместилища: sijah+dan 'чернильница'; -dan II — словообразующий аффикс прилагательного: bilim+dan 'знающий' (оба показателя заимствованы из таджикского языка — пример параллельного заимствования, так как перемещена целая омонимичная группа). Помимо этого, омонимия аффиксов может появляться при совпадении форм заимствованных аффиксов с исконно узбекскими. Примеры: -mä I (см. выше) и -mä III — фонетически измененная форма таджикского элемента bā: betmä-bet 'лицом к лицу'; -k'ä II (см. выше) и -k'ä III — показатель женского рода, заимствованный из русского языка: āspirānt+k'ä 'аспирантка'.

Такие аффиксальные омонимы А. Г. Гулямов называет исторически неродственными¹⁴.

2. Семантическое развитие придаточных морфем также может привести к появлению аффиксальных омонимов, то есть аффиксальные омонимы могут вырастать из многозначности морфологических показателей, когда значения и функции формантов обособляются. Примеры: -ik I — словообразующий аффикс прилагательного, выражает значение результата признака: jar+ik 'закрытый' (ср.: атрибутивное сочетание jarik ešik', имеются также синонимичные формы типа jariylik||jarilgān); -ik II — словообразующий аффикс существительных, выражает значение предмета: jar+ik 'попона' (слово склоняется как существительное, ср.: сочетания типа atning jariyi). Эти формы в настоящее время различаются по значению, выполняемой функции и другим лексико-грамматическим признакам. Аффиксальные омонимы, возникающие указанным путем, называются «исторически родственными» (термин А. Г. Гулямова).

3. Причиной возникновения аффиксальных омонимов могут быть фоно-морфологические изменения:

а) Редукция, особенно опущение начальных согласных аффиксов. Показатель -ak может быть примером этого типа изменений, поскольку этот аффикс, встречающийся в словах с орудийным значением, вначале имел форму -yak/-kak. По мнению исследователей, опущение фонем y, k, k', g в начале аффикса — распространенное явление. Очевидно, исторически исходными формами слов tārak 'гребень', oğak 'серб' были tāryak, oğyak. Вследствие данного явления и возникла омонимия показателя -yak —> -ak и других элементов -ak в узбекском языке (см. вышеприведенные примеры). Ср. еще случаи выпадения начальной согласной аффикса, приводящего к омонимии: -lā —> -ä (guldurlāmak —> guldurāmak 'гремять'), -yi —> -i (bižyimak —> bižiniak 'тухнуть').

¹³ Ср. этимологию этих показателей, см.: А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 87, 253; Г. И. Рамstedt. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 27; A. Zajaczkowski. Sufiksy imienne i czasownikowe w języku zachodniokaraïmskim. W. Krakowie, 1932, § 2, стр. 132.

¹⁴ См.: А. Г. Гулямов. Указ. дисс., стр. 164.

б) Морфологическое переразложение. Например, таким образом возникла омонимия аффиксов -mä I и -mä II: $bas + im + ä \rightarrow bas + mä$ ($im + ä \rightarrow -mä$ I).

в) Субституция. Аффиксы, заимствованные из других языков, заменяются узбекскими фонетическими вариантами: $k'o\check{s}ä\ b\check{a}\ k'o\check{s}ä$ (таджикская конструкция) $\rightarrow k'o\check{s}äm\check{a}-k'o\check{s}ä$ 'по улицам' ($b\check{a} \rightarrow -mä$ III). Ср. с -mä I и -mä II.

г) Фонетическая дивергенция. В силу этого закона возникли, например, два самостоятельных показателя в форме -gip и -gäp¹⁵, первый из которых впоследствии стал членом омонимической пары (-gip I, -gip II). Омонимичен и -gäp, но только в узком грамматическом значении (существует форма -gäp с двумя грамматическими значениями, различающимися только окказионально).

д) Ассимиляция отдельных согласных. Ср.: -k'ä I и -k'ä II, -kä I и -kä II и др.

Можно сделать вывод, что, возникающие в силу различных причин, омоаффиксы являются одним из основных источников обогащения узбекского языка.

III. Разграничение аффиксальных омонимов и полисемантических придаточных морфем

Омонимия и полисемия, в том числе аффиксальная омонимия и аффиксальная полисемия, — две области, обогащающие и питающие друг друга. Взаимный переход указанных явлений в диахроническом плане закономерен, но при рассмотрении синхронного среза языка омонимии и полисемии следует разграничивать, хотя это и связано с определенными трудностями. Мы не можем согласиться с мнением отдельных языковедов¹⁶, которые не считают обязательным разграничение явлений омонимии и полисемии в аффиксальных морфемах.

При разграничении этих явлений в аффиксах надо иметь в виду следующее:

1. Значения аффиксов-омонимов резко различаются и не соприкасаются между собой (в синхронном плане), значения же, выраженные полисемантическими придаточными морфемами, сливаются в одной точке, то есть имеют связывающий семантический инвариант. В этом отношении большой интерес представляет путь нахождения смыслового инварианта, предлагаемый А. В. Исаченко¹⁷. Например, форманты -li, -lär являются полисемантическими показателями, так как каждый из них имеет различное (в основном контекстуальное) значение. Словообразующий аффикс прилагательных -li выражает следующие значения: обладание ($bal\check{a}li$ 'имеющий ребенка'), обилие ($jayli$ 'жирный'), пригодность ($mini\check{s}li$ 'удобный для езды верхом'), отношение к месту ($\check{s}ah\check{a}rli$ 'городской') и др. Формообразующий аффикс -lär выражает: множественность ($bal\check{a}l\check{a}r$ 'дети'), уважение ($ap\check{a}ml\check{a}r\ k'eldi$ 'пришла дорогая сестра'), ориентированность, приближенность ($sa\check{a}t\ be\check{s}l\check{a}rd\check{a}$ 'приблизительно в пять часов'),

¹⁵ Об этом подробно см.: Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1966, стр. 310—322.

¹⁶ В. В. Пассек. К омонимии словоизменительных суффиксов (окончаний) в английском языке. — «Вопросы языкознания», 1960, № 5, стр. 68.

¹⁷ См.: Е. И. Шендельс. О грамматической полисемии. — «Вопросы языкознания», 1962, № 3, стр. 48.

иронию (bu arämlärgä nimä bar ek'än? 'что тут делать этой сестрице?'), ласкательность путем усиления (bašläringdän anäng örgilsin 'мать твоя восхищена твоей головой') и др. Во втором случае сильна роль контекста.

В вышеприведенных примерах легко выделяются смысловые инварианты, объединяющие совокупности значений аффиксов -li и -lär — значения обладания и множественности соответственно.

Таким образом, в указанных случаях нет основания говорить об омонимии морфологических показателей.

2. Объективное разграничение полисемии и омонимии аффиксов нуждается в исторической оценке явлений. Если столкновение абстракций разного качества в одном звучании говорит в пользу аффиксальной омонимии независимо от того, происходят ли данные омоаффиксы из одного источника или являются разными образованиями, то столкновение значений однозвучных аффиксальных морфем свидетельствует о полисемии аффиксальных единиц. (Но доказательство наличия какой-то объединяющей категории требует исторического анализа). Таким образом, синхронное положение этих аффиксальных морфем совершенно определено.

Например, несмотря на генетическую общность, показатели -(i)m [- (i)m I — посессивный аффикс, выражает значение принадлежности предмета лицу: gučk'äm 'моя ручка', -(i)m II — лично-предикативный аффикс глагола, выражает значение отношения действия к лицу: bardim 'я пошел'], -čä (ср.: -čä I и -čä II) с синхронической точки зрения должны характеризоваться как омонимичные форманты, поскольку в настоящее время они различаются и в парадигматическом плане, и по значению.

3. Рассматриваемые явления иногда разграничиваются по сфере или по степени употребления, а также по экспрессивно-стилистической окраске. «Если в именном суффиксе развиваются далеко расходящиеся значения, способные привести к распадению суффикса на два омонима, то обычно одно из этих значений вымирает, становится непродуктивным. Выживают лишь те суффиксальные омонимы, которые резко отличаются или кругом употребления, или способом словопроизводства, или экспрессивной окраской»¹⁸. Например, -lak I не имеет экспрессивной окраски, -lak II обладает этим признаком; -či I — продуктивный аффикс, -či II — непродуктивный (см. выше примеры).

4. Иногда следует уточнить этимологию показателей (особенно тех, которые вызывают сомнения) для установления объективно-этимологических критериев, для определения общих путей возникновения омоаффиксов и конкретизации родственных и неродственных аффиксальных омонимов.

5. Наличие у сопоставляемых аффиксов различных синонимов также может быть признаком того, что аффиксы являются омонимами. Например, -(i)š I || -(i)mtir : akiš || akimtir 'беловатый', -(i)š II || -ginä : buvišim || buvinä 'бабуленька'; -i I || -län : tinčimak || tinčlänmak 'успокаиваться' и др.

Применение этого критерия на практике в силу ряда причин ограничено.

6. Наиболее яркой особенностью омонимичных аффиксов, в отличие от полисемантических, являются различные словообразовательные связи¹⁹ и соотносимость с разными парадигмами. Ср.: -(i)m I и -(i)m II; -ik I и -ik II и пр.

¹⁸ В. В. Виноградов. О грамматической омонимии в русском языке. — «Русский язык в школе», 1940, № 1, стр. 5.

¹⁹ См.: Н. М. Шанский. Указ. раб., стр. 97.

Существуют и другие дополнительные критерии разграничения явлений омонимии и полисемии.

Явление аффиксальной омонимии прежде всего связано с одним из центральных вопросов современной лингвистики — проблемой формы и содержания в языке. В рамках же лингвистического анализа как формальная, так и содержательная стороны изучаемых языковых фактов являются лингвистическими категориями и в равной мере требуют пристального внимания исследователя²⁰.

²⁰ А. М. Мухин. К проблеме содержания и формы в лингвистике. — В сб.: «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания». М., 1970, стр. 207.

Т. И. ГАДЖИЕВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГЕМИНАТ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

В тюркологии не раз высказывалось мнение о том, что удвоенные согласные не характерны для фонетики тюркских языков¹. Может быть, именно эти высказывания о «нехарактерности» и не позволяли специалистам приступить к разрешению вопроса происхождения геминаций в тюркских языках. М. Ш. Ширалиев, приводя примеры геминат из азербайджанских диалектов, пишет: «Явление удвоения согласных встречаем и в других языках. Но причины, вызвавшие это явление, в тюркологии пока не объяснены»².

В тюркских языках все случаи удвоения согласных в корне слова можно разделить на две группы. К первой группе следует отнести существительные с геминатами, ко второй — прилагательные, числительные, наречия.

В словах первой группы установление происхождения геминат не представляет особых трудностей. Определенную часть слов этой группы составляют иноязычные заимствования, например, азерб.: *gässab* 'мясник', *baggal* 'бакалейщик', каракалп. *gelle||kelle* 'череп, голова'. В других словах данной группы удвоение согласных встречается на стыке морфем опущенного слова, например: *addym* < *at* + *tym* 'шаг', *addaš* 'тезка, соименник' — в азербайджанском языке и его диалектах. В ряде случаев двойные согласные представляют собой результат фонетических изменений комбинаторного характера, например, ассимиляции или выпадения гласного: *yüzzük* (< *yüzlük*) 'сотня' — в турецких диалектах; *šamta* (< *šamata*) 'несъедобная дыня', *doššan* (< *dovšan*) 'заяц' — в диалектах азербайджанского языка.

Отметим, что следует отличать собственно геминацию как первичное фонетическое явление от прочих случаев удвоения согласных, связанных с определенными фонетическими процессами. Рассматривать удвоение последнего типа как геминацию — значит иметь неверное представление о сущности этих фонетических процессов.

Таким образом, можно считать, что в тюркских языках нет имен существительных тюркского происхождения с первичной геминатой. Слова с геминатой здесь или заимствованы из языков других систем, или образовались в результате соответствующего морфологического развития. В последнем случае гемината является объектом изучения этимоло-

¹ Н. К. Дмитриев. Двойные согласные в тюркских языках. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I. Фонетика. М., 1955, стр. 261.

² М. Ш. Ширалиев. Азербайжан диалектолокијасынын эаслары. Баки, 1962, стр. 124.

гической морфологии. Существительные с геминатами исключают возможность объяснения удвоения согласных специфическими фонетическими законами, присущими тюркским языкам.

Другую группу, как уже упоминалось, составляют слова, выражающие признак, качество и количество. Такие слова с геминированными согласными довольно употребительны, однако в разных тюркских языках имеют различную распространенность. В одних языках явление геминации можно наблюдать сравнительно часто (азербайджанском, кумыкском, карачаево-балкарском), в других — реже (туркменском, каракалпакском, узбекском, чувашском), а в третьих — оно почти не наблюдается (алтайском, турецком).

Интересно, что в любом из указанных тюркских языков слова с двойными согласными выступают либо в качестве прилагательного и числительного, либо в виде образованного от них глагола или другой части речи. Например, туркм. *гарры* 'старый' и *гарры-мак* 'стареть', *аррык* 'худой' и *аррык-ламаг* 'худеть', *ыссы* 'теплый', *сеггиз* 'восемь', *доккуз* 'девять'³; узб. *каттык* 'жесткий', *аччик* 'горький', *иссик* 'теплый', *икки* 'два', *етти* 'семь', *саккиз* 'восемь', *туккиз* 'девять', *уттиз* 'тридцать', *эллик* 'пятьдесят'⁴; кум. *аччы* 'горький', *исси* 'теплый', *улли* 'великий', *гиччи* 'маленький', *итти* 'острый', *катты* 'жесткий', *этти* 'семь', *элли* 'пятьдесят'⁵; каракалп. *ыссы* 'горячий', *джылы* 'теплый', *къатты* 'жесткий', *елли* 'пятьдесят'⁶; азерб. *jeddi* 'семь', *säk'k'iz* 'восемь', *dogguz* 'девять', *älli* 'пятьдесят'.

В азербайджанском литературном языке в прилагательных геминаты не встречаются.

Удвоение согласных в тюркских языках Ж. Дени объяснял экспрессивной окраской речи. Например, *evvet* 'да', *küſſük* 'маленький' (в турецких диалектах) вместо *evet*, *küçük*⁷. Другого объяснения происхождения двойных согласных в тюркологии пока нет. До сих пор слова с геминатами в разных тюркских языках учеными только перечислялись и учитывались, без толкования этимологии этого явления.

Действительно, удвоение согласных несет определенную экспрессивную нагрузку. Но с каким элементом значения слова связана эта экспрессивность и в чем причина ее возникновения? Нам представляется, что удвоение согласных в тюркских языках является морфологическим способом выражения грамматического значения. То есть в своих истоках тюркская гемината была равносильна грамматическому показателю.

Высказывая это предположение, мы исходим из следующего:

1. Для объяснения геминации в тюркских языках отправной точкой могут быть факты диалектологических наблюдений. В азербайджанских диалектах для передачи соответствующего дополнительного оттенка значения слова один из согласных удваивается, и это удвоение выступает как формальный показатель определенного грамматического значения. При этом значение прилагательных приобретает модальный оттенок, очень близкий по значению к превосходной степени. Например: *gäſänk'* 'красивый' — *gäſſänk'* 'очень красивый'; *goſag* 'смелый' — *goſſag* 'очень смелый'; *gyſa* 'короткий' — *gyſſa* 'очень короткий'; *kičik* 'маленький' — *kiččik* 'очень маленький'.

Удвоение согласных придает оттенок модальности также местоиме-

³ См.: Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 262.

⁴ См.: А. Н. Консков. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 34.

⁵ См.: Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 262.

⁶ См.: Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II, ч. 1. М., 1952, стр. 97.

⁷ См.: Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 263.

ниям и наречиям, выражающим понятия количества и времени: *hamy||hammysy* 'все' — *hammy||hammysy* 'без исключения все', *hämīšä* 'всегда' — *hämmišä* 'без исключения всегда'. Видимо, М. А. Сабир использовал особенности диалектной речи, когда для эмоционального усиления прибегал к геминате: *Вагт олду, вуруб йихмага муштаг оласыз сиз. Евда карак эввалча ки, гоччаг оласыз сиз*⁸ 'Коль скоро вы хотите быть разрушителем, вам нужно стать вначале отважным храбрецом дома'.

Аналогичное явление наблюдается и в диалектах турецкого языка: *yazzik* 'бедный' вместо литературного *yazık*, *euıı* < *iyi* 'хороший', *aş-şagi* < *asagi* 'низ, нижний'⁹.

2. В некоторых тюркских языках при выражении усиления признака или качества в морфеме — показателе сравнительной или превосходной степени прилагательного, согласный удваивается: узб. *оппок* 'совершенно белый', *соппа-соғ* 'совершенно здоровый'¹⁰; кум. *туьппе-туьз* 'очень ровный', *боппо-бош* 'совсем пустой', *яппа-яш* 'совсем молодой', *къаппа-къарт* 'очень твердый', *уппа-учуз* 'очень дешевый', *саппа-сав* 'совершенно здоровый'¹¹.

Появление долгих или удвоенных согласных именно в показателе сравнительной и превосходной степеней прилагательного, а не в показателях каких-либо других категорий также указывает на то, что это явление имеет обязательную семантическую связь с выражением качества и количества. Эта особенность, характерная для узбекского, кумыкского и других языков, присуща и азербайджанским диалектам: *düppädüz* 'совершенно ровный', *sappasay* 'совершенно здоровый', *aýarrag* 'совершенно белый' и др.

3. Следы указанного способа выражения грамматического значения можно найти и в письменных памятниках тюркских языков. Весьма показательным в этом отношении фактом является слово *агу* (более древняя форма слова *агуу||агуу*), зафиксированное в «Диване» Махмуда Кашгари. Данное слово передается в арабской графике с диакритическим знаком *тешдид* — *أَرَغ* и переведено на турецкий язык Бесимом Аталаем как *пекаги* 'самый чистый, очень чистый'¹². По-видимому, в древний период в тюркских языках при передаче усиления признака или качества использовались долгие согласные.

4. Выполнение в прошлом долгими согласными чисто грамматической функции подтверждается следующим: в тюркских письменных памятниках-словарях (например, в сочинениях Махмуда Кашгари, Ибн-Муханны, Тали Герати и др.) отражено очень мало, по сравнению с современными тюркскими языками, случаев удвоения согласных. Тот факт, что древнейшая особенность тюркских языков — явление удвоенных или долгих согласных — почти не нашла отражения в указанных лексикографических памятниках, содержащих лишь лексические единицы, говорит о грамматическом характере этого явления. Что касается «Дивана» Махмуда Кашгари, то в нем геминация отмечается, поскольку автор приводит и грамматические толкования. Кроме того, автор «Дивана» составлял его на основе непосредственного изучения живого разговорного языка, учитывая речевые факты, а, следовательно, и экспрессию устной речи.

⁸ М. Ә. Сабир. *Һөнһопнамә*, ч. 1. Баку, 1962, стр. 67.

⁹ См.: *Omer Asim Aksoy*. *Gaziantep agzi*, I. İstanbul, 1945, стр. 71—72.

¹⁰ См.: А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 35.

¹¹ См.: Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 72.

¹² *Divanü lûgat-it-türk tercümesi*, çeviren Besim Atalay, I c. Ankara, 1939, стр. 143.

5. Мы уже отмечали, что удвоение согласных в существительных не свойственно тюркским языкам и большинство таких слов является заимствованным. Добавим, что и в заимствованных существительных иногда выпадает один из компонентов геминаты. Это явление наблюдается как в литературно-письменной речи (например, азерб. *paralel, metal, tunel*), так и в разговорной (азерб. *gramatika, sir* 'тайна', *hād* 'граница, предел', *Abas*—имя). Несомненно, в существительных преобладает процесс упрощения согласных. Например, *mühüm* 'важный', *müstəgil* 'самостоятельный'. В инпозиции же (*sərrast* 'меткий', *gəddar* 'ярый', *mükəddər* 'грустный') геминаты не изменяются, что вполне объясняется наличием удвоенных согласных в словах тюркского происхождения в соответствующей данной позиции.

6. Тот факт, что в тюркских языках долгие согласные участвуют только в словах, означающих качество и количество, причем в инпозиции, также говорит об исторической связи геминации согласных с выражением понятий качества и количества. В языках же других систем геминаты могут встречаться во всех частях речи и в любой позиции. Поэтому в тюркских языках и диалектах геминаты преимущественно сохраняют заимствованные слова, выражающие качественные и количественные значения. Например: азерб. диалект. *аввам* 'невежественный', *хаммысы* 'все юни', *хəммəшə* 'всегда', *хаммы*¹³, каракалп. *хаммеси*¹⁴ 'все'.

7. В диалектах геминация встречается чаще, чем в литературном языке, поскольку в диалектах древнейшие явления сохраняются лучше. Например: диалектные слова *gəccax* 'смелый', *uzun* 'длинный', *hərrup* 'разжиревший', *təmmiz* 'чистый', *avvam* 'невежественный' в азербайджанском литературном языке не имеют удвоенных согласных. Более того, в диалектах имеется огромное количество прилагательных с геминатами, совершенно не встречающихся в литературном языке, например, ряд слов со значением «очень маленький»: *dygga||dyggyly*, *zygga||zyggyly*, *zybba||zybbyly* и т. д.

8. В области геминации, связанной с эмоционально-экспрессивным характером речи, следует отметить употребление геминат в подражательных и междометных словах: азерб. *zyggylyty, zygyldamag, vygylyty, vaggyldamag, taggylyty-tyggylyty, horrammag* и др.

Как известно, междометные и звукоподражательные слова отличаются высокой эмоциональностью и экспрессивностью. По-видимому, геминация в таких случаях служит усилению этой эмоциональности и экспрессии. В указанных примерах долгий согласный входит в первую—междометную или подражательную части слова (*tagg, vagg, zygg, horp* и т. д.). Вторая же часть, представляющая собой формально-грамматический показатель, не содержит долгих согласных (*-ylty, -ylda, -anmag*).

Можно предположить, что, например, слово *şagal* 'шакал', с древних времен обозначавшее в фольклоре хитрость, со временем превратившееся в *şagga*, и в этом переносном значении также выражало понятие качества. Не исключено, что стилистико-функциональная окраска определила в дальнейшем фонетический облик слова.

9. В некоторых языках мира, как известно, лексический повтор служит грамматическим средством выражения множественного числа¹⁵, например, в малайском языке: *orang* 'человек' — *orang-orang* 'люди', в

¹³ М. Ш. Ширәлијев. Шаһбуз шивәләринин фонетикасы. — «Труды Института языка и литературы им. Низами», т. VIII. Баку, 1957, стр. 26.

¹⁴ Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 97.

¹⁵ См.: А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1967, стр. 287.

шумерском: *kur* 'страна' — *kur-kur* 'страны', в языке хауса: *igi* 'сорт' — *igi-igi* 'сорта', *chivo* 'боль' — *chivo-chivo* 'боли'¹⁶.

Во многих языках повторы в речи служат средством усиления выражаемого сообщения. Например, в русском языке: *да-да, ни-ни, чуть-чуть, давно-давно, едва-едва*¹⁷.

В качестве грамматического средства повтор может быть использован для выражения превосходной степени прилагательных: *добрый-добрый, добрый-предобрый, тихий-тихий, большое-пребольшое*¹⁸. Здесь лексический повтор выступает синонимом прилагательного превосходной степени, выраженным с помощью морфологических показателей. Подобный способ выражения грамматического значения посредством лексических повторов встречается и в современных тюркских языках: *böjük'-böjük'*, *dalğa-dalğa*, *jaxşı-jaxşı* и т. д.

Повторы *böjük'-böjük'*, *jaxşı-jaxşı* выступают грамматическими синонимами соответственно слов *böjük'zä* 'самый большой' и *jaxşıza* 'лучший, лучше', то есть повтор, как отмечалось, выражает превосходную степень прилагательного. Причем, в основе выражения превосходной степени с помощью частичной редупликации лежит полный повтор лексической единицы: *gaga-gaga* > *gapgapa* 'совершенно черный', *jaşyl-jaşyl* > *jamjaşyl* 'совершенно зеленый', *böjük'-böjük'* > *bösböjük'* 'совсем большой'.

В существительных повтор выражает количественное понятие. Например, признанные сложным словом единицы *sähär-sähär*, *axşam-axşam* соответственно выражают значения *sähärlär|| här sähär* 'утра||каждое утро||по утрам', *axşamlar|| här axşam* 'вечера||каждый вечер||по вечерам'. Сложное слово *sähär-sähär* может выражать и другое значение — *букв.* 'ранним утром, в утреннее время'. Ср.: *Сәһәр-сәһәр бағда кәзән назәнин:* (Ашуг Алескер) 'Красавица, гуляющая ранним утром в саду...' Но контекст не исключает и вышеуказанного значения. Повторы, вообще, нагнетают значения качества и количества в художественной речи, выступая усилительными стилистическими фигурами. Оба значения, и грамматическое и стилистическое, выражаются синкретично. Например: *Карван-карван көйдән улдузлар көчүр, Өз бахтына һәрә бир үлжәр сечир* (С. Вургун) 'Караванами кочуют в небе звезды, Каждый выбирает себе на счастье по созвездию'. Слово *карван-карван* синтезирует в себе и грамматическое количественное, и стилистическое усилительное значения.

Удвоение подвергает слово также определенному семантическому изменению, нередко переводя его из одной части речи в другую. Одновременно слово, будучи лексико-грамматической единицей, изменяет и свою грамматическую категорию. Например: имена существительные *şan* 'соты', *juуun* 'куча', *dästä* 'группа' в удвоенном виде — *şan-şan* 'сота́ми', *juуun-juуun* 'куча́ми', *dästä-dästä* 'группа́ми' — превращаются в прилагательные или наречия. При этом такие двойные прилагательные обычно предполагают определяемые существительные во множественном числе: *dästä-dästä adamlar* 'люди отрядами', *şirin-şirin alma-lar* 'сладкие яблоки' и т. д., что подчеркивает связь повтора с множественным числом.

Итак, всё вышеизложенное позволяет сделать вывод, что долгие согласные (и вообще повторы) в тюркских языках несут функции грам-

¹⁶ Р. А. Будагов. Введение в науку о языке. М., 1958, стр. 228.

¹⁷ См.: А. А. Реформатский. Указ. раб., стр. 287.

¹⁸ См. там же, стр. 288.

матического средства выражения усиления, интенсификации атрибутивного или количественного признака. С течением времени геминаты в фонетическом составе слова окаменели, как это случалось и с другими аффиксальными морфемами. В настоящее время часть слов с геминатами сохранилась в ряде тюркских языков. Некоторые же из этих слов остались лишь в разговорной, диалектной речи и активизируются только в определенной речевой ситуации в качестве экспрессивного показателя.

Х. Ф. ИСХАКОВА

К ВОПРОСУ О ФОРМАЛЬНОМ ОПИСАНИИ МОРФОЛОГИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

В современной лингвистике получило распространение описание языка в виде системы правил, моделирующей речевую деятельность человека. Примером речевой деятельности может служить построение говорящим некоторого текста для передачи нужного смысла. Описание языка в этом случае должно представлять собой систему правил перехода от данного смысла к соответствующему ему тексту (одному или нескольким синонимичным).

Все правила, содержащиеся в описании подобного рода, должны применяться автоматически, то есть читатель для их применения не должен прибегать к интуиции и использовать дополнительные знания (при составлении же правил интуиция автору, разумеется, нужна). Другими словами, необходимо, чтобы описание носило *формальный* характер, то есть отвечало бы следующим трем требованиям: было «логически последовательным (исключается пропуск существенных звеньев рассуждения), однозначным (исключаются формулировки, допускающие более одного понимания) и вполне эксплицитным (исключается «контрабандное» привлечение информации, не входящей в описание в явном виде)»¹.

При таком описании языка становится возможным обнаружить ещё нерешенные для него проблемы, ранее остававшиеся незамеченными, а также уточнить описание известных фактов, или по-новому их осмыслить.

Формальные описания указанного типа представляют очевидный теоретический интерес. Практически же они могут быть использованы при создании систем автоматической обработки текстов, в том числе при машинном переводе, а также при обучении языку.

Формальная морфология (как специальная область лингвистики) стала развиваться с появлением теории порождающих грамматик Н. Хомского², а также в связи с проблемой автоматического перевода и на сегодняшний день имеет уже десятилетнюю историю. Созданы фор-

¹ А. В. Гладкий, И. А. Мельчук. Элементы математической лингвистики. М., 1969, стр. 9.

² См.: Н. Хомский. О понятии «правило грамматики». — В кн.: «Новое в лингвистике». Вып. IV. М., 1965, стр. 34—65; *его же*. Логические основы лингвистической теории. — Там же, стр. 465—575.

мальные описания фрагментов морфологии целого ряда самых разных языков мира³.

В настоящей статье предлагается одна из возможных схем формального описания морфологии тюркских языков. Эта схема рассматривается здесь на материале татарского языка в сопоставлении с турецким и узбекским.

В данном изложении морфология понимается в широком смысле, то есть включает в себя как словоизменение, так и словообразование, что соответствует установившейся в тюркологии традиции.

Всякое описание словоизменения и словообразования, вообще говоря, должно заключать в себе три составные части: 1) списки словоизменительных и словообразовательных значений, 2) списки словоизменительных и словообразовательных морфем и 3) правила, задающие соответствия между ними (то есть указывающие, какая морфема и в каком случае соответствует данному значению).

Предлагаемая схема описания морфологии содержит (в указанном порядке) следующие четыре больших раздела:

I. Краткие сведения по фонологии.

II. Словоизменение.

1. Сведения о словоизменении (списки словоизменительных значений с распределением их по грамматическим категориям, указания о сочетаемости морфем и порядке их расположения в словоформе, указания о количестве форм, которые можно образовать от одной основы).

2. Правила образования словоизменительных форм: 1) правила выбора морфем, 2) правила выбора морф.

III. Словообразование.

1. Сведения о словообразовании (список словообразовательных значений с разбором примеров).

2. Правила словообразования: 1) правила выбора морфем, 2) правила выбора морф.

IV. Морфонологические, фонологические и графико-орфографические правила.

По этой схеме нами описано словоизменение существительного и глагола в современном татарском литературном языке в сопоставлении

³ См., например: *M. Halle*. О правилах русского спряжения. — «American contributions to the Fifth International Congress of Slavists». Vol. I. The Hague, 1963, стр. 113—132; *R. Jakobson*. Russian conjugation. — «Word», 1948. Vol. IV, № 3, стр. 155—167;

P. Sgall. Generativní popis jazyka a česká deklinace. Praha, 1967 (Československá Akademie Ved, Studie a práce lingvistické, 6), стр. 170—186; *Morfologie: česká deklinace*, стр. 190—207; *Algoritmus syntézy české deklinace*; *И. А. Мельчук*. Модель склонения венгерских существительных. — В кн.: «Проблемы структурной лингвистики. 1967». М., 1968, стр. 344—373; *его же*. Модель спряжения в испанском языке. — «Машинный перевод и прикладная лингвистика», вып. 10. М., 1967, стр. 21—53. К этому направлению примыкают, по-видимому, и работы: *К. А. Велиева*. Формальное описание расстановки морфем азербайджанского слова. — «Ученые записки Азербайджанского государственного университета, серия языка и литературы». Баку, 1968, № 1, стр. 69—76; *его же*. Алгоритмическое описание правил порождения азербайджанских словоформ. — «Ученые записки Азербайджанского государственного университета, серия языка и литературы». Баку, 1968, № 5, стр. 58—66; *Н. К. Якубова*. Об алгоритме порождения узбекских словоформ. — «Вопросы кибернетики и вычислительной математики», вып. 16. Ташкент, 1968, стр. 73—81; *В. Я. Пинес*. Моделирование структуры азербайджанских глагольных форм в связи с проблемой автоматического словаря. Канд. дисс. М., 1970. Ср. также: *A. F. Sjoberg*. *Uzbek structural grammar*. Bloomington, 1963 («Indiana University publications, Uralic and Altaic series», 18).

с турецким и узбекским, а также именное и глагольное словообразование по общим для этих языков моделям⁴.

В данной статье⁵ в качестве иллюстрации указанной схемы мы приведем только 1) общий для названных языков список глагольных словоизменительных значений и категорий, 2) примеры словообразовательных значений и 3) примеры на все группы правил.

Словоизменительные значения глагола, общие для татарского, турецкого и узбекского языков

А. Значения, характеризующие субъектно-(прямо)объектные отношения:

- 'А — субъект действия X',
- 'А — одновременно и субъект, и объект действия X' («возвратное действие»),
- 'А и В — субъекты действия X, В — объект X-а для А, А — объект X-а для В' («взаимное действие»),
- 'А — объект действия X'.

Б. Значения, характеризующие соотношенность действия (= 'действия или состояния') с другим событием.

1. Соотношенность действия X с речевым актом.

1. Соотношенность действия X с моментом речи:

- 'X происходит до момента речи',
- 'X происходит в момент речи',
- 'X происходит после момента речи';

2. Соотношенность действия X с говорящим.

2. 1. Отношение говорящего к действию X:

- 1) а) 'призыв к действию X',
- б) 'утверждение о действии X':
- 'X реально происходит' = 'действительно X',
- 'X — условие для действия Y' = 'если X, то Y',
- 'X совершается лишь при условии совершения действия Y' = 'чтобы X, надо Y';

2) 'наличие/отсутствие уверенности/неуверенности в совершении действия X':

- 'обязательно X' = 'утверждаю, что обязательно X',
- 'неизвестно, обязательно ли X' = 'не утверждаю, что обязательно X',

— 'необязательно X' = 'утверждаю, что необязательно X';

2. 2. Наличие/отсутствие соотношенности лица говорящего с лицом актанта (= 'субъект и/или объект действия'):

- наличие соотношенности (личное: 'я, мы'/'ты, вы'/'он, она, оно, они'/неопределенно-личное: 'любой'),
- отсутствие соотношенности (неличное);

II. Соотношенность действия X с другим действием Y:

- 'X предшествует Y',

⁴ Эти описания составляют содержание монографии автора «Исследования в области формальной морфологии тюркских языков» (рукопись).

⁵ В статье использованы сведения по фонологии, морфологии и орфографии татарского, турецкого и узбекского языков, взятые из многих общеизвестных тюркологических работ (за недостатком места мы их здесь не указываем). По своей основной идее и примененному методу статья примыкает к работам: А. К. Жолковский, И. А. Мельчук. О семантическом синтезе. — «Проблемы кибернетики», вып. 19. М., 1967, стр. 177—238; И. А. Мельчук. К понятию словообразования. — «Известия ОЛЯ АН СССР». Серия: литературы и языка, 1967, т. XXVI, вып. 4, стр. 352—362; его же. См. сноску 3.

- 'X — одновременно с Y',
- 'X следует за Y';

III. Соотнесенность действия X с конкретным (определенным) моментом t:

- 'X происходит в момент t',
- 'X происходит не в момент t, но и не всегда',
- 'X происходит всегда (обычно, вообще)'.

В. Значения, характеризующие действие или актант вне связи с другим событием.

I. Наличие/отсутствие действия X:

- 'X' = 'верно, что X',
- 'не X' = 'неверно, что X';

II. Характеристика актанта, оформленного подлежащим, в количественном отношении: 'один'/'более одного';

III. Результативность/нерезультативность действия X:

- 'есть результат X',
- 'неизвестно, есть ли результат X';

IV. Непосредственность/опосредованность участия субъекта в действии (для переходных глаголов это означает и непосредственность/опосредованность связи субъекта с объектом): '(делать) самому'/'делать так, чтобы (делали)';

V. Отношения между действием и его участниками.

1. Отношение актанта А действия X к действию X:

- 1) 'возможность (совершить действие)',
- 2) 'активное⁶ желание (совершить действие)',
- 3) 'необходимость (совершить действие)',
- 4) 'намерение (совершить действие)';

2. Отношение между исполнителями, проявляющееся в образе действия:

'(делать) вместе' (действие, совершаемое одновременно, в одном и том же месте не менее, чем двумя исполнителями).

Перечисленным значениям соответствует 11 грамматических и 5 «не вполне грамматических» категорий. Критерием для такого разграничения является отчетливое противопоставление форм и невозможность выразить их значения иными средствами, у одних категорий, и отсутствие отчетливого противопоставления форм и возможность выразить их значения лексически — у других.

Грамматические категории⁷

А. Категория, характеризующая субъектно-(прямо)объектные отношения — з а л о г:

- основной (тат. төр-, тур. sag-, узб. ўра- 'завертывать, закутывать', тат. кочакла-, тур. kusakla-, узб. қучоқла- 'обнимать'),
- возвратный (тат. төрен-, тур. sagıl-, узб. ўран- 'завертываться, закутываться'),
- взаимный (тат. кочаклаш-, тур. kusaklaş-, узб. қучоқлаш- 'обниматься'),
- страдательный (тат. төрел-, тур. sagıl-, узб. ўрал- 'быть завернутым, закутанным').

⁶ См. сноску 9.

⁷ Некоторые идеи о классификации грамматических категорий были заимствованы нами из работы: R. O. Jakobson. Shifters, verbal categories, and the Russian verb. Harvard, 1957.

Б. Категории, характеризующие соотнесенность действия с другим событием.

1. Соотнесенность действия X с речевым актом.

1. Соотнесенность действия X с моментом речи — время:

— прошедшее (тат. төрде, тур. *sardı*, узб. ўради 'он завертывал, закутывал')⁸,

— настоящее (тат. төрә, тур. *sarıyor*, узб. ўраяпти 'он завертывает, закутывает'),

— будущее (тат. төрәчәк, тур. *saracak(tır)*, узб. ўрайди 'он будет завертывать, закутывать');

2. Соотнесенность действия X с говорящим.

2. 1. Отношение говорящего к действию X:

1) наклонение:

— повелительное (тат. төр, тур. *sağ*, узб. ўра 'завертывай, закутывай'),

— изъявительное (тат. төр-, тур. *sağ-*, узб. ўра- 'завертывать, закутывать'),

— условное (тат. төрсә, тур. *sarsa*, узб. ўраса 'если завертывал, закутывал, если завертывает, закутывает, если будет завертывать, закутывать'),

— сослагательное (тат. төрер иде, тур. *sarardı*, узб. ўрар эди 'он бы завертывал, закутывал')⁹;

2) наличие/отсутствие уверенности/неуверенности в совершении действия:

— наличие уверенности [тат. төрде, тур. *sardı*, узб. ўради 'он завертывал, закутывал (я сам это видел)', тат. төрәчәк, тур. *saracak(tır)*, узб. ўраяжак 'он будет завертывать, закутывать (обязательно)'],

— отсутствие уверенности/неуверенности [тат. төргән, тур. *sarmış*, узб. ўраган 'он завертывал, закутывал (я сам этого не видел и знаю об этом только с чужих слов или по результатам)', тат. төрер, тур. *sağar*, узб. ўрар 'он будет завертывать, закутывать'],

— наличие неуверенности [в узбекском языке в прошедшем времени имеется и третий член противопоставления — форма, выражающая наличие неуверенности в совершении действия: ўрапти 'он (видимо, кажется, оказывается, говорят) завертывал, закутывал']¹⁰;

2. 2. Наличие/отсутствие соотнесенности лица говорящего с лицом актанта — лицо/нелицо:

— личная форма:

1 ед (например, тат. төрәм, тур. *sarıgım*, узб. ўрайман 'я завертываю, закутываю'),

1 мн (тат. төрәбез, тур. *sarıgız*, узб. ўраймиз 'мы завертываем, закутываем'),

⁸ Примеры, приводимые при перечислении категорий, не исчерпывают всех форм выражения той или иной категории, они лишь свидетельствуют о ее существовании в соответствующем языке.

⁹ В татарском и турецком языках имеется также желательное наклонение, которое выражает скорее «желание-мечтание» (термин взят из: А. А. Юлдашев. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965), но мы не даем его в общем списке наклонений, так как в турецком языке оно употребляется редко, а в современном узбекском языке его нет совсем. В узбекском языке (также и в татарском) это значение выражается формой условного наклонения: узб. ўраса эди, тат. төрсә иде 'завертывать бы, закутывать бы ему'.

¹⁰ В узбекском, татарском и турецком языках имеются также модальные формы на -дир/-дыр/-діг и эмиш/имеш/іміш, обозначающие неуверенность в совершении действия. но такого рода модальные формы могут быть образованы от любого сказуемого, какой бы частью речи оно ни было выражено.

2 ед (тат. төрәсен, тур. sararsın, узб. ўрайсан 'ты завертываешь, закутываешь'),

2 мн (тат. төрәсез, тур. sararsınız, узб. ўрайсиз 'вы завертываете, закутываете'),

3 ед (тат. төрә, тур. sarar, узб. ўрайди 'он завертывает, закутывает'),

3 мн (тат. төрәләр, тур. sararlar, узб. ўрайдилар 'они завертывают, закутывают'),

— неопределенно-личная форма (тат. йөрелә, тур. yügülür, узб. юрилади '«ходится»'),

— неличные формы:

имя действия (тат. төрү, тур. sarmak, sarma, sardık, узб. ўрамоқ 'завертывание, закутывание'),

причастие (например, тат. төргән, тур. sarmış, узб. ўраган 'завертывавший, закутывавший'),

деепричастие (например, тат. төреп, тур. sarıp, узб. ўраб 'завернув, закутав');

II. Соотнесенность действия с другим действием во времени:

— действие предшествующее (например, тат. төреп, тур. sarıp, узб. ўраб 'завернув, закутав'),

— действие одновременное (например, тат. төрә-төрә, төреп, тур. sararak, узб. ўраб 'завертываая, закутываая'),

— действие последующее (например, тат. төргәнче, тур. sardıktan (evvel), узб. ўрагунча 'до того, как завертывал, закутывал');

III. Соотнесенность действия с конкретным моментом:

— действие, происходящее в конкретный момент [например, тат. төрә, тур. sarıyor, узб. ўрайти, ўраётир, ўраб турибди/ўтирибди/юрибди/ётибди 'он завертывает, закутывает (в данный момент)', тат. төрә иде, тур. sarıyordı, узб. ўраётир эди, ўраётган эди 'он завертывал, закутывал (в тот момент)'],

— действие, происходящее не в конкретный момент, но и не всегда (например, тат. төрде, тур. sardı, узб. ўради 'он завертывал, закутывал'),

— действие, происходящее всегда (обычно, вообще) (например, тат. төрә, тур. sarar, узб. ўрайди 'он завертывает, закутывает (вообще)', тат. төрә иде, тур. sarardı, узб. ўрар эди 'он завертывал, закутывал (обычно)').

В. Категории, характеризующие действие или актант вне связи с другим событием.

I. Аспект:

— положительный (тат. төр-, тур. sar-, узб. ўра- 'завертывать, закутывать'),

— отрицательный (тат. төрмә-, тур. sarma-, узб. ўрама- 'не завертывать, не закутывать');

II. Число актанта, оформленного подлежащим:

— единственное (тат. төрә, тур. sarar, узб. ўрайди 'он завертывает, закутывает'),

— множественное (тат. төрәләр, тур. sararlar, узб. ўрайдилар 'они завертывают, закутывают');

III. Результативность/нерезультативность действия:

— «результативное» действие [тат. төргән, тур. sarmış, узб. ўраган 'он завертывал, закутывал (я сам этого не видел и знаю об этом только с чужих слов или по результатам)],

— «нерезультативное» действие [тат. төрде, тур. sardı, узб. ўради 'он завертывал, закутывал (я сам это видел)'];

IV. Категория непосредственности/опосредованности участия субъекта в действии — контакт:

— некаузатив [тат. төр-, тур. sag-, узб. ўра- 'завертывать, закутывать' (самому)'],

— каузатив [тат. төрдер-, тур. sardır-, узб. ўрат- 'делать так, чтобы завертывал(и), закутывал(и)'].

Примечание. Каузатив, особенно от переходных глаголов, близок к залогам; тем не менее, он скорее представляет собой самостоятельную, отличную от залога, категорию, так как:

1) его значение не совпадает с залоговыми: залоговые характеризуют разные субъектно-(прямо)объектные отношения между актантами данной ситуации, а каузатив вводит новое лицо — не участника этой ситуации, которое каузирует эти отношения, и, следовательно, каузатив вводит и новый смысл;

2) значение каузатива не противостоит залоговым и может сочетаться с любым из них, и любое такое сочетание значений (и форм) может быть противопоставлено соответствующему «чистому» залоговому каузативу¹¹.

Значения, отнесенные нами к залоговым, охватывают только часть всего множества значений, обычно приписываемых залогам тюркского глагола. Кроме значений залогов и каузатива, мы выделяем из этого множества еще два — значение содействия в совершении действия¹² и значение совместности (см. ниже), которые не могут считаться залоговыми уже потому, что в них прямой объект вообще не имеется в виду. Этим значениям соответствуют две самостоятельные «не вполне грамматические» категории, выражающиеся специальными аффиксами, омонимичными друг другу и аффиксу взаимного залога. Кроме того, существует большое число глаголов с аффиксами, омонимичными аффиксам залогов и каузатива, значение которых не исчерпывается значением возвратности, взаимности, страдательности или каузатива или даже не имеет с ними ничего общего. По отношению к исходным основам эти глаголы представляют собой уже не формы, а новые слова, и мы их здесь не рассматриваем.

«Не вполне грамматические» категории. У этих категорий нет отчетливого противопоставления форм; кроме того, значения этих категорий могут выражаться и лексически.

V. Категории, характеризующие отношения между действием и его участниками:

1. Отношение актанта А действия X к действию X:

1) возможность (тат. төрә ал-, тур. sarabil-, узб. ўрай ол- 'мочь (быть) способным, быть в силах, быть в состоянии) завертывать, закутывать; соответствующее значение может быть выражено и другими средствами, например: тат. төрү кулдан кил-, төрү хәлдән кил-, тур. sarmağa muktedir ol-, sarmak elden gel-, узб. ўрашга қодир бўл-, ўраш қўлдан кел-),

2) желание (тат. төрәсе кил-, тур. sarasagi gel-, узб. ўрай кел- 'хотеть завертывать, закутывать'; пример лексического выражения данного значения: тат. төрергә телә-, тур. sarmak iste-, узб. ўрашни истас-),

3) необходимость (тат. төрәсе (бар) бул- 'быть нужным завертыванию, закутыванию; быть должным завертывать, закутывать', тур. sarmalı- 'быть должным завертывать, закутывать', узб. ўрайдиган 'он должен/ему нужно завертывать, закутывать'; примеры лексического вы-

¹¹ В понимании категории каузатива автор исходил из работ: И. А. Мельчук. К понятию словообразования; А. Г. Шанидзе. Глагольные категории акта и контакта на примере грузинского языка. — «Известия ОЛЯ АН СССР», 1946, т. V, вып. 2, стр. 165—172.

¹² В турецком языке нет формы с таким значением, поэтому мы не даем его в общем списке.

ражения значения необходимости: тат. төрергә тиеш бул- 'быть должным завертывать, закутывать', төрү кирәк бул-, тур. sarmak gerek ol-, sarmak lâzım gel-, sarmak lâzım ol-, узб. ўраш керак, ўраш лозим 'быть нужным завертыванию, закутыванию'),

4) намерение (тат. төрмәкче бул-, тур. saracak ol-, узб. ўрамоқчи бўл- 'намереваться завертывать, закутывать'; примеры лексического выражения значения намерения: тат. төрергә ниятләп, тур. sarmak niyetinde-, узб. ўраш ниятида бўл-);

2. Отношение между исполнителями, проявляющееся в образе действия:

совместность [тат. чыелдаш-, тур. cıvıldaş-, узб. чийиллаш- 'пищать вместе (о птицах)'; лексическое выражение данного значения возможно только теоретически: тат. бергә(ләп) чыелда-, тур. birlikte cıvılda-, узб. бирга(лашиб) чийилла-].

Примеры словообразовательных значений

Здесь будет рассмотрено несколько словообразовательных значений с анализом татарских примеров. Материал двух других языков приводится в качестве примеров для сравнения.

1. Имя деятеля, или субъекта ситуации: 'тот, кто...'. Исходной основой могут быть¹³:

1) существительные, обозначающие ситуацию: ялганчы 'тот, кто лжет' = 'лжец' (от ялган 'ложь'), көрәшче 'тот, кто борется' = 'борец' (от көрәш 'борьба');

2) существительные, обозначающие предмет: балыкчы 'рыбак; рыболов' (от балык 'рыба'), тимерче 'кузнец' (от тимер 'железо'), шахматчы 'шахматист' (от шахмат 'шахматы'). Имя деятеля, образованное от названия предмета, является именем субъекта ситуации «предмет+типичное действие с ним», то есть: балыкчы 'тот, кто ловит рыбу' — ср. балык тотучы в том же значении (от балык+тот='ловить'), тимерче 'тот, кто кует железо, металл', шахматчы 'тот, кто играет в шахматы' — ср. шахмат уйнаучы в том же значении (от шахмат+уйна='играть'). При наличии параллельных образований типа шахматчы/шахмат уйнаучы для обозначения профессионального деятеля предпочитается первый член пары;

3) сочетания существительных, обозначающих предмет, с глаголами, обозначающими то, что обычно делают с данным предметом: урман кисүче 'лесоруб' (от урман 'лес'+кис='резать, пилить, рубить'), балык тотучы (см. выше), балык үрчетүче 'рыбовод' (от балык+үрчет='разводить'), жалоба бирүче 'жалобщик' (от жалоба 'жалоба (как письменное или устное заявление)'+бир- 'подавать').

Имя деятеля от глаголов представляет собой словоизменительную форму — причастие и возможно от любой глагольной основы (например, төрүче 'завертывающий, закутывающий'). Часть из них субстантивировалась (например, укучы 'читающий, читатель; учащийся, ученик').

Ср.: тур. yalancı 'лжец', balıkçı 'рыбак; рыболов', balık avcısı 'рыболов', zurnacı 'музыкант, играющий на зурне', şikâyetçi 'жалобщик', sira-

¹³ При перечислении значений об исходных основах даются общие указания, затем они уточняются в соответствующих правилах, а также в специальном словаре основ, где при каждой основе называются все имеющиеся у нее отклонения в словоизменении и словообразовании по сравнению с теми общими правилами и закономерностями, которые представлены в разделах «Сведения...» и «Правила...». Размер статьи не позволяет описать словарь основ подробнее.

gisçi 'заказчик', odun yagısı 'дровосек'; узб. ёлғончи 'лжец', балиқчи 'рыбак; рыболов', балиқ оловчи/балиқ тутучи 'рыболов', шикоятчи 'жалобщик', заказчи/заказ беручи 'заказчик', ўтинчи 'дровосек'.

2. Имя «товарища по ситуации», или «со»-субъекта: 'тот, кто... (вместе) с'. Образуется от существительных: авылдаш(ым) '(мой) односельчанин' (от авыл 'село, селение, деревня'), (аның) яшьтәш(е) '(его/ее) ровесник' (от яшь 'возраст'), (сезнең) юлдаш(ыгыз) '(ваш) спутник' (от юл 'дорога, путь'), (алар—) фикердәш(ләр) '(они—) единомышленник(и)' (от фикер 'мысль; мнение').

Эти (и подобные) слова являются именами «со»-субъекта ситуации «предмет+типичное действие с ним»: 'мой односельчанин' = 'тот, кто живет/родился в одном селе (селении, деревне) (вместе) со мной', 'его/ее ровесник' = 'тот, кто имеет тот же возраст (вместе) с ним/с ней', 'ваш спутник' = 'тот, кто идет по одному пути (дороге) (вместе) с вами', 'они — единомышленники' = 'они имеют одни и те же мысли (мнения)'. Ср.: значение имени «товарища по ситуации» имеют также имена деятеля от совместной формы глагола, ср.: жырлаучы 'поющий' и жырлашычы 'поющий вместе с ...' (несколько искусственная форма)/жырлашып утыручы 'поющий вместе с ... (в данный момент)'.

Ср.: тур. köydaş 'односельчанин', dindaş 'единоведец', yaştaş 'ровесник', meslektaş 'коллега'; узб. ёшдош 'ровесник', мактабдош 'одноклассник', фикрдош 'единомышленник'.

3. Имя предиката: 'бытие (каким)'. Образуется от прилагательных: матурлык 'бытие красивым' = 'красота' (от матур 'красивый'), тирәнлек 'бытие глубоким' = 'глубина' = 'большая глубина' (от тирән 'глубокий'). Ср.: Бу елганың матурлыгы һәм тирәнлеге билгеле 'Красота и (большая) глубина этой реки известны' = Бу елга (ның) матур һәм тирәнликәне/булуы билгеле 'Бытие этой реки красивой и глубокой известно' = 'Известно, что эта река красивая и глубокая'.

Ср.: тур. güzellik 'красота', derinlik 'глубина' = 'большая глубина'; узб. гўзаллик 'красота', теранлик, чуқурлик 'глубина' = 'большая глубина'.

4. Название параметра. Образуется от качественных прилагательных: тирәнлек 'глубина' ≠ 'большая глубина' (например: монда елганың тирәнлеге ике метр 'здесь глубина реки два метра'), киңлек 'ширина' (от киң 'широкий'), сизгерлек 'чувствительность, чутье' ≠ 'высокая чувствительность, хорошее чутье' (от сизгер 'чувствительный, чуткий, имеющий хорошее чутье'), зурлык 'величина, размер' (от зур 'большой'), авырлык 'вес' (от авыр 'тяжелый'). При наличии прилагательных-антонимов типа тирән 'глубокий' = 'имеющий большую глубину' — сай 'мелкий' = 'имеющий небольшую глубину' существительное, являющееся названием параметра, образуется только от прилагательного со значением 'имеющий большую...'¹⁴.

Ср.: тур. derinlik 'глубина', genişlik 'ширина', sağlamlık 'прочность', ağırlık 'вес'; узб. тезлик 'скорость', намлик 'влажность', катталиқ 'величина, размер', оғирлик 'вес'. Ср. также: узб. катта-кичиклик 'величина, размер' (от катта 'большой' и кичик 'маленький').

5. Начало состояния: а) 'начинать быть (более) (каким)' — образуется от прилагательных, б) 'начинать иметь...' — образуется от существительных:

¹⁴ Об этом в языках других типов см., например: И. А. Мельчук. К понятию словообразования, стр. 357—358.

а) матурлан- 'начинать быть (более) красивым' (от матур 'красивый'), тоныклан- 'начинать быть (более) тусклым' = 'тускнеть' (от тонык 'тусклый'), акыллылан- 'начинать быть (более) умным' = 'умнеть' (от акыллы 'умный').

Ср.: тур. güzellen- 'начинать быть (более) красивым', donuklan-/donuklaş- 'тускнеть'; узб. гўзаллаш- 'начинать быть (более) красивым'. хиралан- 'тускнеть';

б) кораллан- 'начинать иметь оружие' = 'вооружаться' (от корал 'оружие, орудие'), көмешлән- 'начинать иметь на/в себе серебро' = 'серебриться, покрываться серебром' (от көмеш 'серебро'), гадэтлән- 'начинать иметь привычку, навык' = 'привыкать, приучаться, приобретать привычку, навык' (от гадэт 'обычай, привычка, навык').

Ср.: тур. silâhlan- 'вооружаться', bulutlan- 'покрываться облаками, тучами', akillan- 'умнеть'; узб. қуроллан-, булутлан- с теми же значениями соответственно, одатлан- 'привыкать, приучаться, приобретать привычку, навык'.

6. Каузирование начала состояния: а) 'делать так, чтобы начинал(и) быть (более) (каким)' — образуются от прилагательных, б) 'делать так, чтобы начинал(и) иметь...' — образуются от существительных:

а) матурла- 'делать так, чтобы начинал(и) быть (более) красивым (и)' = 'делать (более) красивым (и)', (х) эзерлә- 'делать так, чтобы начинал(и) быть готовым(и)' = '(при)готовить' от (х) эзер 'готовый', аныкла- 'делать так, чтобы начинал(и) быть (более) точным(и)' = 'уточнять' (от анык 'точный, четкий').

Ср.: тур. hazırla- '(при)готовить', yenile- 'обновлять', sakatla- 'калечить, увечить, уродовать; портить, коверкать, искажать'; узб. аниқла- 'уточнять', ҳозирла- '(при)готовить', янгилла- 'обновлять';

б) йөклә- 'делать так, чтобы начинал(и) иметь груз' = 'грузить, нагружать, навьючивать, взваливать' (от йөк 'груз, ноша'), ярала- 'делать так, чтобы начинал(и) иметь рану' = 'ранить' (от яра 'рана').

Ср.: тур. yükleye- 'нагружать', yarala-, узб. юкла-, ярала- с теми же значениями соответственно.

Примеры на все группы правил

Все правила, входящие в схему описания морфологии, охарактеризованную выше, разбиты на следующие пять групп:

1) Правила выбора морфем: по каждому из правил этой группы осуществляется переход от заданного значения или комбинации значений к морфеме.

2) Правила выбора морф: по каждому из правил этой группы осуществляется переход от морфемы как более абстрактной единицы к ее конкретному представителю — (алло) морфе.

3) Морфонологические преобразования: они связаны с теми изменениями фонем, которые обусловлены морфологически.

4) Фонологические преобразования: они связаны с законами сочетаемости фонем, действующими на всех уровнях языка, а также с суперсегментными явлениями.

5) Правила замены фонемной записи орфографической (графико-орфографические правила).

Правила всех групп построены по единому принципу. Они имеют вид

$$C_1AC_2 \rightarrow C_1BC_2 \mid R_1, R_2, \dots$$

где А и В — любые выражения, стрелка обозначает само преобразование, C_1 и C_2 — контекст, то есть условия, при которых данное преобразование может быть произведено (предшествующие и последующие морфемы, морфы или фонемы), а $R_1, R_2 \dots$ — дополнительные условия к А, В, C_1 и C_2 . Если соответствующих ограничений для выполнения преобразования нет, C_1, C_2 , а также $R_1, R_2 \dots$ отсутствуют.

Приведем примеры к разным группам правил для татарского языка.

Возьмем русское предложение *Когда я вошел, ты ничего не завертывал*. В этом контексте слова *ты не завертывал* означают примерно следующее: 'неверно, что в момент t , предшествующий моменту речи, ты, т. е. слушающий эту речь, будучи один, действительно сам был субъектом действия X', где 'X' = 'завертывать'. Этот сложный смысл можно представить в терминах следующих восьми более простых смыслов: 1) 'быть субъектом X', 2) 'сам (непосредственно) X', 3) 'действительно X', 4) 'слушающий', 5) 'один', 6) 'X — до момента речи', 7) 'X — в момент t ' и 8) 'неверно, что X'. Для того, чтобы данную цепочку значений заменить реальными словоформами татарского языка в фонологической транскрипции и действующей орфографии, необходимы следующие правила¹⁵.

1. Правила выбора морфем.

Значение → морфема.

1. Лексическое

'завертывать' → {ТӨР}

2. Залог

'быть субъектом X' → {ОСН}

3. Контакт

'сам X' → {НЕКАУЗ}

4. Аспект

'неверно, что X' → {ОТР}

5. Наклонение

'действительно X' → {ИЗЪЯВ}

6. Время

'X до момента

речи' + 'X в момент t ' → {ДЕЕПР одновр-длит} # {ЕДИ}

7. Лицо/нелицо

'слушающий' + 'один' → {2 ЕД}

¹⁵ Здесь используются следующие условные обозначения и сокращения: {X} — морфема, /x/ — фонема, + /x₁ x₂ ... x_n/ + — морфа (цепочка фонем), /X[±a]/ — обозначение фонемы по существенному в данном случае признаку, + — граница между морфами или морфемами, # — граница между словами, 1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо, Г — гласная, С — согласная, ДЕЕПР (ичастие), ДЛИТ (ельное), ЕД (инственное), ИЗЪЯВ (ительное), КАТ (егорическое), НЕКАУЗ (атив), ОДНОВР (еменное), ОСН (овной), ОТР (ичательный), ПОВ (елительное), ПРОШ (едшее), УСЛ (овное).

{ЕДИ} — это условное обозначение на морфемном уровне вспомогательного глагола и-/i-/э- 'быть' в форме прошедшего категорического времени изъявительного наклонения; на уровне морф он реализуется в каждом языке по-своему, ср. в частности (в орфографической записи): тат *иде*, тур. *idi*, узб. *эди*. Так как глагол и-/i-/э- самостоятельно не употребляется, то те немногие отдельные его формы (в данном случае — {ЕДИ}), участвующие в образовании различных аналитических форм глагола, целесообразнее задать целиком, а не складывать из составляющих их морфем.

В результате применения I группы правил мы получаем для исходных комбинаций значений следующую цепочку морфем:

$$\{T\ddot{O}R\} + \{O\ddot{S}H\} + \{NEKAUZ\} + \{IZ'YAV\} + \{2\ E\ddot{D}\} + \\ + \{DEEP_{\text{одновр-длит}}\} \# \{EDI\} + \{OTR\}$$

Изменив порядок морфем в данной цепочке в соответствии с указаниями о сочетаемости морфем и порядке их расположения в татарской словоформе¹⁶, получаем:

$$\{T\ddot{O}R\} + \{O\ddot{S}H\} + \{NEKAUZ\} + \{OTR\} + \{IZ'YAV\} + \\ + \{DEEP_{\text{одновр-длит}}\} \# \{EDI\} + \{2\ E\ddot{D}\}$$

II. Правила выбора морф.

Морфема → представляющая (основная) морфа.

1. Корневая морфема

$$\{T\ddot{O}R\} \rightarrow /t\ddot{o}r/$$

2. Залог

$$\{O\ddot{S}H\} \rightarrow \emptyset$$

3. Контакт

$$\{NEKAUZ\} \rightarrow \emptyset$$

7. Лицо/нелицо

$$\{X\} + \{2\ E\ddot{D}\} \rightarrow \{X\} + /n/ \mid \{X\} = \{U\ddot{S}L\} \text{ или } \{PRO\ddot{S}_{\text{кат}}\} \text{ или } \{EDI\}$$

(ср.: $\{POV\} + \{2\ E\ddot{D}\} \rightarrow \{POV\} + \emptyset$, а также:

$$\{X\} + \{2\ E\ddot{D}\} \rightarrow \{X\} + /sy'n/ \mid \{X\} \neq \{POV\}, \{U\ddot{S}L\}, \\ \{PRO\ddot{S}_{\text{кат}}\}, \{EDI\},$$

$$/x/ + \{DEEP_{\text{одновр-длит}}\} \rightarrow /x/ + /y/^{17} \mid /x/ = /g/ [-узкая]/;$$

$$(\text{ср.: } /x/ + \{DEEP_{\text{одновр-длит}}\} \rightarrow /x/ + /a/ \mid \text{либо } /x/ = /C/, \\ \text{либо } /x/ = /g/ [+узкая]/)$$

Получаем цепочку морф:

$$/t\ddot{o}r/ + \emptyset + \emptyset + /ma/ + \emptyset + /y/ \# /ide/ + /n/ \rightarrow /t\ddot{o}r/ + /ma/ + \\ + /y/ \# /ide/ + /n/.$$

III. Морфонологическое преобразование — опереднение (в аффиксе

после основы переднего ряда): $/a/ \rightarrow /ə/, /y/ \rightarrow /i/$:

$$/t\ddot{o}r/ + /ma/ + /y/ \# /ide/ + /n/ \rightarrow /t\ddot{o}r/ + /mə/ + /y/ \# /ide/ + /n/ \\ \rightarrow /t\ddot{o}r/ + /mə/ + /i/ \# /ide/ + /n/ \rightarrow /t\ddot{o}rməi/ \# /iden/.$$

IV. Фонологическое преобразование — выпадение гласной (устранение зияния): $/ə/ + /i/ \rightarrow /i/$:

$$/t\ddot{o}rməi/ \# /iden/ \rightarrow /t\ddot{o}rmi/ \# /iden/.$$

Это уже правильный и окончательный результат в фонологической транскрипции.

¹⁶ В статье эти указания не даются.

¹⁷ Фонема, изображаемая в данной работе знаком $/y/$, часто обозначается в тюркологической литературе как yy , что объясняется её дифтонгоидностью.

V. Правила замены фонемной записи орфографической:

/θ/ → ө, /e/ → е, остальные фонемы обозначаются в орфографии теми же знаками, что и в транскрипции:

/төрми/ # /идең/ → төрми идең.

Приведенные примеры отражают основные принципы построения правил и разбиения их на группы.

Целью настоящей статьи было дать общее представление о формализации описания применительно к морфологии тюркских языков. Читателя, желающего познакомиться с формальными описаниями подробнее, отсылаем к работам, указанным в сносках 3 и 5*.

* Автор выражает свою искреннюю признательность И. А. Мельчуку за его помощь и ценные советы.

М. Н. ХЫДЫРОВ

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ФОРМЫ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА В ЮГО-ЗАПАДНОЙ ГРУППЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Происхождение глагольных форм настоящего времени в огузской группе тюркских языков — проблема, издавна привлекавшая внимание ученых-тюркологов. Этому вопросу, начиная с середины XVII века¹, посвящались работы многих исследователей, высказывавших различные точки зрения и гипотезы, которые, как отмечал А. П. Поцелуевский, можно подразделить на три группы².

К первой группе относятся работы Ф. Менинского, положения которых были поддержаны и развиты П. М. Мелиоранским и К. Фоем. По мнению этих ученых, упомянутая форма происходит от слова *jögu*. В результате чередования звуков возникли разновидности: *jögu/jögu*, *jügi/jügi*, *jügi/jügi*. Существующая в азербайджанском языке форма *-ug/-ig* является ее неогубленным вариантом, а звук «j» — обычный разделительный звук при стечении гласных³. Того же мнения придерживались тюркологи Ф. Е. Корш и В. Банг, относившие происхождение этой формы к XVI—XVII вв.

Вторую группу составляют работы тюркологов, полагающих, что глагольная форма настоящего времени происходит от *jatmak*. По их мнению, к основе этого глагола присоединен звук «г», указывающий на будущее время причастия, а звук «t» выпал. Таким образом из *jatmak* образовались *jat-u-g*, *jaug/jar/jog*. А. П. Поцелуевский справедливо отмечал несостоятельность этой гипотезы⁴, предложенной Ф. Е. Коршем.

Третья точка зрения на происхождение формы настоящего времени глагола принадлежит Н. И. Ильминскому, который считает, что аффикс этой формы *jug/jüg* происходит от показателя предикативности *dur*, а этот показатель, в свою очередь, восходит к глаголу *durmak*. Для подтверждения своей мысли Н. И. Ильминский ссылается на слова *kala-dur/kala-jug*, *kele-dur/kele-jüg*⁵.

А. П. Поцелуевский разделяет мнение первой группы ученых и возводит происхождение интересующей нас формы к слову *jögtek*, вместе с тем происхождение этой формы он связывает и со сложными глаголами, издавна функционирующими в тюркских языках⁶.

Видные тюркологи, занимавшиеся исследованием происхождения глагольной формы настоящего времени в огузской группе тюркских язы-

¹ F. Meninski. *Grammatica turcica*. Vena, 1680, стр. 73.

² А. П. Поцелуевский. К вопросу о происхождении формы настоящего времени в тюркских языках юго-западной группы. Ашхабад, 1948, стр. 5.

³ Там же, стр. 6.

⁴ Там же, стр. 6—7.

⁵ Там же, стр. 7.

⁶ Там же, стр. 10.

ков, не были, к сожалению, достаточно знакомы с различными тюркскими языками, в том числе и с туркменским, материалы которых содержат необходимые данные, позволяющие исторически правильно подойти к разрешению этой проблемы. Они стремились установить происхождение формы настоящего времени глагола, основываясь лишь на данных известных им письменных памятников тюркских языков, пренебрегая живой речью тюркских народов.

Это весьма существенное обстоятельство и стало причиной возникновения различных гипотез, зачастую не отражающих реальных фактов языка.

История каждого из тюркских народов, как известно, исключительно сложна и своеобразна, что отразилось и на их языке. Каждый из тюркских языков прошел свой исторический путь развития, и сохранившиеся в них реликтовые материалы в значительной мере отличаются друг от друга. В системе тюркских языков есть языки, до сих пор еще недостаточно изученные. Некоторые из последних могут предоставить ценные лингвистические данные для разрешения той или иной научной проблемы. Одним из таких языков является туркменский. А. П. Поцелуевский справедливо отмечал, что этот богатый историческими материалами язык выпал из поля зрения ученых, исследовавших происхождение формы настоящего времени глагола в огузской группе тюркских языков.

«Недостаточная выясненность затронутой здесь проблемы, — писал А. П. Поцелуевский, — объясняется, как нам кажется, прежде всего тем обстоятельством, что никем из прежних исследователей не были использованы в полной мере (а иногда и вовсе не учитывались) материалы туркменского языка... между тем роль туркменского языка как источника при разрешении многих вопросов генетического порядка тем значительнее, что основная масса туркменского народа в силу ряда причин общественно-экономического, исторического и даже просто географического порядка оставалась длительное время не только вне границ государственных формирований соседних оседлых народов, но и в своей собственной среде сохранила вплоть до первой четверти XX века ярко выраженные черты родоплеменной раздробленности, что, несомненно, в высокой степени способствовало сохранению не только в быту туркмен, но и в их языке ряда очень древних пережитков»⁷.

В тюркских языках, в том числе и в туркменском, чередование звуков, например, гласных (а, о, и, ö, у, i, ä) — широко распространенное явление⁸. Благодаря чередованию гласных и согласных слово или аффикс часто выступают в двух, трех вариантах. В качестве примера можно привести следующие туркменские слова и аффиксы: *gerä, alavogı, ашук, апук, ажук, ховлу, хөвли, јогка, јарка, такур, тукур*. В таком случае и аффиксы -уг, -іг, -ур, -үг, -аг, -ег, выступающие в роли показателей будущего времени глаголов в огузской группе тюркских языков, оказываются того же происхождения, то есть это варианты, возникшие в результате чередования гласных. М. А. Черкасский отмечает, что «своеобразие тюркских языков заключается в том, что в них все гласные могут переходить во все»⁹. Таким образом, чередование звуков в тюркских языках одновременно является источником возникновения в языке различных вариантов слов и аффиксов, содействуя тем самым его лексическому обогащению.

⁷ А. П. Поцелуевский. Указ. раб., стр. 9.

⁸ См.: Очерки диалектов туркменского языка. Ашхабад, 1970, стр. 57—115.

⁹ М. А. Черкасский. Тюркский вокализм и сингармонизм. М., 1965, стр. 67.

Если учесть, что в тюркских языках образуются две разновидности слов: содержащие и не содержащие звук «j», как, например, в словах типа *jyl—yl, julan—ulan, jur—ur, jir—ir* и что вообще звук «j» является «ко-чующим», то выясняется, что аффиксы *-jur, -jür, -jog, -jug, -jig, -jağ, -jäg, -jeg*, образующие форму настоящего времени глагола, и аффиксы *-ur, -ür, -og, -ug, -ig, -ağ, -eğ*, употребляющиеся для образования будущего времени, отличаются друг от друга лишь наличием звука «j». Следовательно, аффиксы-показатели настоящего и будущего времени глагола в огузской группе тюркских языков одного и того же происхождения, то есть это разновидности одной и той же формы, возникшие в результате чередования гласных звуков и участия звука «j». Это подтверждается тем обстоятельством, что в ряде случаев, особенно в дореволюционной литературе, аффиксы *-ur/-ig, -ağ/-eğ, -ur/-ür* являлись признаком как настоящего, так и будущего времени; в диалектах туркменского языка настоящее время образуется с помощью аффиксов *-ur/-ür, -og/-ög*, в азербайджанском языке показателями настоящего времени выступают аффиксы *-ur/-ig*.

Из истории тюркских языков известно, что на раннем этапе их развития им были свойственны слова и аффиксы омонимического характера. Позднее, в результате конкретизации значений, происходит дифференциация каждого смыслового оттенка, выражаемого уже специфическими языковыми средствами. Именно на этой основе в процессе длительного развития постепенно видоизменялись и дифференцировались формы настоящего и будущего времени глагола, приобретая присущие им ныне особенности. Язык, как известно, создает формы, способствующие правильно и четкому выражению мысли, отбрасывая все то, что затрудняет восприятие, как, например, использование одной формы в двух или трех функциях, то есть омонимичность формы.

Ряд тюркологов считает, что форма настоящего времени глагола в огузской группе тюркских языков возникла лишь в XVIII веке¹⁰. В действительности же эта форма, как и многие другие, возникла в глубокой древности. Она была распространена главным образом в живой речи, а в письменных памятниках по существовавшей тогда традиции употреблялась ограниченно¹¹. Несмотря на это, один из вариантов данной формы — *-jug/-jüg* — встречается в орхонских надписях и в более поздних письменных памятниках. Это указывает на несомненную связь письменных форм настоящего времени с древними формами.

Приведем несколько примеров:

- 1) Йорыйур (йүр)
Күл-тегин ол сунушда отуз яшаюр
Эрти, Күл-тегин бир кырк яшаюр эрти¹².
- 2) Өдейүр, сөзлейир¹³.
- 3) Магтымгулы сөзлейир, докуз пелек зөхреси
Сорайырмен хем сениң дей дилбери.
Ынсан үчин сарп зйлейур ашины.

¹⁰ Ф. Е. Корш считает, что возникновение формы настоящего времени глагола следует отнести к I—XVII вв. По мнению же самого В. Банга, окончательная стабилизация современного варианта показателя настоящего времени произошла лишь в начале XVIII столетия. См.: А. П. Поцелуевский. Указ. раб., стр. 6.

¹¹ М. Н. Хыдыров. Материалы по истории туркменского языка. Ашгабат, 1958, стр. 87—88.

¹² С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 25, 32, 42.

¹³ «Ревнак-ул-ислам». Самарканд, 1313 год хиджры.

Вагта етмән солдурып
Бу ж,исмимиз ләш *эйлейир*¹⁴.

- 4) Ерте ятмаз язың гүли
Сайрайыр багың билбили.

Мен ислемен өзге гүли,
Гүллер әрсарының гызы [36].

...Сейир *эйлейир* баябана чыканда.
Гөйә ак жерен сен дүзлер ичинде [41].

Даглар, дашлар *чекмейир*
Мениң чекен жебримиз? [64]¹⁵.

- 5) Элип катдың *огшайыр*
Язилмиш дала, Халлы.

Огшайыр ал яңакларың
Тер гүлүстана, севдүгим¹⁶.

Даже в туркменском фольклоре, корни которого уходят в глубокую древность, встречаются формы настоящего времени, использованные очень оригинально, например, в поговорках: «Гызым, саңа *айдярын*, гелним, сен эшит»¹⁷. Смысловый оттенок этой поговорки нельзя передать другим временем. Это как нельзя лучше подтверждает предположение, что форма настоящего времени глагола существует издревле.

Исходя из сказанного, можно установить следующую взаимосвязь между аффиксами настоящего и будущего времени, имеющими общее происхождение и восходящими к одному корню:

$$\begin{aligned} \text{jug} - \text{j} &= \text{ug} \\ \text{jug} - \text{ju} + \text{o} &= \text{og} \\ \text{jug} - \text{u} + \text{a} &= \text{jağ} \\ \text{jug} - \text{u} + \text{y} &= \text{jyg} \\ \text{jug} - \text{u} + \text{o} &= \text{jog} \\ \text{jug} - \text{j} - \text{u} + \text{y} &= \text{yug}. \end{aligned}$$

Если принять во внимание сильные позиции сингармонизма в тюркских языках, то варьирование двух типов гласного звука в этой форме представляется нам в фонетическом отношении явлением вполне закономерным.

В результате дифференциации аффиксов одни из них стали показателями настоящего времени, другие — будущего. В соответствии с внутренними особенностями каждого конкретного языка они стабилизировались. Так, например, в азербайджанском языке *-ug/-ig* — показатель настоящего времени после согласных, а *-jug/-jig* — после гласных и т. д.

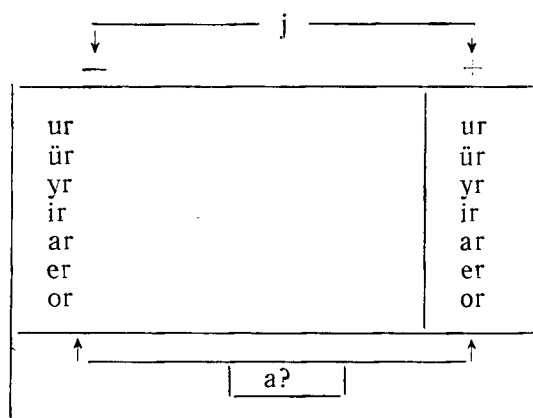
Если мы первоначальную форму настоящего и будущего времени глагола условно обозначим через «а», то получим следующую схему:

¹⁴ *Магтымгулы*. Сайланан гошгулар. Ашгабат, 1940, стр. 31, 75, 81, 103

¹⁵ *Кемине*. Сайланан эсерлер. Ашгабат, 1941, стр. 36, 57, 64, 65.

¹⁶ *Молланепес*. Ашгабат, 1940, стр. 51, 63.

¹⁷ М. Н. Хыдыров. Указ. раб.

Трудно, а подчас и невозможно объяснить основу многих ныне существующих аффиксов и формантов так же, как и показателей настоящего и будущего времени. В тюркских языках, в том числе и в туркменском, аффиксы -ur/-ig, -ur/-ür, -ag/-eg, выполняя функцию показателя времени, являются вместе с тем формообразующим и глаголообразующим средством. Произносятся все эти аффиксы одинаково. Вопрос о единстве их происхождения остается пока нерешенным и требует дальнейшего изучения.

К. М. ЛЮБИМОВ

СЕМЬ ЗНАЧЕНИЙ ТУРЕЦКОЙ СЛОВОФОРМЫ *uazmıŝ*

Широкоупотребительная в современном турецком языке форма на *-mıŝ* привлекала и продолжает привлекать внимание тюркологов своей семантической сложностью. Этой теме посвятили специальные статьи такие крупные тюркологи, как Н. К. Дмитриев¹ и А. Н. Кононов². Высказали свои соображения относительно этой формы и авторы грамматик и учебников турецкого языка В. А. Гордлевский³, А. Н. Самойлович⁴, Ш. С. Айляров⁵, А. Н. Кононов⁶. Форме на *-mıŝ* посвящался ряд статей специалистов по азербайджанскому языку⁷, в котором эта форма имеет в основном те же значения, что и в турецком. Писали и пишут об этой форме турецкие языковеды и авторы грамматик⁸.

Тем не менее значение формы на *-mıŝ* и ее употребление в современном турецком языке до сих пор остаются неясными. По этому вопросу имеется много противоречивых высказываний как в теоретических работах, так и в учебных пособиях по турецкому языку.

Н. К. Дмитриев в статье «К вопросу о значении османской глагольной формы на *-мыш*» пишет: «Среди грамматических факторов османского языка чрезвычайный интерес представляет так называемая форма на *-мыш*, развитие коей в смысле морфологическом и синтаксическом,

¹ Н. К. Дмитриев. К вопросу о значении османской глагольной формы на *-мыш*. — В кн.: Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 181—186.

² А. Н. Кононов. Турецкая глагольная форма на *-мыш*. — «Ученые записки ЛГУ», № 20, серия филологических наук, вып. I, 1939, стр. 34—39.

³ В. А. Гордлевский. Грамматика турецкого языка. — «Избранные сочинения», т. II. М., 1961, стр. 11—122. (Семантике формы на *-мыш* посвящены стр. 78—79, а также стр. 42, 45, 92).

⁴ А. Н. Самойлович. Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. Л., 1925, стр. 78, 81—82.

⁵ Ш. С. Айляров. Учебник турецкого языка. М., 1954, стр. 136—142, 155—158, 193—195, 273—275.

⁶ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 231—234, 240—241, 250—251.

⁷ Н. Н. Мамедов. Основы азербайджанского языкознания (в связи с другими тюркскими языками). Автореф. докт. дисс. Баку, 1964; Р. А. Рустамов. Глагол в диалектах и говорах азербайджанского языка. Автореф. докт. дисс. Баку, 1964; Н. Г. Агазаде. Категория наклонения в современном азербайджанском литературном языке. Автореф. докт. дисс. Баку, 1965; М. Ш. Рагимов. История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке. Автореф. докт. дисс. Баку, 1966.

⁸ См., напр.: *Mecdut Mansuroğlu*. Türkçede *-mıŝ* ekinin fonksionları. 60. doğum yılı münasebetiyle Fuad Köprülü armaganı. İstanbul, 1953, стр. 345—350; *Muharrem Ergin*. Türk dil bilgisi. İstanbul, 1962, §§ 310, 466—469, 506, 521—530, 573; *Haydar Ediskun*. Yeni Türk dilbilgisi. İstanbul, 1963, §§ 197, 200—205, 231, 296; 410/D.

доныне мало исследованное, должно занять подобающее место в числе подготовительных материалов по сравнительной грамматике тюркских языков». Далее автор указывает, что объяснения этой формы во многих работах русских и иностранных тюркологов «до того запутали предмет, что твердая формулировка необходима здесь не только с научной стороны, но и со стороны чисто педагогической».

А. Н. Кононов в статье «Турецкая глагольная форма на *-мыш*» пишет: «Турецкие грамматики, написанные европейцами и турками, уделяют достаточное внимание этой форме. Да иначе и быть не могло: обойти молчанием эту форму — значило выпустить из поля внимания одну из основных глагольных форм турецкого языка». И далее: «В истории грамматической разработки турецкого языка прошедшее на *-мыш* не имеет номенклатуры, или точнее, номенклатура его крайне разнообразна, и нередко одно наименование противоречит другому, что и объясняется отсутствием единого взгляда на понимание этой формы».

Действительно, глагольная форма на *-miş*, широкоупотребительная в современном турецком языке, имеет много значений, выявить которые бывает трудно даже в конкретных контекстах. Эта форма может передавать содержание речи третьего лица с оттенком сомнения и неуверенности, может сообщать о совершившемся действии без оттенка сомнения и неуверенности, может употребляться как причастие прошедшего времени и участвовать в образовании нескольких простых и сложных грамматических времен, а также использоваться при образовании многочисленных модальных форм, выражающих сомнение и неуверенность. Этот аффикс встречается и во многих прилагательных, выражая значение приобретенного качества предмета, а также в некоторых существительных.

В настоящей статье мы останавливаемся лишь на одном конкретном вопросе этой большой и сложной проблемы — на вопросе о значении словоформы *yazmış* в разных контекстах и ситуациях.

Словоформа *yazmış* образована от глагола *yazmak* 'писать' прибавлением аффикса *-miş* к его корню (*yaz+miş*) и может иметь в речи по меньшей мере семь разных значений (первичного причастия прошедшего времени; двух грамматических времен; модальной формы неуверенности; вторичного причастия, соответствующего по значению двум грамматическим временам; субстантивированного причастия, могущего склоняться по падежам).

Первое значение. Словоформа *yazmış* 'написавший' — лексико-грамматическое причастие абсолютного прошедшего времени, то есть такого прошедшего времени, которое не соответствует ни одному конкретному грамматическому прошедшему времени турецкого языка.

Примеры: 1) *Bu mektubu yazmış kadın* 'Женщина, написавшая это письмо'; 2) *İsmime gelmiş mektup* 'Письмо, пришедшее на мое имя'; 3) *Avcılar tarafından vurulmuş kartal* 'Орел, убитый охотниками'.

Эти причастия во многих случаях указывают не столько на действие во времени, сколько на приобретенное в результате совершившегося действия качество или на более или менее постоянный признак.

Примеры: 1) *Tahsil görmüş adam* 'Образованный (досл. увидевший образование) человек'; 2) *İyi bakılmış yol* 'Хорошо содержащаяся (досл. хорошо наблюдаемая) дорога'; 3) *Rengini kaybetmiş yüz* 'Поблédшее (досл. потерявшее свой цвет) лицо'.

Наконец, подобные причастия, образованные от непереходных глаголов, указывают лишь на приобретенное в результате совершившихся действий качество или на постоянный признак.

Примеры: 1) *Okumuş adam* 'Ученый (выучившийся) человек'; 2) *Yanmış kömür* 'Сгоревший уголь'; 3) *Çürümüş meyva* 'Гнилые (сгнившие) фрукты'; 4) *Eskimis palto* 'Старое (износившееся) пальто'; 5) *Ölmüş aslan* 'Мертвый (умерший) лев'.

Второе значение. Словоформа *yazmış* — третье лицо единственного числа глагола прошедшего-настоящего времени, или точнее, настоящего результативного времени с опущенным аффиксом сказуемости настоящего времени *-tir*. Опускание аффикса сказуемости происходит в случаях, когда повествование идет в настоящем времени, о чем ясно свидетельствуют конечные сказуемые: *yazmış = yazmıştır* 'он есть написавший'. Это грамматическое время передает законченное действие с результатом в настоящем, точнее, состояние лица или предмета в настоящем как результат совершившегося действия.

Примеры: 1) *Ahmet mükemmel bir şiir yazmış* 'Ахмед написал (есть написавший) великолепное стихотворение'; 2) *Biz Hasanı kuyudan çıkardık, fakat adam ölmüş* 'Мы вытащили Хасана из колодца, но он уже мертвый' (есть умерший); 3) *Birden Akın. Saçlarından sızan yağmur. Gömleği, donu etine yapışmış* 'Вдруг входит Акын. Он промок под дождем. (досл. По лицу текут струйки воды). Рубашка и штаны прилипли (есть прилипшие) к телу'; 4) «*Akar su*» *sıfat tamlamasında «akar» sıfatı ak-fiil kökünden türemiş* 'В определительном словосочетании *akar su* прилагательное *akar* образовалось от глагольного корня *ak-*'; 5) *Adnan karyolasının içine uzanmış düşünüyor* 'Аднан растянулся (есть растянувшийся) на своей койке и думает'.

Следует иметь в виду, что природа этого грамматического времени, выражающего перфективное действие, точнее состояние лица или предмета в настоящем, как результат совершившегося действия, способствует наделению форм этого времени дополнительными значениями сомнения, неуверенности, неожиданности, которые привносятся при переводе модальными словами *вероятно, должно быть, оказывается*, хотя в самих грамматических формах этих дополнительных значений нет.

Примеры: 1) *Dolma kaleminde mürekkep bitmiş (tir)* 'В моей авторучке кончились чернила (кажется, оказывается)'; 2) *Agır ceza mahkemesi salonu hıncahınç dolmuş (tur)* 'Зал суда по уголовным делам переполнен до отказа (кажется, оказывается)'; 3) *Biz Hasanı kuyudan çıkardık, fakat adam ölmüş (tür)* 'Мы вытащили Хасана из колодца, но он мертвый (кажется, оказывается)'.

Эта форма может употребляться с модальными словами уверенности (конечно, несомненно, непременно и т. д.) и с модальными словами неуверенности (*вероятно, возможно* и т. д.), выражая или подчеркнутую уверенность, или подчеркнутое сомнение в совершении действия. Все это указывает на то, что сама форма этих значений не содержит, а мотив предположительности привносится исключительно модальными словами.

Третье значение. Словоформа *yazmış* — третье лицо единственного числа глагола преждепрошедшего времени, или точнее, прошедшего результативного времени с опущенным аффиксом сказуемости прошедшего времени *-ti*. Опускание аффикса сказуемости происходит тогда, когда повествование идет в прошедшем времени, о чем ясно свидетельствуют конечные сказуемые: *yazmış = yazmıştı* 'он был написавший'. Это грамматическое время передает законченное действие с результатом в прошлом,

точнее, состояние лица или предмета в прошлом как результат совершившегося действия.

Примеры: 1) *Dün odasına girdiğim zaman Ali bu mektubu yazmış* 'Когда я вчера вошел в его комнату, Али уже написал (был написавший) это письмо'; 2) *Biz dün Hasanı kuyudan çıkardık, fakat adam ölmüş* 'Вчера мы вытащили Хасана из колодца, но он был уже мертвый (был умерший)'; 3) *Beni kapıda karşıladı. Saçlarını taramış, ruj da sürmüştü* 'Она встретила меня в дверях. Она была хорошо причесана и с подкрашенными губами (досл. она была расчесавшая свои волосы и подкрасившая губы)'; 4) *Sofrada alabildiğine yemiş, içmiş, sonra da acayip hikâyeler anlatmaya başlamıştı* 'За столом он как следует поел, попил, а потом начал (досл. был начавшим) рассказывать увлекательные истории'; 5) *İhtiyar kadın, kızının bas ucunda oturmuş ağlıyordu* 'Старуха сидела (досл. была усевшейся) у изголовья своей дочери и плакала'.

Форма прошедшего результативного времени с аффиксом сказуемости ясна и понятна, она не содержит в себе никакого сомнения, лишь фиксирует совершившееся действие на грани прошедшего времени. Трудность возникает тогда, когда аффикс сказуемости прошедшего времени опущен. В этом случае словоформа *yazmış* в функции конечного сказуемого может быть понята трояко: 1) как форма настоящего результативного времени (*yazmıştır*), 2) как форма прошедшего результативного времени (*yazmıştı*) и 3) как модальная форма со значением *говорят, кажется, как будто, вероятно, оказывается* и т. д.

Четвертое значение. Словоформа *yazmış* — третье лицо единственного числа сомнительно-предположительной модальности глагола прошедшего времени на *-di* — *yazdı*, которая выражает сомнение, неуверенность, недоверие и переводится словами «говорят», «кажется», «вероятно», «по-видимому», «должно быть», «допустим», «оказывается» и т. д.

Как известно, модальный аффикс *-mış* никогда не присоединяется к временному аффиксу *-dı/-ti*, он просто его заменяет:

<i>yazıyordu</i>	'он писал'	—	<i>yazıyormuş</i>	'он, говорят, писал'
<i>yazacaktı</i>	'он собирался писать'	—	<i>yazacakmış</i>	'он, говорят, собирался писать'
<i>yazmaktaydı</i>	'он писал'	—	<i>yazmaktaymış</i>	'он, говорят, писал'
<i>yazardı</i>	'он писал'	—	<i>yazarmış</i>	'он, говорят, писал'
<i>askerdi</i>	'он был солдатом'	—	<i>askermiş</i>	'он, говорят, был солдатом'
<i>güzeldi</i>	'он был красивым'	—	<i>güzelmış</i>	'он, говорят, был красивым'
<i>evdeydi</i>	'он был дома'	—	<i>evdeymiş</i>	'он, говорят, был дома'

Чтобы быть логичными и до конца последовательными, следует признать, что формой сомнительно-предположительной модальности от *yazdı* (*yaz+dı*) является *yazmış* (*yaz+mış*) со всеми вытекающими отсюда последствиями: *yazmış* 'говорят, кажется, как будто, оказывается, он написал'.

Примеры: 1) *Fatma'nın söylediği gibi bu mektubu Raşit yazmış* 'Как утверждает Фатма, это письмо написал Рашид'; 2) *Sermetin söyledigine göre bir neferin gözlerini ogularak öldürülmesini bizzat emretmiş* 'По словам Сермета, она лично приказала выколоть глаза одному солдату и убить его'; 3) *Nerime pek küçük yaşında buraya gelmiş* 'Нэримэ, говорят, совсем маленькой приехала сюда'; 4) *Evine hırsız girmiş* 'Говорят, в его дом забрался вор'.

Здесь уместно остановиться на высказываниях видных тюркологов по поводу глагольно-временной формы на *-mış*.

В. А. Гордлевский считал, что в этой форме заключается одновременно оттенок как уверенности, так и сомнения, и что то или иное значение ее находится в зависимости от аффикса *-dir*⁹.

А. Н. Кононов полагает, что третье лицо этого времени (*yazmistir*) «является модальной формой на *-dir*, образованной от прошедшего субъективного времени»¹⁰.

По мнению С. К. Церуниана¹¹, все лица этого времени имеют различные значения.

Внимательно исследовав формы этого грамматического времени, мы пришли к заключению, что в области определения различных глагольно-временных форм, в основе которых лежит так называемая форма на *-miş* в настоящее время существует путаница. Совершенно прав Н. К. Дмитриев, указывавший, что объяснения этой формы, данные во многих работах русских и иностранных тюркологов, «до того запутали предмет», что разобраться в этом вопросе стало почти невозможно, тогда как четкое определение формы на *-miş* имеет исключительно важное значение.

О пятом и шестом значениях. Словоформа *yazmış* равноценна по значению сложному грамматическому причастию с опущенным вторым компонентом (*yazmış olan = yazmış olan*).

Турецкое сложное грамматическое причастие *yazmış olan* — вторичная форма причастия, состоящая из двух причастий, а именно: причастия абсолютного прошедшего времени *yazmış* «написавший» и *olan* «являющийся/являвшийся». Это сложное причастие употребляется только в атрибутивной функции и по значению соответствует двум грамматическим временам:

yazmış olan $\left\{ \begin{array}{l} \text{являющийся написавшим} = \text{yazmışır.} \\ \text{являвшийся написавшим} = \text{yazmıştı.} \end{array} \right.$

Поскольку в турецком языке действует двувременная система (повествование строится либо в настоящем, либо в прошедшем времени)¹², конкретное значение сложного причастия *yazmış olan* или его основной части *yazmış* определяется контекстом и установление его у носителей языка не вызывает никаких затруднений. Таким образом, это сложное причастие передает законченное действие с результатом в настоящем или прошлом, а точнее, состояние лица или предмета в настоящем или прошлом, как результат совершившегося ранее действия.

Пятое значение. Если конечное сказуемое стоит в настоящем времени, то и причастие приобретает значение настоящего времени: *yazmış = yazmış olan = yazmistir*.

Примеры: 1) *Uzun bir mektup yazmış Sabiha, gözlerini kapıyor ve kafasını masanın üstüne koyuyor* «Сабиха, написавшая (которая есть написавшая) длинное письмо своему отцу, закрывает глаза и кладет голову на стол» (*bir mektup yazmış Sabiha = Sabiha bir mektup yazmistir*); 2) *Otomobilimiz, yagmurdan göl haline gelmiş yollardan geçiyor* «Наш автомобиль едет по дорогам, которые превратились (есть превратившиеся) от дождя в «сплошное озеро» (*göl haline gelmiş yollar = yollar göl haline gelmistir*).

⁹ В. А. Гордлевский. Указ. раб., т. II, стр. 95.

¹⁰ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 233.

¹¹ С. К. Церуниан. Курс османских разговоров.

¹² К. М. Любимов. Система грамматических времен в современном турецком языке. — «Советская тюркология», 1970, № 2, стр. 44—63.

Шестое значение. Если конечное сказуемое стоит в прошедшем времени, то и причастие приобретает значение прошедшего времени: *yazmış -- yazmış olan = yazmıştı*.

Примеры: 1) *O sırada babasına uzun bir mektup yazmış Sabiha, gözlerini kapamış ve kafasını masanın üstüne koymustu* 'В тот момент Сабиха, написавшая (которая была написавшей) длинное письмо своему отцу, закрыла (была закрывшей) глаза и положила (была положившей) голову на стол' (*bir mektup yazmış Sabiha = Sabiha bir mektup yazmıştı*); 2) *O gün otomobilimiz, yağmurdan göl haline gelmiş yollardan geçiyordu* 'В тот день наш автомобиль ехал по дорогам, которые превратились (были превратившиеся) от дождя в сплошное озеро' (*göl haline gelmiş yollar = yollar göl haline gelmişti*).

Седьмое значение. Словоформа *'azmış* 'написавший' — субстантивированное причастие прошедшего времени, которое может принимать аффикс множественного числа и аффиксы падежей.

Примеры: 1) *yazmışlar* 'написавшие', 'те, которые написали'; 2) *ölmüşler* 'умершие'; 3) *yazmışa benziyor* 'он, похоже, написал' (досл. 'он похож на написавшего'); 4) *Susamışa yalnız su görünür* 'Страдающему от жажды только и видится вода'.

Некоторые причастия на *-mış* прочно приобрели значения существительных. Примеры: 1) *yemiş* (от *ymek* 'есть', 'кушать') 'фрукты и орехи' (общее понятие); 2) *geçmiş* (от *geçmek* 'проходить') 'прошлое'; *geçmişte* 'в прошлом'; 3) *dolmuş* (от *dolmak* 'наполняться') 'маршрутное такси'.

Таким образом, словоформа *yazmış* может иметь в различных ситуациях или контекстах семь названных выше разных значений. Если всех их не учитывать, то это неизбежно приведет к путанице в объяснении формы на *-mış*. Вся сложность проблемы заключается в том, что в форме на *-mış*, только кажущейся единой и неделимой, в действительности скрещиваются по меньшей мере семь разных форм, хотя и выступающих недостаточно явно.

Э. Н. НАДЖИП

О ПАМЯТНИКЕ XIV ВЕКА «НАХДЖ АЛ-ФАРАДИС» И ЕГО ЯЗЫКЕ

В XIV веке на обширной территории тюркоязычного мира от низовьев Сыр-Дарьи и Северного Хорезма до Азербайджана, Крыма и мамлюкского Египта создавалась большая литература разнообразного содержания на смешанных тюркских языках. Некоторые образцы этой литературы были созданы на языке, относящемся к j-группе тюркских языков, нами условно именуемой кыпчакско-огузской. Эта группа восходит к письменному языку, на котором в XII в. в низовьях Сыр-Дарьи создавал свои мистические стихи Ахмад Есеви. На этом же языке и на той же территории в середине XIV в. было написано «Мухаббат-наме» Хорезми, а в 1391 г. — в мамлюкском Египте — «Гулистан» Сейфа Сарай. Приложенные к «Гулистану» поэтические образцы показывают, что в XIV же веке на этом языке создавали свои лирические стихи многие замечательные тюркоязычные поэты. Из указанных памятников исследованы и изданы арабописьменный и уйгурописьменный варианты «Мухаббат-наме» Хорезми¹. В настоящее время находится в производстве подготовленный нами к печати «Гулистан» Сейфа Сарай с грамматическим очерком и словарем.

Параллельно с кыпчакско-огузским языком на тех же территориях одновременно с ним (XIV в.) формировался и другой литературный язык, восходящий к карлукско-уйгурскому литературному языку периода караханидов (XI в.), на котором 900 лет назад на берегу Чу (территория современного Казахстана) был создан «Кутадгу билиг» Юсуфа из Баласагуна. Этот язык, условно названный нами огузско-кыпчакским, относится к d—z—δ-группе тюркских языков. На этом литературном языке написаны «Хосрау и Ширин» Кутба², среднеазиатский «Тефсир»³, «Кысас» Рабгузи⁴, «Нахдж ал-Фарадис»⁵ и некоторые

¹ См.: А. М. Щербак. Огуз-наме. Мухаббат-наме. М., 1959; Э. Н. Наджип. Хорезми. Мухаббат-наме. М., 1961.

² См.: A. Zajaczkowski. Najstarsza wersja turecka Husrāv u Sirin Qutba. Cześć I, Tekst. Warszawa, 1958; cześć II, Facsimile, 1958; cześć III, Słownik, 1961.

³ См.: А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского Тефсира XII—XIII вв. М., 1963.

⁴ Казань, 1891; Рукопись Тис 71 из Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Этот памятник в настоящее время нами исследован и подготовлен к публикации.

⁵ См.: J. Ectan. Nehcü'l-Feradis, t. I, Tipkibasım. Ankara, 1956.

другие памятники, главным образом религиозно-богословского содержания. Исследование языка этих памятников убедительно показывает, что все они созданы в одной и той же среде, представителями одного и того же народа и, в отличие от памятников j-группы тюркских языков, сохранили гораздо больше архаических элементов как в фонетике, так и в морфологии и лексике. Объединяют их также орфографические и отдельные графические особенности (например, передача губно-губного w). Следует отметить, что эта категория памятников испытала достаточно сильное влияние уйгурской литературной традиции.

В данной статье говорится об одном из этих литературных памятников — «Нахдж ал-Фарадис».

«Нахдж ал-Фарадис», со времени создания которого прошло более 600 лет, дошел до нас в нескольких списках. Один список был обнаружен и опубликован в Турции, другой найден в Крыму, остальные — на территории современной Татарии. Интересно отметить, что ни одного списка не было обнаружено в Северном Хорезме, тогдашнем религиозно-богословском центре Средней Азии, хотя «Нахдж ал-Фарадис» представляет собой прозаическое произведение богословско-дидактического содержания.

Об этом ценном памятнике тюркоязычной литературы, имеющем очень важное значение для исследования истории тюркских языков, впервые стало известно в 1885 г. из сообщения видного татарского ученого Шихаб-ад-дина Марджани⁶. К сожалению, список, которым пользовался Марджани, один из наиболее древних, в настоящее время утерян. Нам известны лишь дата создания памятника и имя его автора, сохранившиеся в записи Ш. Марджани.

В 1930 г. научный сотрудник Ялтинского восточного музея Якуб Кемаль опубликовал работу — «Тюрко-татарская рукопись XIV века „Нахдж ал-Фарадис“», представляющую собой предварительное исследование списка, найденного в 1928 г. экспедицией музея в Крыму.

По сообщению Я. Кемалья, на первой странице вклеенного в рукопись листа имеется следующая запись на арабском языке: «Эта книга „Нахджул-Фарадис“, написанная в месяце рабиуль-ахир 792 г. Собственник и владелец ее — Мухаммед-шах сын Бахадыра. В настоящее время 1176 год месяца шаабана 23 день под вечер». Эта запись указывает на то, что рукопись уже в XVIII в. находилась в Крыму.

Я. Кемаль сообщает также, что в недавнем прошлом рукопись принадлежала Али Мурзе Эмирову. После смерти владельца она была продана в Бахчисарае, попала в руки букинистов, а затем и в Ялтинский музей.

Бумага вклеенного листа, так же как и использованная для подклейки разорванных страниц, относится по своему типу к использовавшейся в конце XVII в.; переплет рукописи изготовлен из черного сафьяна в конце XVII или начале XVIII в. Первая страница рукописи утеряна, вторая и третья — сильно истрепаны и выпали из переплета, остальные — находятся в полной сохранности. Бумага рукописи, значительно пожелтевшая от времени, не имеет водяных знаков, отличается плотностью и чистотой выделки. Рукопись написана великолепным почерком *наسخ* с некоторым уклоном в сторону почерка *сулус*. В конце рукописи приводятся дата снятия копии и имя переписчика:

⁶ استفاد الاخبار، جلد ۱

تم الجزء اول ويتلو الباب الثالث وكتبه قاسم بن محمد في ربيع الآخر سنة ٧٩٢

Tām āl zūzūl ävvāl vā jatlū āl bab-i äs-salis-ü vā kätābāhu Kasim bin Mühāmmäd fi räbi āl-axir sänä 792 'Закончилась первая часть и следует за ней третья глава и написал ее Қасым сын Мухаммада в месяце рабиуль-ахир в году 792' (1390 г.). Таким образом, ялтинская рукопись, относящаяся к концу XIV в., является одной из наиболее старых из дошедших до нас.

Далее Я. Кемаль сообщает, что заглавия обеих частей рукописи написаны крупными золотыми буквами на синем фоне и украшены цветочным орнаментом. Названия разделов также написаны золотом, но несколько меньшими по размеру буквами, а изречения Мухаммеда (хадисы), которыми начинается каждая глава, как и встречающиеся в тексте стихи из Корана, написаны красной тушью и более крупно, чем весь остальной текст рукописи. Тема, логически завершенная, отделяется тремя красными точками; при сохранении же логической связи с последующей темой между ними ставится одна точка. В конце повествования, после описания смерти и погребения халифа Омара, красной тушью изображено взаимное расположение могил Мухаммеда и первых халифов — Абу-бекира и Омара.

Ялтинская рукопись состояла из 549 страниц размером 29×19 см, наружное поле страницы — 2,5 см, а внутреннее — 1,5 см. Каждая страница содержала 13 строк, при высоте букв — 9—10 мм.

Происхождение рукописи не установлено. Рукопись в настоящее время утеряна, и поиски, предпринятые автором этих строк, не увенчались успехом⁷.

В связи с тем, что многие рукописи XIII—XIV веков были обнаружены в одном из крупных центров золотоордынской культуры — Солхате, Якуб Кемаль делает предположение, что и данная копия снята там же местным переписчиком. В пользу такого предположения говорит еще и то обстоятельство, что почерки *наسخ* и *сулус* были распространены в Крыму, Египте, Сирии и Малой Азии; в Средней Азии же в основном пользовались почерком *насталик*, а в Поволжье на каллиграфию особого внимания не обращали, и местные переписчики писали более грубыми, недостаточно разработанными почерками.

«Нахдж ал-Фарадис» в целом состоит из четырех глав, из которых крымская рукопись содержала только первые две.

Ялтинский список, судя по факсимиле четырех страниц, опубликованных Я. Кемалем, во многом близок к стамбульскому, резко отличаясь от последнего лишь системой диакритических знаков: там, где в стамбульском списке стоит *фатха*, в ялтинском — *касра*, а это, как известно, соответственно изменяет произношение слов и затрудняет их транскрибирование.

В 1928 г. ныне покойный профессор Зеки Велиди Тоган обнаружил в библиотеке при стамбульской мечети «Яни-Джами» один из списков «Нахдж ал-Фарадис», зарегистрированный там под № 879 и под названием فضائل المعجزات «Fäzail āl-Mū'izāt». Зеки Велиди сделал предварительное сообщение об этой находке⁸.

⁷ Якуб Кемаль, работавший над рукописью, умер в 1938 г. в Узбекистане. Он окончил американский колледж в Бейруте и Лазаревский институт восточных языков в Москве. Некоторое время был директором Зенжырлы-медресе (Менглигирейский ин-т) в Бахчисарае.

⁸ Türkiye Mecmuası, cild II, стр. 331—345.

Анализируя качество бумаги, орфографию списка Яни-Джами, имена ученых, упоминаемые в труде, а также систему диакритических знаков, Зеки Велиди приходит к выводу, что рукопись составлена в Хорезме. На это указывает, по его мнению, и имя переписчика стамбульского списка — Мухаммад ибн Мухаммад ибн Хосрау аль-Хорезми, а также сообщение последнего о том, что «за три дня до завершения им переписки автор умер». По-видимому, переписчик, во всяком случае в период переписки, жил там, где умер автор. Однако при этом следует иметь в виду, что до сих пор ни в Хорезме, ни в Средней Азии не обнаружено ни одной копии этого произведения. Кроме того, не может служить веским доводом в пользу хорезмского происхождения данного произведения и качество бумаги стамбульского списка. Золотая Орда в тот период, когда в ее состав входил Хорезм, вела интенсивную торговлю с различными странами, и на привозной хорезмской бумаге могли писать не только в административном центре государства, но и в других городах. При этом остается неизвестным, производилась ли вообще бумага в Сарае. Решая вопрос о происхождении произведения, нельзя также не учитывать и того, что «Нахдж ал-Фарадис» в дальнейшем получил широкое распространение именно среди татар Поволжья.

Тот факт, что автор рукописи ссылается исключительно на ученых-богословов среднеазиатского происхождения, по мнению Зеки Велиди, также говорит в пользу хорезмского происхождения его труда. Однако Средняя Азия в тот период считалась общепризнанным центром богословия и славилась своими учеными-богословами. Поэтому нет ничего удивительного в том, что золотоордынский автор ссылается в своем труде на среднеазиатские богословские авторитеты.

М. Ф. Кёпрюлю присоединяется к мнению Зеки Велиди и считает, что «пока» автором данного труда может считаться Махмуд родом из Курдера в Хорезме, впоследствии живший в Сарае⁹.

Список Яни-Джами в 1956 г. был издан в Турции Я. Экманом. Опубликованный первый том состоит из фотокопий. В кратком предисловии к нему сообщается, что второй том будет содержать транскрипцию, а третий — посвящен исследованию языка памятника и включит словарь¹⁰.

Стамбульский список, отличающийся хорошей сохранностью, состоит из 222 листов (444 страниц). Формат рукописи 34×25 см, а самого текста — 25×19 см. Каждая страница содержит 17 строк. Как явствует из предисловия к опубликованному факсимильному изданию, бумага рукописи темнокремового цвета. Основной текст написан черными чернилами, названия глав и разделов, а также некоторые собственные имена и выражения — красными. Почерк — разборчивый *наسخ*. *Харакаты* везде черные, даже над словами, написанными красными чернилами, что свидетельствует о том, что они были поставлены позже. Зеки Велиди в связи с этим указывает, что, хотя автор и пользуется установившейся в то время орфографией кашгарского тюркй, однако *харакаты* ставит в соответствии с хорезмским произношением. А это, по мнению З. Велиди, говорит в пользу написания рукописи в Хорезме. Однако то, что цвет чернил, которыми проставлены *харакаты*, отличается от цвета чернил самого текста, наталкивает также на мысль о том, что сама рукопись могла быть написана в одном месте, а *харакаты* впоследствии поставлены в

⁹ *Türkiyat mecmuası*, cild II, стр. 331—345.

¹⁰ В настоящее время Я. Экман работает в США, и нам не известно, продолжает ли он свою работу над «Нахдж ал-Фарадис». Нами же язык этого памятника изучен полностью и подготовлено соответствующее исследование со сравнительно-историческим словарем.

другом (быть может, и в Хорезме, или просто жителем Хорезма применительно к собственному произношению). Кроме того, здесь можно говорить лишь о данной копии, а не об оригинале. Окончательное суждение можно вынести лишь после проведения соответствующей текстологической работы над всеми дошедшими до нас рукописями и их сравнительного анализа с привлечением также других рукописей, относящихся к XIV в.

Стамбульский список представляет собой особую ценность, потому что он в настоящее время является фактически единственным полным списком, причем дошедшим до нас в полной сохранности. Он содержит все четыре главы произведения и состоит из сорока разделов. К сожалению, он не содержит сведений об авторе и месте написания.

Приписка, сделанная на первой странице внизу, указывает, что данная рукопись находилась в Египте в библиотеке Мухаммад-бея сына Абу-Саида Чакмака (1437—1445). То, что рукопись находилась в Египте, говорит, по нашему мнению, в пользу ее волжского происхождения. В Египет рукопись могла попасть из Сарая, по-видимому, в период интенсивных связей Золотой Орды с мамлюкским Египтом. На стр. 3, 216 и 444 рукописи сохранилась вакуфная печать Султана Ахмед-хана газы султан Мехмед-хана. Когда и как она попала впоследствии в Турцию, остается неизвестным.

Таковы внешние данные списка Яни-Джами.

В Казани имеются два списка «Нахдж ал-Фарадис», относящихся к более позднему периоду¹¹. Один из казанских списков, датируемый предположительно XVII в., в свое время принадлежал проф. Готвальду. В 1928 г. наследниками последнего этот список был подарен библиотеке Казанского университета, где он и хранится в настоящее время под № 6026. Формат этой рукописи 18×30 см. Бумага списка относится к XVII в. Почерк — неправильный, неразработанный *насх*, характерный для татарских переписчиков. Всего в рукописи 536 страниц, сохранилась она плохо. От первых пяти листов остались только средние части. Отдельные листы (2, 21, 22, 23, 27, 28, 30, 265, 267) были переписаны другим почерком и добавлены к рукописи впоследствии. Некоторые страницы отсутствуют полностью. Список не датирован. Листы 1—20, 24, 25, 263 и 264 реставрировались, недостающие места восстановлены по другому списку. На 264 листе содержатся сведения об авторе и поставлена дата. Количество строк на листах колеблется от 17 до 19, а на вставленных листах — от 14 до 16.

Под шифром 3060 (445 6) в библиотеке Казанского государственного университета хранятся отдельные фрагменты другого списка — всего 28 листов. На каждой странице фрагментов 29 строк. Книга написана на бумаге марки АМК, относящейся к первой половине XVIII в. Почерк — неправильный *тали*к, переходящий в *насх*. Размер — 34×20 см. Даже эти, дошедшие до нас, фрагменты плохой сохранности: необычно длинные листы были сложены вдвое, поэтому строки в середине листа по изгибу стерты.

Третий казанский список хранится в Кабинете татарской литературы Казанского государственного педагогического института. Рукопись приобретена в 1930 г. из частных рук и содержит 532 страницы. Список хорошей сохранности, однако пять первых страниц вставлены впоследствии. Дефектна только первая страница. Почерк — *насх*. Формат —

¹¹ См.: Б. А. Яфаров. Литература камско-волжских булгар X—XIV вв. и рукопись «Нахдж ал-Фарадис». Канд. дисс. Казань, 1949.

16×20 см. Рукопись более поздняя и относится к 1185 г. хиджры (1771/72 г.). В конце рукописи переписчик сообщает, что его зовут Файзулло Джафар-оглы и что данную рукопись он переписал «за один рубль» для своего учителя Селимджана муллы Дост-Мухаммад оглы. Каждая страница содержит 18 строк, а три первых вставных — по 17—18. Оглавление написано другой рукой.

Таким образом, казанские списки, в сравнении с ялтинским и стамбульским, особенно большой ценности не представляют. Однако они уточняют соответствующие данные об авторе и могут быть использованы при текстологической работе.

В секторе рукописей Института востоковедения Академии наук СССР в Ленинграде хранятся еще две рукописи, привезенные сюда в 1934 г. из библиотеки Вахидова в Казани. Оба списка дефектны, хотя и дошли до нас в целом в хорошей сохранности. Например, список, хранящийся под № 316, начинается с четвертого раздела первой главы. Другой же список (№ В 2590) не имеет ни начала, ни конца.

Остановимся несколько подробнее на вопросе об авторе, времени и месте написания данного произведения.

Ш. Марджани приводит такую выдержку из конца рукописи:

بو کتاب قانهج الفراديس دیواسم قلندی معنی سی اوجماخلرنک آچوق
یولی تیماک اولور... — ایکنچی کونیندا ییلغایتی یوز الیک توقزدا
سرای شهرنده ایردی — قیلغوچی العالم الربانی والعالم الصمدانی
الاستاد المطلق محمود بن علی بن السرای منشاء و البلغاری مولدان
و الكردی.¹²

Bu kitab qā Nāhǝ āl-Fāradis dejü ism kylyndy, mä'nasy užmaxlarnyň açuk joly temäk olur... ~ ikinçi künindä jylyä jeti jüz ellik tokyzda Säräjä šähärindä erdi. ~ Kylyučy āl-'alim ūl-Rābbāni vāl-Alimās-Samadani, āl ustad āl-mutlak. ~ Mähmud bin Āli bin ās-Sārāji mänšāän vāl-Bul'yari müvällädän vāl-Kürdäri.

‘Эта книга названа «Нахдж ал-Фарадис», что означает открытый путь к раю. ~ второго дня семьсот пятьдесят девятого года, было в городе Сарае. ~ Богослов, знаток вечности, непрменный ученый. ~ Махмуд бин Али, бин ас-Сараи по происхождению, из Булгара по рождению, и из Курдара’.

Не имея в своем распоряжении текста рукописи, мы лишены возможности устранить дефекты данного отрывка, отмеченные нами знаком ~. Однако обращение к другим спискам позволяет правильно расшифровать эти неясные места. Текст Ш. Марджани содержит дату — 759 г. хиджры (1357—1358 г.). Далее указано место написания труда — город Сарай. Поскольку последнее указание составляет неотъемлемую часть предложения, содержащего и дату написания труда, то рассматривать Сарай как место снятия копии нельзя. Далее, перед словом қилғоҷы kylyučy в рукописи Ш. Марджани, по-видимому, стояло слово, которое оказалось неразборчивым. Логически здесь могла идти речь о составителе — авторе сочинения. қилғоҷы — второй компонент составного имени. Скорее всего, перед ним стояло слово, означающее «написание, составление» и т. д.

¹² 1885 مرجانی، القسم الاول من كتاب مستفاد الاخبار فی احوال قران وبلغار

В казанском списке, ранее принадлежавшем Готвальду и ныне хранящемся в библиотеке Казанского государственного университета под № 60261, имеется приписка, полностью совпадающая с текстом, приведенным Ш. Марджани. Можно предположить, что именно этот список и находился в руках Ш. Марджани. В указанной приписке перед *قىلغۇچى* *kylǵuǵu* стоит слово, которое можно прочесть как *جمع* *ǧam* 'собрание'. Это позволило нам уточнить текст Ш. Марджани, приведенный им в *مستفاد الاخبار*.

Вполне понятно, почему автор скромно именуется «собирателем», а не «составителем». Книга содержит изложение суждений, известных автору богословов, а не является его самостоятельным исследованием. Таким образом, автором-«собирателем» книги является Махмуд бин Али, его литературные псевдонимы — ас-Сараи, ал-Булгари, ал-Курдари.

Литературные псевдонимы средневековых авторов, восходящие к географическим названиям, указывают на место их рождения и происхождения, или же место, где они получили образование, жили и творили и т. п.

Приведенные тексты ясно указывают на то, что книга была написана в Сарае, столице Золотой Орды. Следовательно, псевдоним ас-Сараи определяет место жительства автора. Второй и третий псевдонимы раскрывает ленинградский список (№ 316), в котором имеются следующие строки:

صفر آى نينك سكرنجى كون يلقى يلى ايردى يتى يوز ايلك توقز
دا سراى شہروندا ايردى بو كتابنى جمع قىلغۇچى... نى والعامل الصمدانى
الاستاد والمطلق والعامل المو... محمود بن على بن شيخ السرايى منشاء
والبلاغارى مولدا و الكردرى عقدا.

Safar ajnyñ säkizinči kün jylky jyly erdi jeti jüz ellik tokuzda Sāraj šāhründä erdi; bu kitabny šam' kylǵuǵu... ni vāl-Amil ās-Samadani āl-ustad vāl-mutiak vāl-Amil ālmü... Mähmüd bin Āli bin šājx ās-Sāraji mänšään vāl-Bulǵari müvällädän vāl-Kürdäri äkdän.

‘Был восьмой день месяца сафар года лошади. Был в городе Сарае в семьсот пятьдесят девятом году. Компилятор (собиратель) этой книги теолог, действующий по повелению господина бога, совершенный учитель, монотеист Махмуд сын Алиа, сын шейха Сарая по происхождению, уроженец Булгара и связанный с Курдером. [Если *شيخ* признать за собственное имя, то: сын шейха, живущего в Сарае и т. д.]’.

В приведенных выше приписках говорилось о втором дне неизвестного месяца. В данном же тексте указывается и название месяца — *сафар*. Правда, имеется расхождение в числах. В двух предыдущих приписках *يلقا* *jylka* и *يلغا* *jylǵa* мы интерпретировали как «года». В последней же приписке читаем: *يلقى يلى ايردى* *jylky jyly erdi*, что означает «седьмой год по двенадцатилетнему животному циклу». Год *jylky* соответствует 754 или 766 году хиджры, то есть 1353 или 1356 году. Однако в приписках ясно указывается, что книга написана в 759 г. (1360 г.). Это — труднообъяснимое расхождение.

Последний текст вносит существенную поправку в псевдоним автора. У Ш. Марджани в приписке значится *محمود بن على بن السرايى* *Mähmüd bin Āli bin ās-Sāraji*, то есть ‘Махмуд сын Алиа сын ас-Сараи’. В казанском списке № 60261 запись более логичная: *محمود بن على شيخ السرايى* ‘Махмуд бин Алий шейх Сарая’. Следовательно, автор мог быть шей-

хом города Сарая, или носил прозвище *ас-Сараи*. Список № 60261, как видно из вышеприведенного текста, вносит дальнейшее уточнение: 'Махмуд сын Алиа сын шейха Сарая'. Тогда *ас-Сараи* уже не является псевдонимом автора, а в сочетании с منشأ mānšāāp 'по происхождению' указывает на то, что Махмуд бин Али ведет происхождение от шейха города Сарая. Бесспорным же является лишь факт рождения автора в городе Булгаре, что дало основание Ш. Марджани, а позже и Б. А. Яфарову, отнести данное произведение к памятникам болгарской литературы.

Весьма ценным в этой приписке является и то, что после والكردری vāl-Kürdāri стоит слово عقدا ākdān 'связанное', отсутствующее во всех остальных приписках.

По историческим данным, в средневековом Хорезме на двух берегах Аму был расположен город Курдар — один из центров богословия. Я. Кемаль на 11 стр. упомянутой работы говорит, что «Кердер находится в Хорезме на востоке от Куне-Ургенч между современными Ене-Кале и Чимбаем; в прежнее время он считался известным городом». На этом основании Я. Кемаль допускает возможность происхождения Махмуда бин Али из этого города.

Арабский историк ал-Истахри, писавший около 930—933 гг., приводит названия тридцати городов Хорезма, в числе которых упоминается и Кардар (Курдар. — Э. Н.)¹³.

Упоминание о Кардаре имеется и в Худуд-ал-Алам¹⁴.

Арабский историк ал-Макдиси, писавший около 985 г., перечисляя названия тридцати двух городов Хорезма, отмечает, что город Кардар расположен на обоих берегах Аму¹⁵. Следовательно, Кардар (Курдар) был одним из больших городов Хорезма того времени.

Однако нам представляется нелогичным связывать с этим городом происхождение нашего автора. Ведь в приписках ясно сказано, что он родился в Булгаре и ведет свое происхождение от шейха Сарая. Если же допустить, что город Кардар был одним из центров теологии тюркского мира, то псевдоним vāl-Kürdāri следует рассматривать как указание на место, где автор получил богословское образование.

Однако слово عقدا ākdān ленинградского списка позволяет выдвинуть и другую гипотезу.

Как известно, многие из казахских родов и племен входили тогда в состав Золотой Орды. Племена *Киши жуз* кочевали в непосредственной близости от культурных центров государства в низовьях Волги. Они в свою очередь состояли из племен *Алим улу*, *Бай улы* и *Жети уру*. Последние включали семь крупных родов, одним из которых был род *Курдер*. Слово عقدا ākdān, означающее «связанное», дает нам возможность связать происхождение нашего автора с казахским родом *Курдер*. Итак, возможно, что Махмуд бин Али происходил из казахского рода Курдер, родился в Булгаре, жил и творил в Сарае.

Книга была завершена 2 (8) *сафара* 759 г. в городе Сарае. *Сафар* — второй месяц мусульманского календаря. Первый день месяца *сафар* в 759 г. совпадал с 13 января 1358 г., воскресеньем. Следовательно, книга

¹³ См.: С. П. Толстов. По следам древнехорезмской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 235.

¹⁴ См. там же, стр. 235.

¹⁵ См. там же, стр. 236.

завершена в понедельник, 14 января 1358 г. (или 20 января, что соответствует 8 *сафара*).

Таким образом, указанный труд был создан в период правления Берди-бека сына Жани-бека, то есть в то самое время, когда был написан и «Мухаббат-наме» Хорезми, а несколько лет спустя, при брате Берди-бека Тени-беке в Ак-Орде — «Хосрау и Ширин» Кутба.

Столь же ценной является и приписка на стр. 443 стамбульского списка:

Bu kitab tämam boldy tarix jeti jüz altmyš birdä šäxrüllaxül-mübaräk zümadiäl ävväl aju nyñ altynč künindä erdi kim kitabäti kušluk växtindä tämam boldy. Taky bu kitab nyñ musannify mäzk'ur jäkšänbä kün darül-fāna din darül-bākaḡā rihlät kyldy.

Эта книга завершена составлением в семьсот шестьдесят первом году в шестой день благословенного месяца джумади-ал-аввал, переписка закончена в поздний утренний час. Да еще (пусть будет известно) составитель этой книги переселился из этого тленного мира в мир вечности в упомянутое воскресенье.

Далее в этой приписке автор называется не *مصنف musannif* 'составитель', а *جمع قيلغوجي žām kylyučy* 'собиратель'.

В данной записи приводится другая дата — 761 г. хиджры. Несомненно, здесь уже речь идет о времени завершения снятия копии переписчиком Мухаммадом ибн Мухаммад ибн Хосроу ал-Хорезми (см. стр. 444).

761 г. хиджры соответствует 1359/60 г. Джумади-ал-аввал — пятый месяц мусульманского календаря. Первый день этого месяца в 761 г. соответствовал пятнице 20 марта, а шестой день, когда и была завершена переписка, — среде 25 марта 1360 г. Автор списка умер в воскресенье 22 марта 1360 г., то есть за три дня до окончания переписки. Таким образом, стамбульский список уточняет не только дату окончания переписки рукописи, но и день смерти ее переписчика.

По своему содержанию «Нахдж ал-Фарадис», как уже отмечалось, является богословско-дидактическим произведением. В целом оно состоит из четырех глав, каждая из которых имеет десять разделов.

Первая глава целиком посвящена жизнеописанию пророка.

Содержание второй главы составляет биографические и исторические сведения о первых четырех халифах — сподвижниках пророка, членах его семьи, первых имамах — главах мусульманского богословия — Абу-Ханифе, Шафи, Малике и ибн-Ханбале.

В третьей главе повествуется о богоугодных делах — о следовании основным законам ислама, об оказании помощи бедным, о повиновении родителям, о дозволенном и недозволенном, о достойном времяпрепровождении, о терпении и покорности.

Четвертая, заключительная глава также носит назидательный характер. В ней осуждаются пролитие невинной крови, прелюбодеяние, употребление спиртных напитков, высокомерие, ложь, клевета, погоня за земными благами, ростовщичество, мстительность, зависть, гордыня, беспечность.

Последние две главы иллюстрируются многими житейскими примерами, представляющими несомненный интерес с точки зрения этнографии и истории культуры.

Каждому разделу автор предпосылает *хадис* — изречение пророка, соответствующее основному содержанию данного раздела.

Памятник в целом написан достаточно простым языком, читается с интересом, а отдельные разделы в литературно-художественном отношении стоят для своего времени на довольно высоком уровне. Отдельные места последних глав могут быть расценены как образцы художественной прозы Золотой Орды середины XIV в. Таким образом, ценность памятника заключается не только в том, что он имеет важное значение для изучения истории тюркских языков, но и в том, что он занимает соответствующее место в истории тюркоязычных литератур.

Памятник до сих пор по-настоящему не изучен. Иногда его смешивают с другими памятниками. Например, турецкий литературовед Абдулкадыр Карахан относит это произведение к числу широкоизвестных на Востоке сборников *قرق حدیث* *Kırk hādīs*, содержащих сорок хадисов — изречений Магомеда. По-видимому, его ввел в заблуждение тот факт, что в начале каждого раздела автор приводит одно из изречений пророка, а таких разделов в рукописи как раз сорок. На самом же деле «Нахдж ал-Фарадис» является крупным и оригинальным произведением.

Турецкий филолог Кевам-ад-дин приводит большой список слов из «Нахдж ал-Фарадис» кыпчакского и уйгурского происхождения. Однако чтение, транскрипция и переводы Кевам-ад-дина нуждаются в многочисленных и серьезных поправках¹⁶.

Во вводной части известного произведения *معراج نامه* «Ми'радж-наме», который в XIII в. был переведен с арабского языка на тюркский, переводчик говорит, что данное произведение является переводом «Нахдж ал-Фарадис». Однако здесь имеет место лишь случайное совпадение названий совершенно различных по содержанию произведений. И все же на основании указанного замечания французский филолог П. де Куртейль ошибочно отнес оригинальное тюркоязычное произведение к числу переводов с арабского.

Эта же оговорка переводчика, или, возможно, мнение П. де Куртейля, в свою очередь, ввело в заблуждение и С. Е. Малова, который на стр. 96 своих «Памятников древнетюркской письменности» утверждает, что *معراج نامه* «Ми'радж-наме» является переводом сочинения «Картины рая» *نهج الفارادیس* «Нахдж ал-Фарадис». Далее С. Е. Малов пишет: «Не этого ли «Ми'радж-наме» автором является Али оглы Махмуд Булгарский, упоминаемый Марджани в его «Истории Казани и Булгар». По-видимому, С. Е. Малов не имел возможности сопоставить содержание тюркоязычного «Нахдж ал-Фарадис» с «Ми'радж-наме». А. Самойлович в кратком предисловии к вышеупомянутому труду Я. Кемалы пишет: «Представляет также большой интерес сделанное мне проф.

¹⁶ 250—169 *صحيحه* IV 1934 *ترکیات مجموعه* В последнее время мне стало известно, что над изучением языка «Нахдж ал-Фарадис» работает и турецкий филолог Ali Fehmi Kağanlioglu, который в XVI и XVII выпусках «Türk Dili ve Edebiyatı dergisi» опубликовал свое исследование, а в XVIII (1970 г.) — привел образцы на основе латинской графики.

С. Е. Маловым указание на то, что сочинение «Нахдж ал-Фарадис» упоминается в предисловии к чагатайской обработке «Ми'радж-наме», изданной французским тюркологом Паве де Куртейлем».

Здесь произошло досадное смешение двух одноименных, но совершенно разных по языку, содержанию, объему, а также по времени написания произведений.

Объем тюркоязычного «Нахдж ал-Фарадис» превышает объем «Ми'радж-наме» более чем в десять раз.

Махмуд бин Али в начале своего труда ясно говорит о том, что написанную им книгу он назвал «Нахдж ал-Фарадис», что в переводе означает *أوجماخلر ننگ اچوق يولى* Uğmaqlar nıñ açuq joly — «Открытый путь к раю». Простое сопоставление «Мирадж-наме» с «Нахдж ал-Фарадис» показывает, что произведение Махмуда бин Али не имеет никакого отношения к переводному «Мирадж-наме», повествующему исключительно о вознесении пророка на небеса.

Остановимся на некоторых особенностях лексики «Нахдж ал-Фарадис».

Язык этого памятника, как уже отмечалось выше, относится к языкам δ -группы. Приведем примеры из крымского списка:

33 *مصرغا ايندا بيرديم* Mysyrğa uđa berdim 'Я отправил в Египет'; 41 *باريني ايلاييندا قودغيل* barıny elajynda kodyıl 'все положи перед ним'; 33 *تقى كودا كوسى اردى* tãki küdägüsi ärdi 'да еще был он зятем'; 35 *مصحف اوداسيندا قان ساچيلميش* Mashaf üdäsindä kan saçylmyş 'На коран разбрызгана кровь'; 35 *تقى اذاقيني آلسون* tãki iki adakıny alsun 'пусть еще отнимет его две ноги'.

33 *بو قولنى من اينماديم* bu kulny măn yđmadym 'этого раба я не посылал'; 35 *كنايه اتليغ قبيلهنى اووردى* Kınanät atlyy kâbiläni öbürdi 'Избрал он племя Кинанат'.

δ -признак распространяется и на иноязычные слова: 34 *فرياذ قيلدى* färjađ kyldy 'он кричал'. Параллельно выступает и (z).

Встречаются и слова с δ -признаком:

41 *اخشام بولميشدا كيدىن* axšam bolmyşda kedin 'когда наступил вечер'.

Приведем примеры из стамбульского списка.

Слова с δ -признаком:

53/12 *انلارغا قىغورور تقى يغلار* anlarğa kädürür tãki jyylar 'огорчается за них и плачет'.

Слова с δ -признаком:

354 *اذكولوك ساقينورميز* ädgülük sakynurmyz 'желаем добра'; 353 *قنوغقا براقينك* kudyqka byraqyñ 'бросайте в колодец'; 443 *مىنى اينكان بيزكا ايندابيركىل* bizgä ydabergil 'к нам посылай'; *قنغورنور* meni ingän kädgurtur 'меня очень огорчает'.

δ -признак распространяется и на иноязычные элементы:

53/15 *شادمان بولور كولار* šadman bolur, külär 'радуется и смеется'; 443 *ای بارخدايا* ej baru xidaja 'о един и сущ'.

Иногда, как и в московском списке «Сирадж әл-Кулуб»¹⁷, под *د* d появляется точка: 443 اوستادلاريميز ustadlarymyz 'наши учителя'.

Губно-губной звук графически передается в крымском списке с одной точкой через *ف*, а в стамбульском — с одной и тремя надстрочными точками в виде *ف* и *ف*.

Примеры из крымского списка:

33 شهادت وقتى يفوردى šāhadat vākty juwurdy 'наступило время смерти'; 35 ايفومكا باردیم ewümgä bardym 'я пошел к себе домой'; 41 تقي اول كفاچنى آجتورنى täki ol kewačni açturty 'да еще он приказал открыть тот котел'; 41 بويغوق ييردا ترور bu jawuk jerdä turur 'находиться на близком расстоянии'.

Примеры из стамбульского списка:

97 ايفينكا sawnü bardy 'пошел он с радостью'; 97 كيردى ewiñä kirdi 'он вошел в свой дом'; 354 بير قچ تيفا bir kač tewä 'некоторое количество верблюдов'; 352 ايفدا يلغوز اولتورميش ewdä jālγuz olturmyš 'он одиноко сидел дома'; 443 مال تفارلار mal tāwarlar 'богатство и имущество'.

Совпадает и передача деепричастия на *u—ju*.

Крымский список:

34 خاتونى يغلايو بشلادی xatuny jyγlaju bašlady 'его жена начала плакать'; 42 بارو بيلمادين baru bilmädin 'не сумев пойти'.

Стамбульский список:

97 محمد تيوجا قورور اردى Mühämmäd teju čakyrur ärdi 'он кричал: Мухаммад'; 354 تقي برو بشلادی täki baru bāšlady 'он начал идти'.

Почти все архаические элементы как в области лексики, так и в области грамматики полностью совпадают с встречающимися в «Хосрау и Ширин» Кутба.

Крымский список:

- 33 بتيك bitig 'письмо'
- 33 قوروغ kuruγ 'сухой'
- 33 قاتيندا katynda 'возле', 'при'
- 33 اينگان ingān 'много', 'очень'
- 33 قيرا kājra 'снова'
- 33 بتيكجي bitik'či 'писец'
- 33 قبوغ kāpug 'дверь'
- 33 نا يوندin nā jöndin 'почему'
- 34 اوجاگو üčägü 'втроем'
- 35 او كوش ök'üš 'много'

¹⁷ См.: Э. Нахдж. Датированная тюркоязычная рукопись XVI в. سراج القلوب «Сирадж ал-Кулуб» из Центрального государственного архива СССР в Москве. (Доклад на XXV международном конгрессе востоковедов). М., 1960.

تيگما 42 tegmä 'все, каждый'

تيكى 42 teki 'до'

اونگين 42 öngin 'другой' и т. д.

Значительно количество различных синонимов типа قولى koj и قويون kojun 'овца'.

Стамбульский список:

97 او كوش عنزلار قولدى öküŝ uzurlar koldy 'просил много извинений'; 97 كاڭاڧاڭ kăgavaŝ 'рабыня'; 93 اغير بهالار بيريب ayyır bāhalar berip 'заплатив очень дорого'; 354 كاتينغا كيردى kätynğa kirdi 'он вошел к нему'; 354 ميني اينگان قنغورتور meni ingän kädγurtur 'меня очень огорчает' и т. д.

Как видно из изложенного, замечательный памятник тюркоязычной литературы «Нахдж ал-Фарадис» имеет большое значение для изучения истории ряда современных тюркских языков. Поэтому исследование его должно быть продолжено.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Т. М. АХМЕДОВ

НЕКОТОРЫЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ СЛОВА В ТАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Таты с древнейших времён находились в тесных контактах с тюркоязычными народностями, особенно с азербайджанцами.

Древность контактов азербайджанского и татского языков отмечалась еще Гасан-беком Зардаби¹. В наше время на это указывали также М. Ш. Рагимов, В. Л. Гукасян и другие².

Отмечая давние азербайджано-татские языковые контакты, исследователи обычно основывались только на экстралингвистических факторах. Нами же были выявлены конкретные языковые материалы, подтверждающие эти контакты.

В бесписьменном татском языке сохранились древнетюркские слова, вошедшие в него в результате многовековых контактов с тюркоязычными народами. Среди этих слов есть нехарактерные для современного азербайджанского языка, хотя некоторые из них в несколько измененных формах и сохранились в ряде его диалектов и говоров, упоминаются в произведениях азербайджанских классиков, а также встречаются в древнетюркских памятниках, таких, как «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни, «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари, «Китаби-Деде Коркут» и др.

А. С. Чикобава справедливо отмечает, что «отнюдь не всегда легко выделить заимствованные слова, отличить «свое» от «чужого», особенно когда дело касается времен, давным-давно минувших. Такие заимствованные слова вполне ассимилируются в новой среде, меняя подчас и внешний облик. Иногда заимствованное слово может быть представлено даже закономерными звукосоответствиями в сравниваемых родственных языках; это признак того, что заимствованное слово проделало большой путь развития в новой языковой среде. Такие слова весьма ценны для истории языка»³.

В отличие от азербайджанского литературного языка, его диалектов и говоров в татском эти тюркские лексические заимствования сохранились в формах, близких к их древнейшим структурам. Одни из этих слов сохранили только первоначальное значение, другие — как значение, так и древнюю форму.

¹ См.: *Гасан бәј Зардаби*. Сечилмиш әсәрләри. Баку, 1960, стр. 247.

² См.: М. Ш. Рагимов. Некоторые вопросы исследования исторической диалектологии тюркских языков. — «Тезисы докладов пятого совещания по вопросам диалектологии тюркских языков, 5—8 октября 1965 г.». Баку, 1965, стр. 31—32; *Ворошил Гукасян*. К освещению некоторых вопросов истории Азербайджана в монографии «Азербайджан в VII—IX вв.» — «Известия АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права». Баку, 1968, № 4, стр. 119 и др.

³ *Арн. Чикобава*. Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1938, стр. XIV.

В татском языке встречаются и некоторые лексемы, по своему фонетическому облику близкие к тюркским, однако они пока не зафиксированы ни в диалектах и говорах азербайджанского языка, ни в древних памятниках.

Тюркские слова, вошедшие в татский язык, условно можно сгруппировать следующим образом.

1. СЛОВА, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ КАК В ПАМЯТНИКАХ, ТАК И В ДИАЛЕКТАХ И ГОВОРАХ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА

Süsk'ün||sük'sün. Это слово употребляется почти во всех наречиях и говорах татского языка с исконным глаголом *burrän||bürän* 'резать' и означает «выбиться из сил, изнемоочь, умориться (о позвоночнике или коленях)». Например: *Süsk'ün (sük'sün) zanühömän (k'amärmän) burrej* 'Колени (спина) изнеможены'.

Указанная лексема в древнетюркских памятниках зафиксирована в форме *süskün* 'спинной хребет'; например: *süsküni arqası turvşur* 'его спину (бука. спинной хребет) свела [судорога]' (ДТС 518). А в некоторых диалектах и говорах азербайджанского языка, в том числе в киров-абадском и казахском, она имеет формы *süjsün* 'шея'. Например: *Һәсәнин сүјсүнү һәммәшә әјриди*⁴ 'Шея Гасана всегда склонена'.

Слово *süsk'ün* как в татском (иногда), так и в диалектах и говорах азербайджанского языка подверглось метатезе: ср. *süskün* (в древнетюркских памятниках) > *sük'sün* (в татском) || *süjsün* (в азербайджанском).

Čig' 1) роса; 2) сырой (невареный)'. Например: *Bo xori čig' nüš-tej* 'Земля покрыта росой'; *Bä dārā čig' durāz mabaš, āzalū ibaši* 'Не ложись на росу, заболеешь'; *Türk'ho bā čig' hām «šöünām» bātānūd, hāmiš k'i «šeh»* 'Тюрки (азербайджанцы) называют росу и «šöünām (šābnām)», и «šeh»'; *C'ušt čig'ū* 'Мясо невареное (сырое)'.

Слово *čig'* встречается в «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари в форме *جى či* и переводится как: 1) 'роса' (МК 353₁₇); 2) 'сырой, влажный' (МК 535₁₇). Оно зафиксировано также в «Диване» Насими. Например:

برك نسرین اوزره یارب اول درلمش انجول
صبح دم وقتله دشمش چیمی یا دردنیملر⁵

'По листьям сирени, боже, нанизаны те жемчужины,
То роса, выпавшая поутру, или жемчуг?'

Что касается диалектов и говоров азербайджанского языка, то это слово было нами зафиксировано только в шекинском (в форме *čij*) и дербентском (в форме *čig'*) диалектах в указанном же значении. Например: *Savax-savax g'ānā ot-alafa čij dūšūb* 'С утра снова трава покрыта росой' (в шекинском); *Sabajnap baḡa čig'dān g'irṡaḡa olmuḡady*¹ 'С утра нельзя зайти в сад из-за росы' (в дербентском).

В указанном фонетическом варианте данная лексема широко употребляется в татском языке в своем первоначальном значении. В азербайджанском литературном языке, а также в большинстве его диалектов

⁴ См.: Азербайжан дилинин диалектологи лугәти. Бақы, 1964, стр. 366.

⁵ См.: Чананкир Гәһрәманов. Нәсими «Диваны»нын лексикасы. Бақы, 1970, стр. 201.

и говоров, она вытеснена заимствованными из иранских языков словами *šeh* и *šābnām*.

По-видимому, слово *či* в более давние времена в азербайджанском языке имело форму *čig' || čij*, что подтверждается материалами и других тюркских языков, и указанных диалектов азербайджанского языка. Так, например, в турецком языке⁶, в шекинском и дербентском диалектах азербайджанского языка оно имеет форму *čig' || čij*.

Преобразование *čig' || čij* в *či* произошло, по-видимому, в результате характерного для тюркских языков выпадения конечных согласных *g'*, *j*. Например: *بی* йей (Буд II 387) || *بيک* jэг (МКУз III 157₂₀) > jэ (МКУз III 33₁) 'хорошо, ладно' и др.

Ganix || gonix. Данная лексема в татском языке употребляется вместе с исконными вспомогательными глаголами *saxtän || sähxän* 'делать' и *birän* 'быть' и означает: 1) 'привязаться, привязать, привлечь к себе (особенно ребенка)'; 2) 'кровожадный, бешеная [собака]'. Например: *ع* äjäl čini bā xolejxišdāni gonix birej k'i, moju izā nābirānijiš hič čuy pābādoštān 'Ребенок так привязан к тете [по матери], что не шумит и тогда, когда его матери здесь нет'; *Seg' bā Ahmed čini ganix birābu k'i, k'am mundābu gyri-šiyāmbējrā k'ānū* 'Собака так уцепилась за Ахмеда, что чуть было не разорвала его'.

Слово *ganix || gonix*, близкое к вышеуказанному фонетическому варианту, представлено в словаре Махмуда Кашгари как *قنگ* qanīy со значением «удовлетворение, насыщение; радость». Например: *tutči jaγar buliti altun tamar ariγ/aqsa anīq aqini qandi menin qanīy* '[она—словно] постоянно источающее дождь облако, с которого [вместо дождя] капает чистое золото, /если прольется его поток, придет ко мне удовлетворение' (ДТС 418).

Ganix... в форме *ганых* 'кровожадный, бешеная [собака]' зафиксировано в казахском, таузском и шамхорском диалектах и говорах азербайджанского языка⁷.

В казахском диалекте азербайджанского языка данная лексема употребляется в форме *ганыхмаг* 'кровожадничать'⁸.

Надо отметить, что фонетическое изменение указанной лексемы произошло по внутренним законам самого татского языка, так как для заимствования характерны чередования *k || k' > g* (*k'ürt > gürt || gürγ || girt* 'наседка', *k'ilit > gilit* 'замók' и др.), *g || γ > x* (*parag > parax || porax* 'шапка' и др.). Эти два чередования характерны и для диалектов и говоров азербайджанского языка⁹ (например: *kolxoz > galxuz* 'колхоз', *jarpag > jar-рах* 'лист', *kurs > gurs* 'курс', *gatyγ > gatyx* 'кислое молоко' и др.); *a > a || o* в позиции перед или после согласных *b, r, d, l, g, γ, n, m, p, f, v* (например: *galyn > galin || golin* 'толстый', *bajguš > bajguš || bojguš* 'сова', *vašag > vašāγ || vošāγ* 'рысь' и др.).

⁶ Данная лексема в турецком языке имеет форму *çig* и означает: I 1) сырой; 2) неспелый, незрелый, зеленый; 3) необработанный; 4) неопытный; 5) кричащий (о цвете); II роса; III снежная лавина, снежный обвал. См.: Турецко-русский словарь, составил Д. А. Магазаник. М., 1945.

⁷ См.: Азербайжан дилинин диалектологи лүғәти. Баки, 1964, стр. 110.

⁸ Там же.

⁹ См. об этом: М. Ширәлијев. Азербайжан диалектологијасынын әсаслары. Баки, 1962, стр. 85 (*k > g*), стр. 96 (*g > x*); Муса Исламов. Азербайжан дилинин Нуха диалекти. Баки, 1968, стр. 43 (*k > g*), стр. 44 (*g > x*) и др.

ḡouyuš||ḡouyuš||ḡouyuš||ḡayyuš||ḡouyuš||ḡouyuš||ḡouyuš 'дупло' — зафиксировано в большинстве наречий и говоров татского языка и в некоторых диалектах и говорах азербайджанского языка, в том числе в кубинском, бакинском, дербентском, агдашском и сальянском. Например: Pišig' bā ḡouyuši daḡ rāḡni birej 'Кошка спряталась в дупло дерева' (в татском), *Палут ағачынын ғоғушуннан үч дәнә ғарға баласын алдым*¹⁰ 'Из дупла дуба я забрал трех птенцов вороны' (в азербайджанском).

Слово ḡouyuš... в «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари дано в форме قوغش qoḡuṣ со значением «желоб для воды» (МК I 369).

К'еš. В татском языке широко употребляется слово к'еš в значении «проточная долина». Например: Bā Šüdüg häf-häšto k'eš histü, amā āḡ k'älä ke'š K'ešg'eždaharü 'В Шудухе семь-восемь долин, но самая большая долина — Кешгеждахар'.

Данная лексема зафиксирована в кубинском диалекте азербайджанского языка в том же значении¹¹.

По нашему мнению, слово к'еš имеет непосредственную связь с глаголом kes- (1) 'резать, делить'; 2) 'отрезать, преграждать'; 3) 'прерывать, прекращать'; 4) 'грызть'), который в письменных памятниках встречается и в форме keš- (ДТС 302—303).

По-видимому, слово kešin 'отрезок времени в два месяца', встречающееся в памятниках (ДТС 303), и слово k'ešgal||k'ešk'äl 'небольшая канава', употребляющееся в бардинском, мингечаурском, агдашском диалектах и говорах азербайджанского языка, образовались от корня указанного глагола, так как они и по значениям очень близки друг к другу. Например: *Jaḡuṣda keṣdän su aḡub kälädü*¹² 'Во время дождя из долины притекает вода'; *ḡäḡetimizdän keṣkäl kedir*¹³ 'Через наш двор проходит канава'; *Keṣgalдан кәлән су јанлара дағылыр*¹⁴ 'Вода, идущая из канавы, разливается по сторонам'.

Āba||ābo — в рустовском говоре кубинского наречия татского языка употребляется в значении «мама» (звательная форма). Например: Āba (ābo), mān boḡunā tāḡnā mundāni bātärsirānüm 'Мама, я боюсь, когда остаюсь в доме один'.

Данное слово в форме *aba* встречается в памятниках (ДТС 1) и в некоторых современных тюркских языках в разных значениях, как, например, «мать», «отец», «предок», «дядя со стороны отца», «старший брат» и др.¹⁵, а в кубинском диалекте азербайджанского языка оно имеет значение «отец»¹⁶. Например: *Биздә һинди «аба» чух ишдәнмијәди, «ата» дијәдү*¹⁷ 'У нас теперь аба не очень употребительно, мы говорим ата'.

Sürt. В значении «подъем» это слово в азербайджанском литературном языке и во многих его диалектах и говорах не встречается; оно зафиксировано в словаре Махмуда Кашгари в форме سرت sirt со значе-

¹⁰ См.: Азәрбајҹан дилинин диалектологи лүғәти. Бақы, 1964, стр. 145.

¹¹ Там же, стр. 254.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Л. А. Покровская. Термины родства в тюркских языках. — В сб.: «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 29—32.

¹⁶ См.: Р. Ә. Рүстәмов. Губа диалекти. Бақы, 1961, стр. 227.

¹⁷ Там же.

ниями: 1) 'хвост'; 2) 'небольшой холм' (огуз.); 3) 'небольшая долина' (огуз.); 4) 'возвышенность'. Автор пишет: *Oguzlar bayır ve yokuş gibi yerlere ve küçük derelere dahi «sirt» derler* (МК I 342). 'Огузы называют степные и низменные места, ущелья еще *sirt*'.

Это слово широкоупотребительно в кубинском, лагичском и некоторых других наречиях и говорах татского языка в том же значении, но оно подверглось незначительному фонетическому изменению: гласный у переходит в *ü*, так как звук *y* нехарактерен для татского языка (ср.: *syrt* > *sürt*). Например: *Mošin ä sürt Pustä ingädä borä nä mudanü tik' saxtän* 'Машина не сможет с таким грузом взять крутой подъем Рустова'.

Üg'üg. В значении «стадо; табун; стая» данное слово встречается в наманганском списке «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни (QBN 120₃₅, 302₁) и в некоторых других памятниках (ДТС 623) в форме *ügüg*. Например: *uçar quş eşin bultı tuttı ügür* 'Летящая птица нашла своих подруг и присоединилась к стае' (ДТС 623).

Данная лексема в татском языке до сих пор сохраняет свою первоначальную фонетическую структуру. Но она несколько изменила свою семантику и употребляется в значении «случка» (скотоводческий термин).

В отличие от других наречий и говоров татского языка в лагичском слово *üg'üg* употребляется в значении «пастбище». Например: *Gyspan-dun vä marag'ohon bä üg'ügraft* 'Овцы и коровы шли на пастбище'.

Оно в указанном значении зафиксировано в шекинском и дербентском диалектах азербайджанского языка в формах *hög*¹⁸ || *büg'üg* соответственно.

В обоих языках указанная лексема в большинстве случаев употребляется с глаголами *g'etmäk* 'идти, ходить, уходить', *g'älmäk* 'приходить', *almag* 'брать, взять, получать' (в азербайджанском языке), *raftän* || *raftän* 'идти, ходить, уходить', *amağan* 'приходить', *bärdän* 'уносить' (в татском языке) и означает «случаться, спариваться». Например: *Danejmunä buyo dejdı bä üg'üg bärd* 'Бугай вчера увел нашего теленка на случку'; *Molä bä üg'ügraft mähalrü* 'Время случки рогатого скота' (в татском языке); *Инех' һөрә кәлифдими?*¹⁹ 'Пришла ли корова на случку?'; *Билдирки вах һөр алчахды*²⁰ 'Прошлогодня пора случки' (в азербайджанском языке).

Gut. В татском языке широко употребляется слово *gut*. При самостоятельном употреблении оно означает «ствол деревьев и некоторых крупных растений» (например: *Gut dār (pejyāmbāri) ä ming'ä düto biräbu* 'Ствол дерева (кукурузы) переломился посредине надвое'), а с глаголами *appāmiş birän* — 'понимать', *väg'üftän* 'брать, взять, иметь пользу, ожидать благо, увидеть добро, иметь толк...'; (например: *Män ä kukmān jä gut appāmiş näbügüm* 'Ничего хорошего я не видел(а) от своего сына').

Данное слово в форме *gutlu* встречается в дастанах «Китаби-Деде Коркут» — *Бу ад, бу јикидә гутлу олсун!* — *дедиләр* '«Да принесет это имя счастье этому джигиту», — сказали они²¹; в «Диване» Насими —

¹⁸ См.: Муса Исламов. Указ. раб., стр. 261.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Китаби-Дәдә Горгуд. Баки, 1962, стр. 46. Текст перевода — В. В. Бартольда (см.: Книга моего деда Коркута. М.—Л., 1962, стр. 34).

باشومه قتلوا اياغن كلدی بصدی اول تکار
کلکسی دوشدی بکا سرو خرامانک ینه²²

‘На мою голову, придя, наступила своей *счастливой* ногой та возлюбленная, Тень стройной, как кипарис, вновь опустилась на меня’.

и др. — в значении «благословенный, счастливый, удачный, удачливый, успешный, благополучный, выгодный, полезный, добрый, благой, благотворный, благоденствующий, блаженный».

Слово *gut* зафиксировано также в некоторых других памятниках в форме *qut* I 1) ‘душа; жизненная сила, дух’; 2) *календ.* ‘элемент’; II 1) ‘счастье, благо, благодать, благополучие; удача, успех; счастливый удел’; 2) *перен.* ‘достоинство, величие’; *рел.* ‘состояние истинного бытия, блаженства (обычно о будде, архате)...’ (ДТС 471—475).

В азербайджанском языке оно встречается только в его сальянском говоре в значении «почка»; например: *Агаждар јаваш-јаваш гут бағлијур*²³ ‘Деревья постепенно завязывают почки’.

Как видим, это слово в разных источниках имеет различные значения.

Ѓауи. Слово *ǵaui* встречается в ряде говоров татского языка, в том числе талабинском, лагичском, исновском и заргавинском, в основном со значением «карманный или маленький нож». Оно сохранило свой первоначальный фонетический облик (см. ниже). Например: *Hām talabiǵo, hām isnoiǵo, hāmiš zargovoǵiǵo bā kuǵā kardā «ǵaui» bātānund* ‘И талабинцы, и исновцы, и заргавинцы ножик называют «ǵaui»’.

Г. Заринезаде отмечает, что в персидском языке употребление данного слова зафиксировано со времен Сефевидов. По его мнению, слово *چاقو* (*čāḡu*) образовалось от тюркского глагола *чапмаг-* ‘резать’. Он указывает также, что эта лексема употребляется в говорах Южного Азербайджана в форме *чаггы*²⁴. Она нами была зафиксирована во всех говорах дербентского диалекта азербайджанского языка в форме *čaggu*. Например: *Biḡ čagguṡ var, heṡ k’āsmijādi, kuršdu* ‘У меня есть (один) нож, совсем не режет, тупой’.

II. СЛОВА, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ ТОЛЬКО В ОБЩЕТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКАХ ИЛИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ КЛАССИКОВ

Следует оговорить, что некоторые из приводимых ниже слов, входящих в данную группу, нами не были зафиксированы ни в языке азербайджанских письменных памятников, ни в языке классиков азербайджанской литературы. Многие из этих слов зафиксированы лишь в общетюркских памятниках. Однако в данном случае можно предположить, что эти слова когда-то входили и в азербайджанский язык, так как татский язык, как уже отмечалось выше, издревле находился в близком контакте только с азербайджанским (из числа тюркских языков).

Ѓзи || ع ǵzi — употребляется в разных говорах кубинского наречия татского языка в различных значениях: в ханагахском — «жена дяди (по

²² См. об этом: *Чаһанкир Гәһрәманов*. Указ. раб., стр. 392.

²³ См.: Азербайжан дилинин диалектологи лүғәти. Бақы, 1964, стр. 159.

²⁴ См.: *Һ. Заринезаде*. Фарс дилинде Азербайжан сөзләри. Бақы, 1962, стр. 269.

отцу)», в шудухском — «обращение к отцу или к взрослым мужчинам». Например: ع äzu, jä k'äm bärmaniš äzü buzboš fukun 'Отец, налей немного и мне того бозбаша' (в шудухском), Äzu, türä čäntä jaštü histü? 'Аджу (жена дяди по отцу), сколько тебе лет?' (в ханагахском).

Это слово засвидетельствовано в каирской рукописи «Кутадгу билиг» в форме äzu в значении «отец». Например: siziksiz bir-ök sen aj meṅgü äzu 'Воистину, ты ведь един, о вечный отец' (ДТС 74).

Как видим, данная лексема в татском языке сохранила почти неизменной свою первоначальную фонетическую структуру (ср.: äzu — в памятниках, äzu|| ع äzu — в татском).

К'ejik' || k'öük' 'I олень; II горный козел'. Например: Bätänund k'i, Ahmed bā tüfäng'oz düto k'öük' k'üštej 'Говорят, что Ахмед убил (выстрелив) из ружья двух оленей'.

Данная лексема употребляется во многих наречиях и говорах татского языка. В форме kejik || keḃik она зафиксирована в общетюркских памятниках, в том числе в «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари (МК I 206, III 168 — в форме كىك kejik), в «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни (QBN 41 — в форме keḃik), в снисейских и некоторых других памятниках в значениях: 1) «олень, лань; зверь вообще»; 2) «дикий»; 3) миф. «дикий, мифический (?)» (ДТС 294—295); 4) «горный козел» (МК III 168). А в татском языке она сохранила значения: 1) «олень»; 2) «горный козел».

Слово к'ejik' со значением «джейран, газель» широко употреблялось также в «Китаби-Деде Коркут» и в произведениях Шах Исмаила Хатаи. Например: *Оглан кежики говаркан бабасынын өнүндөн келиб кедәрди* 'Юноша, преследуя дичь, проскакал мимо своего отца'²⁵; *Бабан деди ки, кејикләри говсун кәтирсин мәним өнүмдә дәпләсин* 'Твой отец сказал: пусть он преследует, пригоняет ко мне дичь, пусть убьет (её) перед моими глазами...'²⁶; *Бири-бирини говур кејикләр...*²⁷ 'Олени бегут, обгоняя друг друга'.

Äzä 1) 'старшая сестра'; 2) 'обращение к матери'. Зафиксировано только в рустовском говоре кубинского наречия татского языка. Например: Äzä, bežä bartäni? 'Сестра [старшая], куда идешь?'; Äzä, Bejk'es ä šähär dā k'ilo guṇan avārdej 'Мать, Бейкас из города привезла десять кило масла'.

В отличие от рустовского говора татского языка слово äzä дано в словаре Махмуда Кашгари как äčä только со значением «сестра (старшая)» (МКУз I 114).

Ujuṇ. Эта лексическая единица в шудухском говоре кубинского наречия татского языка сохранилась как название некоторых холмов — уйгугов. Например: Bā ujuṇo xosä xüškä hüzüüm äbirān 'В уйугах бывают хорошие сухие дрова'. Оно в форме اىك üjük в значении «холм, бугор» встречается в «Диване» Махмуда Кашгари (МК I 85).

Šud || šut «клоп». Например: Tatho bā täxtäbiti häm «täxtäbiti» bätän, hämiš k'i «šut». 'Таты называют клопа как «täxtäbiti», так и «šut».

²⁵ Китаби-Дэдэ Горгуд. Баку, 1962, стр. 21. Текст перевода — В. В. Бартольда (см.: Книга моего деда Коркута. М.—Л., 1962, стр. 18).

²⁶ Там же, стр. 22; Перевод В. В. Бартольда, стр. 17.

²⁷ Хатаи. Дәһнамә. Баку, 1959, стр. 16.

Данная лексема в форме شتی *šuti* в «Диване» Махмуда Кашгари объясняется как *kirkaıyak*, *örümcek*, *çıyan gibi böcek* — название насекомого (паук, скорпион и др.) (МК III 218). Но в татском языке, как указано выше, данное слово употребляется только в значении «клоп».

G'üvez||g'üvāz 'большая дыра, образовавшаяся при гниении, распаивании, разрыве чувала, разрушении дерева, стены и т. п.'. Например: *Dorä dārunü čini rusreĵ k'i, lap g'üvez vobreĵ* 'Сердцевина дерева так сгнила, что открылась большая дыра'; *G'oval sulä aftareĵ, aĵostä g'üvāz vobreĵ* 'Чувал прохудился, зияет большая дыра в нем'.

Слово *g'üvāz||g'üvez* в фонетическом составе کفر *küviž* зафиксировано в словаре Махмуда Кашгари со значениями: 1) 'дерево со сгнившей серединой; дупло'; 2) 'гнилой, испортившийся' (МК I 366).

Čuı daštän||čuı doštän. Глагольное сочетание аналитической конструкции, встречающееся в татском языке. Первый компонент данного глагольного сочетания и по форме, и по значению совпадает со словами: čaı (čuı)||čoyı 'шум, суматоха, спор, распря, скандал'; čoyıla- 'шуметь, кричать'; čoyla- 'трубить (о слоне)', перен.: 'рокотать, выкрикивать (грубым голосом)', — зафиксированными в «Кутадгу билиг» (QVK 317₂, 226₁), «Дивану лугат-ит-тюрк» (МК 498₁₆, 544₁₀, 586₁₄, 17, 573₁₃). Например: *čoyı qordı* 'Разразился скандал' (ДТС 152); *er čoyıladı* 'Мужчина кричал' (ДТС 152); *köni söz erig ol erig čoylamış* 'Правдивое слово — это грубое слово, и он грубо выкрикнул [его]' (ДТС 152).

Указанные глаголы частично калькированы в татском (второй компонент — аффиксы *-la+mag* — выражен исконным татским глаголом *daštän||doštän* 'держат') и означают: 1) «шуметь, галдеть»; 2) «говорить, разговаривать». Например: *Bä tü g'uftürüm: «Čuı mäđar!»* 'Я сказал тебе: «Не шуми!»'; *Čuı došdäg'ar üşünü, tü bä män gasreĵi* 'Шумящие они, [а] ты пристал ко мне'; *Män bä üşmuroz xas čuı midäštänüm?* 'Я с вами хорошо разговариваю?'.

Следует отметить, что частичное калькирование таких тюркских глаголов в татском языке весьма распространено: *g'özätdämag* (в памятниках²⁸) || *g'üzätdämaı* (в диалектах) || *g'özlämäk* > *g'uzet saxtän||g'üzät saxtän||g'üzät säxän* 'ждать', *satašmag* > *sataš birän* 'задевать', *čalyšmag* > *čalyš birän||čališ birän||čaluš birän* 'трудиться', *hörmät etmäk* > *hürmet saxtän||hürmet saxtän||hürmet säxän* 'уважать', *säs vermäk* > *säs dārän||ses dārän* 'подавать голос, голосовать', *bašlamag* > *bašlämiš saxtän* (*säxtän, säxän*) || *bašdämiš saxtän* (*säxtän, säxän*) || *bošlämiš saxtän* (*säxtän, säxän*) || *bosdämiš saxtän* (*säxtän, säxän*) 'начинать' и др.

Gejyulü||geyulü 1) 'страшный, ужасный; удручающий; зловещий'; 2) 'удрученный; озабоченный'. Например: *In sijä gırxulüjä, gejyulüjä xoho hä bärmän mundeĵ!* 'На мою долю только выпали эти черные страшные, зловещие сны?!'.

²⁸ Подробнее об этом см.: Н. Мирззада. Азербайжан дилинин тарихи морфолокијасы. Баки, 1962 стр. 210—211.

Данная лексема встречается в памятниках²⁹ и в устном народном творчестве³⁰ в форме *gajyulu* в тех же значениях. Например: *Кечэ јатыр-кән Гарачыг Чобан гара gajyulu вагийэ көрдү* 'Ночью Черный Пастух видел черный зловеющий сон'³¹;

صفاسز صوفى دائم قايقولودر
 32 بو معنيلىن كه بو تيماره بكزر

'Беспокойный суфий всегда озабочен тем,
 чтобы не походить на эскулапа'.

Как видно из примеров, в староазербайджанском, так же как и в татском, это слово зафиксировано почти в одном и том же значении и в одной и той же форме. Ср.: *gajyulu* > *gejyulü* || *gejyulü*.

Pil sāxtān || *pil sāxtān* || *pil sāxān* 'точить (конец жерди, прута, подпорки и др.)'. Например: *Duḡazā k'ällērā čini pil sāxtān lazimü k'i, bā poḡā bošü zāgāp* 'Концы жерди надо так обточить, чтобы можно было прибить ее к колам'.

Данный глагол аналитической конструкции частично скалькирован с глагола *bilā-*, встречающегося в словаре Махмуда Кашгари в указанном значении (МК 427₁₂, 564₂). Например: *er bičāk bilādi* 'Мужчина точил нож' (ДТС 99).

Следует отметить, что начальный звук *b* данного глагола в татском оглушается и произносится как *p*. Исходя из конкретных фактов, можно сказать, что чередование (resp. фонетическое освоение) *b* > *p* характерно для татского. Например; *butulk'a* > *putulk'a* 'бутылка', *čoban* > *čupān* 'пастух', *hābs* > *hāps* || *hāps* 'арест, заключение' и др.

K'äčü || *k'ēčü* 'черепаха'. По нашему мнению, это слово, употребляющееся в заргавинском и исновском говорах кубинского наречия татского языка, а также в некоторых других по происхождению восходит к слову *چتک* *četük*, которое в указанном фонетическом варианте встречается в «Диване» Махмуда Кашгари в значении 'кошка' (МК 195₁₁).

Četük > *k'äčü* || *k'ēčü* — подобное явление метатезы наблюдается и в некоторых других заимствованиях, как, например: *k'ēčirtmä* > *ček'irtmä* || *čäk'irtmä* 'крючок, петля', *lä'nät* > *nä* ع let 'проклятие, анафема', *jasavul* > *väsäul* 'десятский' и др.

Данная лексема нехарактерна также и для других иранских языков.

Имеется незначительное семантическое расхождение между *četük* и *k'ēčü* || *k'äčü*: слово *k'äčü* || *k'ēčü* несколько изменило свой первоначальный смысл и употребляется, как было указано выше, в значении 'черепаха'. Например: *Ä bustun Mämmedrzejšun setä k'ēčü virixt* 'Из огорода Мамедрзы убежали три черепахи'.

²⁹ См.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 410. А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского Тefsira XII—XIII вв. М., 1963, стр. 193; *Maḡmud Kašgari. Divanü Lügät-it-Türk tercümesi*, Çeviren Besim Atalay. I. Ankara, 1939, стр. 140; *Китаби-Дәдә Горгуд*. Баку, 1962, стр. 30, 31; *Чаһанкир Гәһрәманов*. Указ. раб., стр. 390 и др.

³⁰ В произведении Ашыга Гурбани; см.: *Китаби-Дәдә Горгуд*. Баку, 1962, стр. 161.

³¹ Там же, стр. 30. Текст перевода — В. В. Бартольда. Указ. раб., стр. 23.

³² См.: *Чаһанкир Гәһрәманов*. Указ. раб., стр. 390.

III. СЛОВА, БОЛЕЕ БЛИЗКИЕ ПО ФОНЕТИЧЕСКОМУ ОБЛИКУ К ДРЕВНИМ ФОРМАМ, НЕЖЕЛИ К ФОРМАМ СОВРЕМЕННОГО АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА

Как отмечалось выше, такие слова в татском, в отличие от азербайджанского языка и его диалектов и говоров, сохранили до нашего времени почти неизменным свой первоначальный фонетический облик (некоторые из них приведены выше).

Garliyaž||yarliyaž||garinyaž||yarinyaž 'ласточка'. Употребляется в новдунском говоре кубинского наречия татского языка. Например: Nöüdinizo bā parustek' «garliyaž» bātānund «Новдунцы называют ласточку «garliyaž». Оно зафиксировано и в некоторых древних памятниках (ДТС 426, 428), в том числе и в словаре Махмуда Кашгари в формах قارلیغ qarliyač (МК I 527) || قارغلاج qarğılač (МК I 526, 529) в значении: «1) ласточка; 2) летучая мышь(?)». Например: mendä tīnar qarğılač [говорит лето зиме]: 'У меня находит покой ласточка' (ДТС 426); qarlıyač etin jesün 'Пусть [большая] съест мясо ласточки' (ДТС 428). В современном азербайджанском языке это слово имеет форму garanguš.

Оно в последнее время нами было зафиксировано только в хилипенджихском говоре (данный говор распространен на территории Табасаранского района ДагАССР) дербентского диалекта азербайджанского языка в форме gārniyaž. Например: Uşaylar da garniyažü javasin, g'ünahdü dijä, däyitmejdülär 'Даже дети не разрушают гнездо ласточки, считая это грехом'.

Gäžyun||gäžyun||yažyun||yažyun||gäžyun||gäžyun||yāžyun||yāžyun 'котел; медный котел; большой котел'. Например: Gäžyun ruğü, xardäg'artun nist 'Котел полон, некому (из наших) есть', Äxtä, yažyunä väg'üftä bežä bartäni? 'Гей, девушка, куда ты уносишь, взяв, котел?'.

Данное слово в фонетически несколько измененной форме зафиксировано в персидском языке эпохи Сефевидов, у Махмуда Кашгари, «Бурхане-гате»³³, в словаре Ибн-Муханны (Стамбул, 1934) и в языке произведений М. А. Сабира³⁴ в формах خازغان (xäžγān) || قازغان (gäžγān) || کزغان (k'äžγān) قزغان (yāžγān). В литературном азербайджанском языке и в его диалектах и говорах оно употребляется в форме «gazan».

Čübäk (в памятниках), čübäk'||čübük'||čük' (в татском) 'анат. penis мальчика' (МК 195₁₀).

В татском языке первоначальный фонетический облик сохранило также слово اکز ikkiz (МК I 143) как äk'k'iz 'двойня, близнецы'; например: Mal äk'k'iz zändäni, balähojü kuček' äbirän 'Когда скотина рождает двойню, детеныши бывают маленькими' (в азербайджанском — äk'iz); ügür (QBN 120₃₅, 302₁) — как üg'ür (о значении слова üg'ür см. выше), سغز saγız (МК I 365) как säyγz||säyiz||säyüz 'жевательная смола, камедь'; например: Ü bārmān säyüz avard 'Он принес мне жевательную смолу' (в азербайджанском — saggyz) и др.

³³ См.: *Н. Заринзаде*. Указ. раб., стр. 289.

³⁴ Об этом см.: *М. Ширалиев*. Сабирин дили һаггында бәзи гејдләр. — Журн. «Азербайжан». Баки, 1963, № 3, стр. 200.

IV. СЛОВА, СХОДНЫЕ С ТЮРКСКИМИ, НО НЕ ЗАФИКСИРОВАННЫЕ
НИ В ПАМЯТНИКАХ, НИ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Примерами таких слов могут служить *garagāz* || *garāgāz* || *garayāz* || *garāyāz* || *garayāz* || *garāyāz* || *garāyāz* 'журавль' (в шудухском говоре татского языка): *Yarayāz bā g'ārmā žug'oho jošāmiš ābirān* 'Журавли живут в теплых местах' (в азербайджанском слово *duḡna* заимствовано из персидского языка); *k'üng'ür* 'сова': *K'üng'ür ulāmiš birāni mān bātārsirānūm* 'Я боюсь, когда сова кричит' (в азербайджанском языке: *bajguš* (в литературном) || *k'or* *jaḡalag* (в диалектах); *sayāt* 'секач': *Bā sayātoz g'üštiš bān-žirānund, hüzümiš* 'Секачом рубят и мясо, и дрова' (в азербайджанском языке *dāhgrā* — заимствование из персидского языка) и др.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что исследование взаимоотношений и взаимовлияний языков неразрывно связано с углубленным изучением истории отдельных языков и диалектов. Вскрытие фактов взаимопроникновения и взаимовлияния языков даст возможность полнее и всестороннее охарактеризовать целый ряд фонетических, лексических, грамматических, семасиологических, ономастических и других их особенностей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Буд — Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Тт. I—II. СПб., 1869—1871.

МКУз — Махмуд Койшгарий. Туркий сўзлар девони (Девону луғотит турк). Перевод С. Муталлибова. Тт. I—III. Ташкент, 1960—1963.

ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.

QBK — *Qutadū bilig* (каирский список).

QBN — *Qutadū bilig* (наманганский список).

МК — Mahmud Kaşgari. *Divanü Lûgât-it-Türk tercümesi*. Çeviren Besim Atalay. I—III. Ankara, 1939—1941.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

И. В. СТЕБЛЕВА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЮРКСКОЙ АЛЛИТЕРАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ В СВЯЗИ С ИСТОРИЧЕСКИМ РОДСТВОМ ТЮРКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

Реконструкция поэтической формы в орхоно-енисейских текстах дала возможность определить формальные категории тюркоязычной поэзии наиболее древнего из доступных изучению периода¹. Стало очевидным, что для древнетюркского стиха характерны: 1) относительная равносложность стихотворных строк, которая в одних случаях может произвольно переходить в изосиллабизм, а в других — обнаруживать значительное расхождение числа слогов в строках; 2) трехчастное и — реже — двухчастное деление стихотворной строки; 3) взаимовлияние мелодии, напева и манеры воспроизведения стиха (стихотворный ритм дополняется музыкальным ритмом); 4) наличие аллитерационной системы, являющейся основным способом звуковой организации стиха.

Перечисленные признаки древнетюркского стиха в значительной степени совпадают с особенностями фольклорного стиха многих тюркских народов в различные периоды времени и до известной степени — с особенностями современного литературного стиха. В данном случае нами, естественно, не рассматривается классическая тюркоязычная поэзия, которая создавалась на основе арабо-персидской поэтики, требовавшей иных законов построения стихотворной формы.

Трехчастное и двухчастное деление стихотворной строки было впервые описано В. В. Радловым на материале алтайского фольклора². Устойчивость и общераспространенность этого признака в поэзии тюркских народов в настоящее время подтверждается исследованием З. А. Ахметова³. Наблюдаемая в стихе разных тюркских народов относительная равносложность и значительная разнорасположенность, наряду с выделившимися и обособившимися силлабическими формами, фиксируется рядом исследователей, в том числе и З. А. Ахметовым. Напев, мелодия, как известно, и сейчас имеют важное значение при исполнении фольклорных произведений. Наконец, аллитерация в начале стиха, заменившаяся у ряда тюркских народов конечной рифмой, остается главным средством звуковой организации стиха у тюрков Южной и Восточной Сибири и факультативно используется в поэзии других тюркских народов. В современном стихе тюркских народов формальные категории древнетюркского стиха либо полностью сохранились,

¹ См. подробно: И. В. Стеблева. Поэзия тюрков VI—VIII вв. М., 1965; *ее же*. Древнетюркская Книга гаданий как произведение поэзии. — «История, культура, языки народов Востока». М., 1970.

² W. Radloff. Ueber die Formen der gebundenen Rede bei den altaischen Tataren. — «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft», Bd IV. Berlin, 1866.

³ З. А. Ахметов. Казахское стихосложение. Алма-Ата, 1964.

либо в результате смены эстетических норм трансформировались в иную поэтическую форму, подчиняясь закону преемственности поэтических форм. Более неожиданным, пожалуй, является то обстоятельство, что формальные особенности древнетюркского стиха тождественны особенностям стиха фольклорных произведений монгольских народов и монгольских старописьменных поэтических образцов. Исследование монгольского и бурятского улигерного стиха⁴ показало, что ему присущи следующие особенности: 1) относительная равносложность стихотворных строк, которая может переходить в изосиллабизм или отклоняться в сторону значительного расхождения числа слогов в строках; 2) соблюдение относительной равнословности, формирующей ритмические части строк, что равнозначно образованию слоговых группировок в тюркском стихе; 3) наличие напева, мелодии, влияющей на способ воспроизведения стиха; 4) наличие аллитерационной системы как средства звуковой организации стиха.

Указанные особенности улигерного стиха монгольского и бурятского героического эпоса присущи и другим монгольским поэтическим формам, например лирическим, что подтверждают, в частности, монгольские фольклорные тексты, изданные Н. Н. Поппе⁵, а также публикации и исследования чахарских песен Д. Кара⁶. Сопоставление образцов древнетюркской поэзии и старописьменных монгольских поэтических образцов из «Эрдэни-йин тобчи» Сагана Сэцэна, приведенное в работе Дж. Крюгера⁷, указывает на наличие ярко выраженной аналогии. Различие между древнетюркской поэтической формой и формой более поздних монгольских стихов, зафиксированных в письменных памятниках, состоит в неодинаковой степени развитости аллитерационной системы, которая имела разный уровень реализации и в стихотворной практике разных тюркских народов.

Хорошо известно, что специфика поэтической речи определяется общими и частными законами языка. Если считать это положение верным и для нашего случая, то следует допустить, что появление тождественных или аналогичных черт в тюркской и монгольской поэзии обусловливается некоторыми общими закономерностями структур данных языков в генетическом или типологическом планах. Особенно интересно рассмотреть факт появления аллитерационной системы, о происхождении которой в тюркском стихосложении нет единого мнения.

Неравномерное распространение в поэзии тюркских народов аллитерации в начале стиха было исследовано Т. Ковальским, который писал, что чем дальше на северо-восток, тем большую роль в поэзии тюркских народов играет аллитерация в начале стиха и тем меньшую — конечная рифма⁸. Иными словами, в поэзии разных тюркских народов аллитерация в начале стиха выполняет совершенно различные функции. В поэзии народов Малой и Средней Азии, особенно турецкой и узбекской, аллитерация в начале стиха употребляется как один из способов его украшения. Она редко распространяется на большое число строк подряд. Обычно

⁴ См., например: А. М. Хамгашалов. Опыт исследования бурят-монгольского стихосложения. Улан-Удэ, 1940; В. И. Золхоев. Средства ритмической организации бурят-монгольского стиха. Л., 1957; Г. О. Туденов. Бурятское стихосложение. Улан-Удэ, 1958. О способе исполнения бурятских улигеров см.: А. Уланов. Бурятские улигеры. Улан-Удэ, 1968.

⁵ Н. Н. Поппе. Произведения народной словесности халха-монголов. Северо-халхское наречие. Л., 1932 (Образцы народной словесности монголов, т. III).

⁶ G. Kara. Huit chants tchakhars. — «Acta Orientalia», t. XX. Budapest, 1967.

⁷ J. R. Krueger. Poetical Passages in the Erdeni-yin Tobči. 's-Gravenhage, 1961.

⁸ T. Kowalski. Ze studjów nad formą, poezji ludów tureckich. Kraków, 1921.

аллитерируют начала двух-трех строк. Поскольку в стихе этих народов давно утвердился принцип конечной рифмы, употребление аллитерации в начале стиха хотя и практикуется, но не является обязательным условием создания поэтической формы.

В татарской, башкирской, чувашской, казахской и киргизской поэзии аллитерация в начале стиха широко распространена, при этом обнаруживаются разные стадии отступления от древнего принципа звуковой организации стиха — аллитерационной системы. Хотя аллитерация в начале стиха играет здесь достаточно важную роль, однако для построения стихотворной формы обязательна рифма. Лишь в поэзии хакасов, тувинцев, якутов, алтайцев и некоторых других тюркских народов, населяющих Южную и Восточную Сибирь, аллитерация в начале стиха является не только орнаментальным средством, но выполняет основную ритмико-композиционную функцию, то есть в качестве начальной рифмы она членит строки и одновременно объединяет их в строфы. Употребление ее является обязательным. «Якутский слух, — пишет, например, А. Е. Кулаковский, — не обращает внимания на окончания строк и следит только за первыми слогами»⁹. Рифма в поэзии этих народов развилась сравнительно недавно и под влиянием европейской поэзии распространилась преимущественно в литературных произведениях.

Возникновение тюркской аллитерационной системы всегда связывалось исследователями с рядом лингвистических законов. Известна попытка по аналогии с древнегерманским стихом связать тюркский аллитерационный стих с местом грамматического ударения, которое, как предполагается, в прототюркские времена приходилось на начало слова¹⁰ (так же, как в монгольских языках). Эта гипотеза не кажется нам неприемлемой, однако она касается того времени, которое исследовать пока невозможно. В эпоху же рунического письма, то есть первых в истории тюркоязычной словесности поэтических текстов, ударение, по-видимому, уже падало на конец слова, совпадая с грамматическим ударением в современных тюркских языках, в том числе в хакасском, тувинском и якутском, на основе которых развилась наиболее законченная форма тюркского аллитерационного стиха. Поэтому можно предполагать, что место грамматического ударения не играло решающей роли в развитии тюркского аллитерационного стиха.

Были попытки объяснить появление тюркского аллитерационного стиха законом сингармонизма. Если иметь в виду относительно близкий к современности период тюркоязычной поэзии, то следует признать, что между законом сингармонизма в тюркских языках и аллитерационным стихом, сложившимся на базе этих языков, нет генетической связи. Известно, что в турецком, азербайджанском и туркменском языках действует закон сингармонизма, однако аллитерация в начале стиха не выполняет ритмико-композиционной функции, то есть здесь мы встречаемся не с аллитерационной системой, а с аллитерированием звуков, имеющим место в поэзии любого народа. Можно с достаточным основанием предположить, что факты аллитерирования звуков, наиболее отчетливо прослеживаемые в фольклорной поэзии турок, азербайджанцев и туркмен, представляют собой рудименты общей в древности для всех тюркских народов аллитерационной системы, которая в дальнейшем по ряду причин разрушилась. Это соображение приводит также к неизбежному выводу, что происхождение тюркской аллитерационной системы не зависело от закона сингармонизма. Если на почве языка, в котором действует

⁹ А. Е. Кулаковский. Статьи и материалы по якутскому языку. Якутск, 1946.

¹⁰ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929.

закон сингармонизма, может развиваться и аллитерационная система, как это происходило в хакасском, тувинском и якутском языках, или пришедшая ей на смену конечная рифма, как в турецком, азербайджанском и туркменском языках, то это значит, что закон сингармонизма вряд ли мог быть причиной появления аллитерационного стиха. Учитывая специфику закона сингармонизма, естественнее заключить, что он лишь использовался для построения такого стиха.

Проблема происхождения и развития аллитерационной системы не может рассматриваться вне связи с ее функциональной стороной, что, к сожалению, как правило, не учитывалось исследователями-тюркологами¹¹. При любом способе стихосложения звуковая организация стиха должным и оптимальным для данного стихосложения образом соотносится с его ритмической организацией. Естественно, что при анализе аллитерационного стиха факты аллитерирования звуков необходимо рассматривать в связи с той ролью, которую аллитерация в начале стиха выполняет в качестве фиксатора ритма. Реконструкция древнетюркской поэтической формы позволяет прийти к выводу, что в древнетюркской поэзии аллитерация в начале стиха связывала звуковыми подобиями начала слоговых группировок, составлявших ритмические части строки, то есть аллитерация в начале стиха фиксировала икт тонико-темпоральных стоп¹². Таким образом, фонический эффект служил пограничным сигналом начала новой стопы. Поскольку икт — сильная доля тактового стиха, каким был древнетюркский стих, — приходится на начало стопы-такта, вполне естественно, что аллитерационная система должна была ориентироваться на сильные доли стиха. Следовательно, появление в прошлом у тюрков аллитерационной системы было фактом неизбежным, так как это диктовалось самим способом ритмического построения стиха, то есть системой стихосложения. Но тогда возникает вопрос, почему у тюрков должна была родиться именно такая система стихосложения, при которой ритмический пульс фиксируется на началах слов? Для тюрков эпохи рунического письма система стихосложения орхоно-енисейских текстов, по-видимому, не была нововведением. Если опустить вопрос об ударности в прототюркские времена первого слога слов, что имело существенное значение для монгольского стихосложения, то характер древнетюркского стиха может быть объяснен, по всей вероятности, агглютинативным строем языка, в котором главенствует корневая смысловозначительная морфема, подчиняющая себе звуковую окраску следующих за ней аффиксов. В агглютинативном языке та структура стиха, которую мы наблюдаем, начиная с древнейших времен и до наших дней, то есть деление стихотворной строки на ритмические части (или стопы) с акцентом в своем начале, представляется наиболее ожидаемой и рациональной формой. Конечно, стихотворная практика тюркских народов показала, что агглютинативный строй языка не препятствует культивированию на его почве иноземных поэтических норм. И все же последнее обстоятельство сопровождалось определенными ограничениями в агглютинации, разрушением в поэтической речи самых прочных синтаксических связей и широким заимствованием иноязычной лексики. С агглютинативным строем языка связан ряд фонетических явлений, которые не могут быть совершенно безразличными к построению поэтической формы: редукция глас-

¹¹ См., например: А. М. Щербак. Соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении. — «Народы Азии и Африки», 1961, № 2.

¹² Подробную характеристику ритмической и звуковой организации древнетюркского стиха см.: И. В. Стеблева. Поэзия тюрков VI—VIII вв.; *её же*. Еще раз об орхоно-енисейских текстах как произведениях поэзии. — «Народы Азии и Африки», 1969, № 2.

ных, синкопирование, явление сандхи, перестановки звуков, а также явление фузии как в тюркских, так и в монгольских языках¹³. При такой изменчивости звукового состава слова, сопровождающей словообразование и что существеннее для поэтической речи — словоизменение, наиболее стабильной является корневая морфема. Поэтому она, естественно, становится главным строительным материалом поэтической речи, и аллитерация звуков как фиксатор ритма также, естественно, должна связывать корни слов, несущие основную смысловую нагрузку; именно это и является поэтической задачей.

Переход от аллитерационного стиха к стиху с конечной рифмой совершился у тюрков в областях, завоеванных исламом, под влиянием арабо-персидской поэтики. В местах, свободных от этого влияния, аллитерационный стих развивался и совершенствовался, о чем свидетельствуют поэтические образцы манихейского и буддийского содержания. Характерно, что наиболее законченное выражение аллитерационная система получила у тюркских народов Алтая и Сибири, которые непосредственно контактировали с монгольскими народами во все периоды их истории. Эти контакты не прерывались с древнейших времен и, по крайней мере, до периода Джунгарского ханства (XVII в.). Справедлива высказанная Г. Дёрфером мысль о том, что на дальнейшее развитие тюркского аллитерационного стиха повлияла монгольская поэзия¹⁴. Аллитерационная система, появившаяся некогда в поэзии как тюрков, так и монголов (здесь, по-видимому, нужно учитывать как генетические, так и типологические связи тюркских и монгольских языков), в дальнейшем развивалась там, где языковые особенности продолжали оставаться благоприятной для нее почвой. В то же время изменение фонетического облика некоторых тюркских языков Средней и Малой Азии, а также Поволжья под влиянием обильного заимствования арабской и персидской лексики достаточно сильно изменило и языковые условия реализации в них аллитерационной системы. Помимо чисто лингвистического аспекта, следует учитывать и то, что эта система развивалась, продолжая традицию древнетюркского стиха при взаимосвязях с поэтической практикой монголов. Так возник один ареал развития тюркской стихотворной практики — Алтай, Южная и Восточная Сибирь. Другой ареал — Средняя и Малая Азия, Закавказье и Поволжье, где развилась классическая тюркоязычная поэзия, представил принципиально новый способ построения стихотворной формы, основанной на теории и практике арабской и персидской поэзии. Естественно, что при переходе от древнетюркского стихосложения к арузу старый способ звуковой организации стиха — аллитерационная система — должен был замениться новым, соответствующим новым структурам ритма.

¹³ См., например: Т. А. Бертагаев. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969.

¹⁴ G. Doerfer. Die Literatur der Türken Südsibiriens. — «Philologiae Turcicae Fundamenta», t. II. Wiesbaden, 1964.

ТОПОНИМИКА

Т. БЕГЖАНОВ, К. АБДИМУРАТОВ

СТРУКТУРА КАРАКАЛПАКСКИХ ТОПОНИМОВ

Топонимические названия, как известно, не появляются случайно, они возникают закономерно, системно, в связи с принадлежностью к определенному ряду названий¹. Например, названия Акдарья, Аксуу, Актау, Акжагыс, Акбулак, Акжап, Акжамыс, Акпеткей, Акбөгет с компонентом *ак* 'белый' составляют ряд гидронимов.

Топонимам присущи и характерные структурные свойства. Под структурой топонимов обычно понимаются характерные особенности их конкретного морфологического типа, то есть способность слова определенным образом изменяться (склоняться), сочетаться с соответствующими аффиксами и служить основой для некоторых типов словообразования.

Как известно, значительное число топонимов близкородственных тюркских языков имеет общую корневую, суффиксальную и семантическую основу. В то же время эти топонимы различаются некоторыми, свойственными тому или иному языку особыми чертами.

Тюркский номенклатурный термин *тай* 'гора' встречается в различных фонетических вариантах, например: туркм. *dag*, кирг. *too*, узб. *toʻq*, азерб. *dağ*, казах., каракалп. *tau*. Более обширное употребление имеет термин *g'öl* 'озеро': казах., каракалп., кирг., туркм., азерб. *g'öl*, узб. *kül'*; на территории Западной Сибири (в алтайском, щорском, тувинском языках) встречаются разные варианты озерных гидронимов: *kül'*, *kol'*, *hol'*, *gol'*, *göl'*². Весьма распространен в монгольской топонимике гидроним *gol* 'река'. В некоторых тюркских языках можно найти топонимические параллели монгольскому *gol*: карач. *köl* 'длинная балка', туркм. *gol* 'протяженные ложбины в каракумских песках', азерб. *gol* 'ветвь, рукав реки'³, казах., каракалп. *qoltyq* 'залив'.

В топонимике Каракалпакии наблюдаются своеобразные структурные типы, связанные со специфическими особенностями каракалпакского языка.

По способу образования эти топонимы можно разделить на простые и сложные.

Простые топонимы — это или существительные в основном падеже, или производные прилагательные. Они делятся на корневые и

¹ В. А. Никонов. Закон ряда в географических названиях. — «Ономастика». Краков, 1958, № 6, стр. 58.

² О. Т. Молчанова. Тюркские названия озер Западной Сибири. — В сб.: «Языки и топонимия Сибири», I. Томск, 1966, стр. 4.

³ Там же.

аффиксальные. К первой группе относятся топонимы, состоящие: из корневых существительных, например: *Lar* (название древнего русла реки), *Şege* (название кишлака), *Куг* (название Устюрта в устно-народном употреблении), *jabu* (этноним); из производных прилагательных: *Kyzyl* (название «Кызылкум» в устно-народном употреблении), *Şugyk* (название родника); из количественных числительных: *кугук* (назв. родоплеменной группы). В указанных примерах топонимы — существительные, прилагательные, числительные — состоят из чистой основы, то есть не имеют каких-либо служебных формантов.

Ко второй группе относятся простые аффиксальные топонимы. А. И. Соболевский указывает, что тюркские языки, в отличие от славянских, часто не требуют специальных грамматических формантов, например, значения «железо» и «железный» выражаются одним и тем же словом *temir* (*temir tau* 'железная гора')⁴. Однако аффиксация играет существенную роль в развитии современного каракалпакского языка, хотя и не все аффиксы участвуют в образовании топонимов. Так, аффикс *-şy/-şi* образует слова, обозначающие род занятий, профессию: *şugaşy* 'бакенщик', *arbaşy* 'извозчик', *könşi* 'кожевник' и т. д. Образованные с помощью этого аффикса слова часто служат названиями населенных пунктов. Аффикс *-ly/-li* обозначает обладание признаком или предметом. Нормой для каракалпакского языка являются варианты *-ly/-li*, а в северо-восточном диалекте — варианты *-dy/-di*, *-ty/-ti*⁵.

Следующие топонимы указывают на признаки: а) *Bojanly, žijdeli, kamysly, kendirli, Kegejly, şatly, kanıbakly* — обладания растительностью; б) *Suenli, Ylakaly, Bakaly, Şayally, Karabajly, Bōrili* — обилия животных; в) *Bujdaly, ujaly, şytly* — особенностей местности; г) *Beleuli (Bōlejuli), bajly, Bakytly* — богатства природы, местности; д) *kajrakly, şarygly* — разновидностей горных пород; е) *Aşamajly, Ajylly, Balıaly, Baıanaly, Kajşyly, Kazajakly, Kylkaly, Kandekli, Uğakly, Tijekli, Şauzejli, Manžiuly, Şömişi* — отношения к родовым названиям.

Аффиксы *-lyk/-lik/-lak/-lek*, так же как и аффиксы *-ly/-li*, передают признак недифференцированного множества, означая собирательность. Видимо, они являются исторически результатом фонетического развития аффикса *-lyu/-liu*, характерного для многих тюркских языков.

Еще более древняя форма этого аффикса с тем же значением обладания сохранилась в якутском языке — *-laaq/-leeq*⁶. Эту форму можно найти и в современных каракалпакских топонимах типа *taslak* 'каменистая местность'.

В некоторых топонимах аффикс *-lyk/-lik* придает предметам абстрактно-собирательное значение, например: *birlik* 'единство', *žanalyk* 'новость', *žaksylyk* 'благоденствие' и т. д.

Иногда аффиксы *-lyk/-lik* выражают уменьшительное значение, например: *kōlatlyk* 'озерцо'.

Аффиксация встречается не только в составе простых топонимов, но и в составе сложных названий, например: *Kamyslykōl, Bojaşyauyl, Tajlakžegen*.

Сложные топонимы по способу образования делятся на три группы: топонимы-словосложения, топонимы-словосочетания и парные топонимы.

⁴ См.: V. Nikonov. Paradoxes toponimiques. — «Revue internationale toponomastique». Paris, 1959, № 3.

⁵ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II, ч. 2. М., 1952, стр. 193.

⁶ Там же, стр. 196.

Топонимы, образованные слиянием двух основ, почти всегда являются определительными, то есть в них соединяются определение и определяемое, например: Akbulak, Kyzylžar, Sarykamys. Их легко расчленить на составные части, так как каждый компонент имеет самостоятельное лексическое значение. Топонимы такого типа являются наиболее распространенным видом сложных названий. Имеется и другая группа исторически сложных названий, в своей современной форме примыкающих к простым топонимам, например: Urgenč, Nökis, Kypšak, Mañyut, Kañly, которые невозможно расчленить на составные части. Подобные топонимы возникли в более древний период.

Большую группу местных названий составляют топонимы-словосочетания, отличающиеся некоторыми специфическими признаками:

а) соединение компонентов топонимов-словосочетаний не является цельнооформленным, и составные части пишутся отдельно: Däükempir köli, Mañydyň dalasy, Aral tenizi;

б) географические термины тау, кыг, töbe, zar, oj, kala, ауыл, көл, дәр'я, теңиз в топонимических словосочетаниях иногда опускаются: Aral tenizi (Aral), Kojkyrylyan kala (Kojkyrylyan);

в) компоненты топонима невозможно подменить другими словами, как это делается в свободных и некоторых фразеологических словосочетаниях; невозможна также и перестановка компонентов. Таким образом, слова, входящие в состав топонима, становятся как бы связанными, теряя свою нарицательную значимость.

Особую группу сложных названий составляют парные топонимы, образованные двумя корнями с соотнесенными значениями (пишутся через дефис): Nökis-Čimbaj žoly, Barsa-kel'mes köli, Petro-Aleksandrovsk kalasy и др.

Тюркская топонимика характеризуется обширным пластом разнообразных глагольных топонимов⁷. Эта особенность наблюдается и в исследуемых нами местных названиях, представляющих собой различные варианты глагольных образований. На территории Каракалпакии довольно широко распространены топонимы — глагольные словосочетания с компонентами-причастиями: ketken 'утонувший', kazıan 'выкопанный', ölgen 'погибший', žağyan 'вырытый', askan 'повешенный', ekken 'посеянный' и т. д. Ср.: Mañyutžaryan žar 'арык, вырытый Мангитами', ögiz ketken 'утонувший бык', Közžetpes 'не достигаемый взглядом', Хап-кеI'di 'Хан приехал'.

Широкое распространение различных типов глагольных словосочетаний в топонимах существенно отличает тюркскую систему географических названий от других систем, например, славянской, романской или китайской, в которых глагольные формы встречаются редко⁸.

Некоторые местные названия представляют собой именные словосочетания. Названия, состоящие из определения, выраженного родительным падежом существительного с аффиксом принадлежности 3-го лица единственного числа, например: Mañydyň dalasy 'степь Мамыя', Kağanuň takугу 'равнина черного' относятся к именным словосочетаниям, первым компонентом которых определяется второй. К этому типу близки топонимы, представляющие собой непритяжательные сочетания,

⁷ См.: Г. И. Донидзе. Глагольные топонимы в тюркских языках. — В сб.: «Топонимика Востока». М., 1964, стр. 39.

⁸ Э. М. Мурзаев. [Рец.:] G. Jarring. Some Notes on Central Asian Turkic Place Names. «Bulletin of the Geological Institutions of the University of Uppsala», vol. 40, 1961, p. 467—478. — «Народы Азии и Африки», 1963, № 1, стр. 225.

например: Axunbabajev atyndayy kolhoz 'колхоз имени Ахунбабаева', Berdak atyndayy filarmonija 'филармония имени Бердаха' и др.

Отметим, что сложные названия имеют тенденцию к сокращению. Причина этого явления заключается в том, что имена собственные, в том числе и географические названия, не терпят многословности и стремятся к максимальной краткости⁹. Сложные формы названий в речевом обиходе не удерживаются¹⁰. Ср. сокращения древних исторически сложных топонимов: Šabbaz (Šejx Abbas Vali), Sudoč'je (suuy duššy kōl) и т. д.

Некоторые, редко встречающиеся топонимы, имеют структуру сложного предложения. Классический топоним такого типа — Barsa-kel'mes 'пойдешь — не вернешься'.

⁹ См.: Г. И. Донидзе. Указ. раб., стр. 42.

¹⁰ В. А. Никонов. Славянский топонимический тип. — «Географические названия». М., 1962, стр. 32.

А. ГУСЕЙНЗАДЕ

К ЭТИМОЛОГИИ ТОПОНИМА KUŞÇU

Современная топонимия Советского Азербайджана является многопластной. Это объясняется тем, что Азербайджан с древнейших времен был ареной борьбы между различными полигическими и племенными объединениями. Реликты названий некоторых из них сохранились в современных географических наименованиях, среди которых значительное место принадлежит тюркскому слою. К последнему принадлежит и топоним Кушчу, сохранившийся в различном употреблении в восьми районах республики: семь ойконимов — *Кушчу*, два — *Кушчулар* и по одному — *Ашагы Кушчу*, *Ашагы Кушчулар*, *Юхары Кушчу*, *Даг Кушчу*, *Дели Кушчу*, *Дондар Кушчу*, *Кушчу Айрым*, *Кушчу Армавир* и *Старый Кушчу* [5].

Ареал указанного топонима не ограничивается лишь территорией Советского Азербайджана. Куши в Цальском [22, 87] и Марнеульском [22, 59] районах, *Кушубаури* 'принадлежащий Кушчу' в Ванском [22, 31] и *Кушхеви* 'ущелье Кушчу' в Тианетском [22, 78] районах Грузинской ССР также принадлежат к ряду интересующего нас географического названия. Без особых затруднений можно распознать в основе ойконимов *Куцевская* и *Куцевка* (Северный Кавказ) слово *kuşçu* (куши) с русскими окончаниями [16, карта № 24, М—9].

Следы названия *kuşçu* ведут также в Иранский Азербайджан и Турцию. В Иранском Азербайджане в шахрестанах Ахар, Марага, Сараб и Резайе зафиксированы топонимы *Kuşçu* и *Kuşçu Baiḡam Hoḡa* [45], а в Турции — *Кушчу* и *Кушчу Али* [10, карты №№ 185—186, Г—9, Г—10].

Предлагаемый обзор современного ареала этого названия не может претендовать на полноту, ибо в нашем распоряжении не было всех списков населенных пунктов среднеазиатских и других республик.

В современной топонимии Армении ойконим *Kuşçu* отсутствует. Однако нам известно, что к концу XIX века в Шаруро-Даралагезском, Новобаязетском и Эчмиадзинском уездах Эриванской губернии и Зангезурском, Шушинском уездах Елисаветпольской губернии существовал ряд населенных пунктов с названиями — *Кушчу* [33, 150; 39, 26 и 42], *Кушчу Дамирчи* [33, 146; 39, 64], *Кушили* [26, 158], *Кушилар* [26, 152], *Куши тазакент* [26, 158], *Куши дараси* [39, 100] и *Куши Баба* [24, 324], родство которых с нашим топонимом не вызывает сомнений. Все эти бывшие уезды, кроме Шушинского, в настоящее время входят в состав

Армянской ССР. Отметим, что последний носитель названия *Kušču* (Кушчи) на территории Армении сохранялся до недавнего времени в Азизбековском районе и лишь в 1946 году был переименован в *Кечут* [9, 212].

Отсутствуют в списках современных географических названий и ойконимы *Ашагы Кушчу* и *Кушчу*, отмеченные в исторических магалах Закавказья XVIII века — в Шабране [36, 147] и Джаре [46, 12], а также *Кушчу Бука* в бывшем Тедженском уезде Закаспийской области (Туркменская ССР, район Сарахса) [17, л. 4]. Таким образом, можно заключить, что сфера распространения топонима *Kušču* в прошлом была гораздо шире.

Н. А. Аристов, одним из первых исследователей тюркоязычных родоплеменных объединений Средней Азии, высказал предположение о связи названия *kušču* с *хуннами*¹. Несколько позже В. В. Бартольд [13, 112], а вслед за ним и М. Г. Бахарлы [18, 55] связывали его с *кушанами*.

По свидетельству письменных источников и этнографических исследований племя *kušču* (*kušči*, *kučči*, *košso*), от названия которого ведет свое происхождение топоним, очевидно, было одним из основных тюркоязычных этнических образований, участвовавших в этногенезе не только азербайджанского, но и киргизского [4, 71], башкирского [30, 70; 31, 23], а также узбекского [12, 394] народов.

В родо-племенном делении киргизов род *кушчу* входил в состав левого крыла [8, 422; 19, 155; 32, 175] и имел специальную круглую тамгу [8, 422]. По данным последних исследований большая часть этого рода в Киргизии к концу прошлого столетия была расселена на северо-западе страны — в верховьях реки Таласа, а небольшие группы его — в Чуйской долине, Приисыккулье и в Тянь-Шаньской области [4, 74]. Мелкие объединения рода были также вкраплены во многих районах Джалабадской и Ошской областей Киргизии [19, 155]. Согласно мнению Я. Р. Винникова, в южные районы Киргизии они пришли с Тянь-Шаня вместе с племенами *багыш* и *саяк* [19, 156] в середине XVIII века [19, 146].

В Башкирии *кушчи* получили известность как *кошсо* (*кошсы*) и входили в составе айлинцев в северо-восточные племенные объединения. Причем «родоплеменной состав северо-восточных башкир включает компоненты — тюркские, монгольские, финно-угорские, отражающие различные этапы этнической истории башкирского народа на протяжении более чем одного тысячелетия» [31, 23].

Весьма ценные сведения о племени *кушчу* сохранились в труде Махмуда ибн Вели «Бахр ул-асрар фи манакиб ул-ахйар» («Море тайн о высоких качествах добродетельных людей»), написанном по поручению Балхского правителя Надира Мухаммеда, впоследствии Бухарского хэна (1642—1645), из династии Аштарханидов (38, № 3563). Автор, описывая церемониал, существовавший при дворе узбекских ханов, сообщает ценные сведения о племенах тогдашнего узбекского ханства и о месте, занимаемом каждым из них в дворцовой иерархии. Приводимое ниже сообщение Махмуда ибн Вели о *кушчу* довольно ясно говорит о былой славе, почете и общественно-политическом значении этого племени в узбекском обществе: «От светлого, как солнце, сознания рассудительных и благоразумных людей не остается скрытым, что важнейшее место на левой стороне от счастливых ханов есть место высокопочтенных

¹ «Кость кучу или кучук у богу по-видимому тождественна с упоминанием китайцами у чуюе родом хучжу и гучжу, который существовал и у хуннов в форме хючжуй китайских источников» [7, 397].

накибов². Уважение к этому классу благородных людей доходило до такой степени, что все царевичи, даже ханский каалга, т. е. наследник и заместитель царя, сидят ниже всех [их]. Затем идут последовательно места карта [старейшины] дурменов, *карта кушчиев* (курсив наш. — А. Г.) и карта найманов, после этого место кунгратов, за ними место великого аталыка³; ниже его место огланов⁴ [12, 394].

Тот факт, что среди племен левого крыла *кушчу* занимали второе место, вслед за племенем *дурменов*, говорит об их высоком положении в узбекском ханстве XVII века. Кроме того, появление *кушчу* на территории Средней Азии и стран Ближнего Востока относится к гораздо более древнему периоду, ибо, по утверждению того же Махмуда ибн Вели, «древнее правило» было таково, что право на занятие должности эшик-агасы-баши⁵ «принадлежало трем улусам, именно дурменам, *кушчиям* (курсив наш. — А. Г.) и найманам, если между ними не оказывалось способного лица, то право переходило к кунгратам, буйракам, кыятам и хытаям» [12, 396].

Исторические факты подтверждают древность рода *кушчу*. Известно что улус *кушчу* занимал весьма важное место и в государстве кочевых узбеков (1429—1469), возглавляемом Абу-л-Хайр ханом и занимавшем обширную территорию, в которую входили большая часть современного Казахстана и юго-западной Сибири [11, 5]. На руководящих постах в государстве в основном находились предводители двух племен — уйгуров и кушчу [11, 103].

По свидетельству Абу-л-Касима Абдуллаха Кашани, автора «Тарих-и Ульджайту», улус *кушчу* при Ульджайту хане (1304—1316) принадлежал кыпчакской племенной конфедерации [44, 19]. По сообщению Махмуда ибн Вели улус *кушчу* также составлял один из основных компонентов войск Баты-хана (1224—1256) [11, 163], правителя западной части Половецкой степи, куда входили «в пределах юго-восточной Европы земли до Днепра, включая Крым на юге, Среднее Поволжье до Булгара (с областью) на северо-востоке и устье Волги на юго-востоке» [21, 18]. Появление *кошсо* (*кушчи*) в Башкирии связано с проникновением в эти края ряда кыпчакских и кыпчакизированных родоплеменных образований [31, 25].

Пребывание *кушчу* в Грузии, по всей вероятности, связано с военной реформой Давида IV (1089—1125). Последний, стремясь создать постоянное войско, пригласил в Грузию кыпчаков с Северного Кавказа и юга России. По указанию Давида Строителя в 1118 году через Дарьялский проход в Грузию переселилось 45 тыс. кыпчакских семейств. Обеспеченные землей и необходимым инвентарем, кыпчаки выставили в состав грузинского войска 40 тыс. всадников [15, 90; 23], среди которых, очевидно, были и *кушчу*. Следы пребывания последних сохранились вплоть до наших дней в топонимии не только Грузии, но и сопредельных ей районов Закавказья.

Появление *кушчу* в Азербайджане связано с походами монгольских полчищ на Северный Кавказ. Потерпев поражение от монголов, кыпчаки под натиском вражеских войск проникли через Дербендский проход в

² «Должность эта по существу своему есть весьма важная, он в отсутствии эмира решает тяжбы, касающиеся сипаев [воинов] и превышающие права казы-аскаря; но нынешний эмир [Насрулла правил с 1827 г.] лишил его всякого значения» [12, 394 — прим. 17].

³ Один из высших придворных чинов. — А. Г.

⁴ Этим термином обозначались царевичи. — А. Г.

⁵ Министр двора. — А. Г.

Ширван и Аран (1223 г.) и разорили эти районы. Одна часть их осела в окрестностях Гянджи (Кировабада), другая продолжала путь в Грузию [6, 103], к своим соплеменникам.

Несмотря на крайнюю скудость прямых сведений о племени *кушчу* и его общественно-политическом устройстве в районах распространения одноименного топонима, при тщательном изучении письменных источников можно нередко встретить упоминания о влиятельных военных и государственных деятелях, принадлежность которых к племени *кушчу*, судя по их нисбе, не вызывает сомнения.

По сведениям Рашид-ад-дина, при Текударе (1282—1284) и Аргуне (1284—1291) одним из влиятельных полководцев ильханов был эмир Мазук *Кушчу* [43, 111, 119]. Из племени *кушчу* происходили эмиры Байытмыш *Кушчу* [43, 125—126], Байбука *Кушчу* [43, 138; 44, 17] и Илбасмыш *Кушчу* [43, 305; 44, 17], отличившиеся при Аргуне, Кейхату (1291—1295) и Газан-хане (1295—1304). Байбука был эмиром в Диярбекре [44, 17]. При Абу Саиде (1316—1335) правление Хорасаном было поручено Шейх Али *Кушчу* [41, 156; 25, 154], а Мухаммед бек *Кушчу* был правителем Карабага [41, 156; 44, 17]⁶.

Абдураззак Самарканди (1413—1482), автор известного труда по истории тимуридов «Матла ас-саадейн» («Восхождение двух счастливых созвездий») [37, № 135], при изложении подробностей борьбы между тимуридами и каракоюнлу за власть в Азербайджане сообщает, что, когда «весть о возвращении Кара Юсифа в сторону Султанийе стала достоверной, Аба Бекр Мирза оставил в городе Дервиша Мухаммеда *Кушчу* с двумя сотнями проворных людей, сам через долину Рей отправился к подошве горы Демавенд» [2, л. 30^б].

Следы этой этнической группы сохранились и в истории культурной жизни Средней Азии. Надо полагать, что один из талантливых учеников Улугбека и ведущих ученых Самаркандской обсерватории Али *Кушчу* [14, 138; 47, 3197], судя по его нисбе, также происходил из племени *кушчу*, хотя по сложившемуся в литературе мнению он был сокольником Улугбека, чем, якобы, и объясняется его нисба [47, 3197; 28, 217].

Среди политических деятелей Азербайджана первой половины XVIII века [1, 48] были также представители рода *кушчи*.

В заключение необходимо остановиться на семантике исследуемого этнопонима. Впервые по этому вопросу высказался С. М. Абрамзон, расшифровавший термин *kušči* как «охотник с ловчими птицами» [3, 129]. Эта интерпретация, в основном не противоречащая исторической правде, нуждается в некотором уточнении. Связь основы термина с тюркским словом *kuš* 'птица' неоспорима. Однако необходимо отметить, что, помимо своего основного значения, это слово в персидском языке имеет значение ловчей птицы — сокола и ястреба [27, 365; 34, 279]. Термин *kušči*, образованный от *kuš* 'ловчая птица', при помощи агентивного суффикса *či*, характерного для языков тюркской системы, в данном случае представляет собой существительное со значением «специалист по ловчим птицам». Для ясности заметим, что *kušči* в некотором отношении соответствует древнерусскому *сокольнику* (придворному специалисту, ухаживавшему за ловчими птицами), но не сокольничему, то есть боярину, ведавшему придворной охотой. В восточных источниках последнему соответствует *эмир-и кушчу* 'начальник сокольников'. *Эмир-и кушчу* был одним из приближенных государя и влиятельной персоной при дворе,

⁶ Автор выражает признательность сотруднику Института истории АН Азерб. ССР В. Пириеву, обратившему его внимание на наличие сведений о представителях *кушчу* в «Тарих-и Шейх Увейс».

подобно *кушбеги* в Бухарском ханстве XIX века [35, 54—55]. Поскольку охота с ловчими птицами в основном являлась привилегией правителей [29, 119] и высокопоставленных особ, то вряд ли можно допустить, что *кушчу* непосредственно сам занимался соколиной охотой. По-видимому, он лишь сопровождал правителей и других придворных чинов во время охоты в качестве слуги-специалиста.

Источники свидетельствуют о том, что в государстве монголов и их преемников добыванию ловчих птиц и барсов, а также их обучению придавалось государственное значение. Рашид-ад-дин, рассказывая о нетерпимом произволе и злодеяниях, чинимых сокольниками до реформы Газан-хана, сообщает, что «прежде сокольники и охотники на ловчих барсов (بارسچيان) добывали ловчих птиц и барсов в областях. Было установлено, где и в каком месте им каждый год добывать [их] и [было указано], чтобы то, что они добудут, они доставляли сюда [в центр] и сдавали с согласия начальников сокольников и ловчих барсов. Для них в каждой области были назначены суммы на путевое, фуражное и вещевое довольствие и каждый год их [получали] деньгами [имевшими] более широкое хождение»⁷ [43, 314]. Каждый из *кушчу* (добывавших и обучавших ловчих птиц) и *барсчи* (занимавшихся добыванием и дрессировкой ловчих барсов) проживал в установленной для него области [40, 181].

После реформы Газан-хана было установлено, что для нужд дворцовой охоты достаточно ежегодно «получать из областей тысячу ловчих птиц и триста барсов» [43, 316]. Лица, занимавшиеся добыванием ловчих птиц на местах, были взяты на учет. Рашид-ад-дин сообщает, что «причитающееся им за обученных и необученных ловчих птиц, которых они поставляют, он (Газан-хан. — А. Г.) назначил в зависимости [от работы] и так, что [стоимость] необходимых принадлежностей, корма на месте и в пути и улага⁸ была в него включена» [43, 316]. По словам того же автора, каждый *кушчу* должен был поставлять двору определенное количество птиц, в противном случае за ним записывали недоимку, взыскивая ее принудительным путем [43, 316].

Существование такой же повинности и в Азербайджане подтверждается весьма ценными наблюдениями И.-Г. Гербера, посетившего в 1728 году земли вдоль западного побережья Каспийского моря. Описывая существовавшие в Ширване налоги, он сообщает, что «некоторые деревни каждый год повинны принести обученных птиц, как-то: ястребов или соколов и больше ничего не платят» [20, 93].

По данным «Базнаме» [«Книга о ловчих птицах»], основные функции *кушчу* заключались в следующем: добывание, отбор и обучение ловчих птиц, их лечение и профилактика от возможных заболеваний, кормление птиц по особому режиму, забота о них как в *кушхане*, так и на охоте и т. д. [37, №№ 736—742]. Напомним, что дрессировка этих птиц требовала сорокадневной, очень трудной и кропотливой работы [42, 47]. Несомненно, что эти весьма сложные и многообразные обязанности *кушчу* могли быть успешно выполнены лишь при наличии специальных знаний и богатого опыта. Поэтому мы считаем, что слово *кушчу* следует понимать не только как «охотник с ловчими птицами», но и как «специалист по ловчим птицам».

⁷ В текст перевода А. К. Арендса нами внесены незначительные изменения в соответствии с персидским оригиналом.

⁸ اسبی راکه در راهاجهت قاصدان گذارند 'почтовая лошадь' (Борхан-егате. Тегеран, 1305 хиджры, стр. 56). — А. Г.

ЛИТЕРАТУРА

1. عبدالرزاق دتېلی، تجربه الاحرار و تسلیة الارار. تبریز ۱۳۴۹ هجری شمسی
2. عبدالرزاق سمرقندی، مطلع السعدین، (Ташкентская рукопись). Со-
брание восточных рукописей АН Узбекской ССР, т. I, Ташкент, 1952.
3. С. М. Абрамзон. К семантике киргизских этнонимов — «Советская этнография»,
1946, № 3.
4. С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии.—
«Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. IV. М., 1960.
5. Азербайджанская ССР. Административно-территориальное деление (на азербай-
джанском языке). Баку, 1968.
6. А. А. Али-заде. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана
XIII—XIV вв. Баку, 1956.
7. Н. А. Аристов. Этнический состав тюркских племен и народностей и сведения
об их численности. — «Живая старина», вып. 3—4, 1896.
8. Н. А. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргизо-казахов большой
орды и кара-киргизов. — «Живая старина», вып. 3—4, 1894.
9. Армянская ССР. Административно-территориальное деление. Ереван, 1966.
10. Атлас мира. М., 1954.
11. Б. Н. Ахмедов. Государство кочевых узбеков. М., 1965.
12. В. В. Бартольд. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII веке. Соч., т. II,
ч. 2. М., 1964.
13. В. В. Бартольд. История Туркестана (конспект лекции). Соч., т. II, ч. I. М.,
1963.
14. В. В. Бартольд. Улугбек и его время. Соч., т. II, ч. 2. М., 1964.
15. Н. А. Бердзенишвили и др. История Грузии. Тбилиси, 1960.
16. Большой всемирный настольный атлас Маркса, под ред. Э. Ю. Петри и
Ю. М. Шокальского. СПб., 1905.
17. Ведомость о количестве кибиток с начислением кибиточной подати и земского
сбора по Тедженскому уезду Закаспийской области за 1903 г. (ЦИА Азербайджан-
ской ССР, фонд 43, оп. 6, ед. хр. 3846).
18. ولیلی (بهاری) محمدحسن، آذربایجان (جغرافی-طبیعی، ئهتنوگرافا
فیک و اقتصادی ملاحظات)، باکو ۱۹۲۱
19. Я. Р. Винников. Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории
Южной Киргизии. — «Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I.
М., 1956.
20. И.-Г. Гербер. Описание стран и народов вдоль западного побережья Каспий-
ского моря. — «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.». Архив-
ные документы. М., 1958.
21. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950.
22. Грузинская ССР. Административно-территориальное деление. Тбилиси, 1966.
23. Давид Строитель — СИЭ, т. IV. М., 1963.
24. А. Г. Деконский. Экономический быт государственных крестьян в Шушинском
и Джебраилском уездах Елисаветпольской губернии. — «Материалы для изучения
экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. IV, ч. I. Тиф-
лис, 1886.
25. ذیلجامع التواریخ رشیدی تالیف حافظ آبرو یامقدمه و حواشی و
تعلیقات. دکتر خانبابا بیانی، تهران ۱۳۱۷ هجری شمسی
26. С. П. Зелинский. Экономический быт государственных крестьян в Зангезурском
уезде Елисаветпольской губернии. — «Материалы для изучения экономического быта
государственных крестьян Закавказского края», т. V, ч. I. Тифлис, 1886.
27. Г. Г. Заринезаде. Азербайджанские слова в персидском языке (на азербай-
джанском языке). Баку, 1962.
28. История Самарканда, т. I. Ташкент, 1969.
29. Кабус-наме. Перевод, статья и примечания Е. Э. Бертельса. М., 1958.
30. Р. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, ч. I (родо-племенные ор-
ганизации башкир в XVII—XVIII вв.). Уфа, 1957.
31. Р. Г. Кузеев. Этнический состав, история расселения и происхождение башкир-
ского народа. Автореф. докт. дисс. М., 1971.
32. Народы Средней Азии и Казахстана, т. II. М., 1963.

33. А. В. Парвицкий. Экономический быт государственных крестьян северо-восточной части Новобаязетского уезда Эриванской губернии. — «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. IV, ч. 2. Тифлис, 1886.

34. Персидско-русский словарь. Под ред. Ю. А. Рубенчика, т. II. М., 1970.

35. А. А. Семенов. Очерк устройства центрального административного управления бухарского ханства позднейшего времени. — «Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии», вып. 2. Сталинабад, 1954.

36. Ф. Ф. Симонович. Описание Южного Дагестана. 1796 г. — «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.», М., 1958.

37. Собрание восточных рукописей АН Узбекской ССР, т. I. Ташкент, 1952.

38. Собрание восточных рукописей АН Узбекской ССР, т. V. Ташкент, 1960.

39. Список населенных мест Эриванской губернии. Эриван, 1908.

40. تاریخ حبیب السیرفی اخبار افراد بشر تألیف غیاث الدین بن همام
الدین الحسینی المدعو به خواندمیر. جلد ۳ تهران ۱۳۳۳ هجری شمسی
تاریخ شیخ اویس تألیف اتوبکر القطبی الاهری بامقدمه و ترجمه و
حواشی بانگلیسی بسعی و اهتمام بن فن بون، لاهه ۱۳۷۳
42. تیمور میرزا ولدحسینغلی میرزا قاجار، بازنامه ناصری، تهران
۱۳۰۸ هجری قمری

43. Фазлуллах Рашид ад-дин. Джами ат-таварих («Сборник летописей»), т. III. Составитель научно-критического текста А. А. Али-заде, перевод с персидского языка А. К. Арендса. Баку, 1957.

44. Faruk Sümer. Anadolu'da Mogollar. — «Selcuklu Araştırmaları Dergisi», 1. Ankara, 1970.

45. فرهنگ جغرافیای ایران، جلد ۴، تهران ۱۳۳۰ هجری شمسی

46. Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку, 1931.

47. Şemsettin Sami. Kamus el-a'lam, cilt 4. İstanbul, 1311 хиджры.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. И. ВАСИЛЬЕВ

ИМЕЮТСЯ ЛИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ФОНЕМЫ, ЗАИМСТВОВАННЫЕ ИЗ РУССКОГО?

В подавляющем большинстве работ, посвященных вопросу контактов русского языка с языками народов СССР, утверждается, что в фонетических системах языков последних появились фонемы, заимствованные из русского. Так, например, Н. А. Баскаков еще в 1952 году писал, что «...в связи с обогащением словарного состава и заимствованием большого количества слов через русский язык фонетическая система тюркских языков обогатилась новыми гласными и согласными звуками»¹. В еще более категоричной и конкретной форме это утверждение было повторено Н. А. Баскаковым совсем недавно. «За советский период, — пишет он, — в киргизском языке возникли новые фонемы *ф, в, х, ж, ц*; в казахском — *ф, в, ц, ч, ж*. В результате этого в названных языках уже четко противопоставляются фонемы *ф—в, п—б* и не происходит смешения таких заимствований, как *плот—флот, погон—вагон*. В тувинском освоены новые фонемы — *в, ф, ц*; в туркменском — *в, ф, с, з, ц*; в башкирском — *ч, в, ц*; в чувашском — *б, г, д, ж, з, ф, ц*. Состав консонантизма хакасского языка пополнился фонемами *б, в, ф, з, ж, ш, ц, щ*»². Аналогичное высказывание относительно фонем *в, ф* имеется у В. В. Решетова. По его мнению, «в национальных языках появились звуки *в* и *ф*, по своим акустическим и артикуляционным особенностям мало чем отличающиеся от соответствующих русских звуков. Теперь уже киргизский школьник только в шутку может сказать, что в его родном языке четыре *б*: *бабочка* — *б*, *барта* 'парты' — *б*, *багон* 'вагон' — *б*, *бабрика* 'фабрика' — *б*; эти звуки, т. е. *б, п, ф, в*, строго дифференцированы в современном литературном киргизском языке, что свидетельствует о значительных сдвигах в фонетической системе киргизского языка»³.

Некоторые исследователи идут еще дальше, обнаруживая в фонетических системах национальных языков все или почти все фонемные про-

¹ Н. А. Баскаков. Развитие языков и письменности народов СССР. — «Вопросы языкознания», 1952, № 3.

² Н. А. Баскаков. О некоторых общих структурных изменениях. — В сб.: «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху». М., 1969, стр. 20.

³ В. В. Решетов. Задачи преподавания русского языка в свете решений XXII съезда КПСС. — «Русский язык в национальной школе», 1962, № 4, стр. 6.

типовопоставления, свойственные русскому языку⁴. Ф. Г. Исхаков, например, включает почти все без исключения фонемы русского языка в фонетическую систему татарского языка. Отдельные исследователи тюркских языков даже тюркские фонемы и некоторые тюркские фонетические явления считают не чем иным, как заимствованием из русского. В частности, Н. А. Баскаков пишет, что «...фонема *и* русских заимствований в киргизском языке вплоть до 40-х годов нашего века реализовалась в виде звуков: *а, е, ы, у, ү*, редко — *и* или совсем выпадала. При этом реализация в виде *и* возникла под влиянием русской орфографии и орфоэпии, что свидетельствует об отсутствии фонемы *и* в дореволюционном киргизском языке»⁵. Он же считает, как уже отмечалось выше, что фонема *ж* проникла в казахский язык из русского. К числу подобного рода недоразумений следует также отнести высказывание Н. А. Баскакова о том, что «в киргизском языке, который является одним из тех тюркских языков, где закон губной гармонии был наиболее силен, старые заимствования типа *бөлкө* «булка» теперь произносятся без соблюдения губного сингармонизма — «булка»⁶.

Если в киргизском языке фонема *и*, а в казахском фонема *ж* появились под влиянием заимствованных русских слов в послереволюционный период, то непонятно, какие же фонемы были на месте *и* и *ж* до революции, например, в киргизских словах *тил* «язык», *тиргиз* «оживлять, воскрешать», а в казахских — *жаман* «плохой, плохо», *жай* «просто, медленно, место», *муктаж* «нуждающийся человек» и т. п.

Что касается слова *булка*, то здесь отступление от губного сингармонизма не результат влияния русского языка, а закономерность киргизского, так как для киргизского языка всегда было характерно серьезное нарушение губного сингармонизма, а именно следование после слога с гласным *у* слогов с гласным *а*, например: *убай*, «добро, милость», *убат* «мельчить, размельчать», *булга* «махать», *булак* «родник» и т. п.

⁴ См.: Ф. Г. Исхаков. Об отдельных фонемах татарского языка. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 1. Фонетика». М., 1955, стр. 217, 239. См. также о заимствовании русских фонем в тюркских языках в таких статьях, как Р. Н. Тергулова. Русские заимствования в башкирском языке. Уфа, 1957, стр. 85; С. К. Кенесбаев. Прогрессивное влияние русского языка на казахский. — В сб.: «Прогрессивное влияние русского языка на казахский». Алма-Ата, 1965, стр. 14—23; В. А. Сулейманова. О фонетическом освоении лексики, заимствованной из русского языка. — В сб.: «Прогрессивное влияние русского языка на казахский». Алма-Ата, 1965, стр. 68; Ш. Ч. Сат. 25 лет тувинской национальной письменности. — «Уч. зап. Тувинского НИИ языка, литературы и истории». Вып. III. Кызыл, 1965, стр. 81; И. А. Исмаилов. Русско-советско-интернациональная лексика в уйгурском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1953, стр. 15; Г. И. Хоролец. Фонетическое освоение русской лексики в киргизском языке. Фрунзе, 1953, стр. 168; А. Е. Горшков. Роль русского языка в развитии и обогащении чувашской лексики. Чебоксары, 1963, стр. 138—142; Н. А. Адылов. О характере заимствований в чувашском языке. — «Уч. зап. НИИ языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР». Вып. XII. Чебоксары, 1955, стр. 78; Л. Н. Харитонов. О влиянии русского языка на якутский язык. — В сб.: «Прогрессивное влияние великой русской нации на развитие якутского языка». Якутск. 1950, стр. 238; Н. А. Баскаков, М. Б. Балкаров, П. А. Азимов, Б. М. Юнусалиев, М. Ш. Ширалиев, Ф. А. Абдуллаев. О современном состоянии и путях дальнейшего развития литературных тюркских языков. — «Вопросы развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху (материалы конференции)». Алма-Ата, 1964, стр. 56; Основные итоги и задачи разработки вопросов письменности и развития литературных языков народов СССР. — «Вопросы языкознания», 1963, № 3, стр. 9. И. А. Абдулин, Г. Х. Ахунзянов, Ф. А. Ганиев. Русский язык — один из источников обогащения и развития татарского литературного языка. — «Тезисы докладов на конференции, посвященной вопросам взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР». Казань, 1964, стр. 33.

⁵ Н. А. Баскаков. О некоторых общих структурных изменениях, стр. 18.

⁶ Там же, стр. 20.

Любопытно существующее расхождение во мнениях между учеными-языковедами и учителями русского языка в национальных школах. Почти во всех языковедческих работах, касающихся данной проблемы, утверждается, что многими языками народов СССР ряд русских фонем не только заимствован, но и строго дифференцирован, тогда как учителя указывают на исключительно большие трудности усвоения этих фонем не только учениками национальных школ, но и студентами высших учебных заведений. Все это свидетельствует о недостаточной теоретической разработке вопросов, связанных с влиянием русского языка на языки народов СССР. Нельзя не согласиться с М. И. Исаевым, возражающим против точки зрения, согласно которой языки народов СССР вместе с заимствованными русскими словами заимствуют и русские фонемы. «Думается, — пишет М. И. Исаев, — что авторы подобных заявлений слишком упрощают дело, считая, что с появлением заимствованных слов в данный язык автоматически заимствуются и их фонетические особенности. Но вопрос, по-видимому, значительно сложнее. Нельзя не учитывать, что системность фонемного состава языка более высокая, чем системность лексики. Отсюда и значительно более долгий и трудный путь заимствования фонем и звуков речи по сравнению с усвоением отдельных слов и выражений. Чтобы тот или иной звук считался заимствованным в данный язык, требуется уже наличие для него определенных противопоставлений в системе консонантизма или вокализма»⁷.

Обязательное наличие определенных противопоставлений — один из основных показателей заимствованных фонем. Однако следует учитывать то очень существенное обстоятельство, что «...критерием, на основании которого можно судить, заимствована фонема или нет, следует считать факт появления ее в речи монолингвов. Если она наблюдается в речи монолингвов, то она заимствована»⁸. Так, например, не может быть сомнения в том, что фонема *ф* заимствована русским языком, во-первых, потому, что она противопоставлена другим фонемам русского языка: *фара*—*пара*, *вон*—*фон* и т. д.; во-вторых, потому, что подобные противопоставления являются обычными в речи монолингвов. Если взять эту же фонему в тюркских языках, то у носителей этих языков противопоставление фонемы *ф* другим фонемам, например, в словах *накт*—*факт*, *фара*—*бара* ('часть, кусок') может быть только в речи билингвов. В речи билингвов противопоставляются и другие фонемы русского языка. Об этом, в частности, можно судить по целому ряду прямых свидетельств. Так, например, Н. А. Баскаков пишет, что если раньше носители каракалпакского языка «вместо *фабрика* говорили *пабрика*, вместо *фонарь*—*панарь*, то в настоящее время вся передовая часть населения, передовая интеллигенция уже правильно произносит фонему *ф*»⁹. Но ведь передовая часть интеллигенции несомненно билингвистична, то есть знает как родной, так и русский язык.

К. Мусаев указывает, что «...заимствования, в которых встречаются *в*, *ф*, *х*, *ц*, *ч*, *щ*, произносятся казахской молодежью и интеллигенцией близко к орфоэпической норме русского языка, что дает повод делать определенные выводы — эти фонемы уже вошли в казахский язык в результате влияния русского языка, и они не представляют большой труд-

⁷ М. И. Исаев. Языковое строительство как один из важнейших экстралингвистических факторов развития языка. — В сб.: «Язык и общество». М., 1968, стр. 95.

⁸ Е. М. Верещагин. О проблеме заимствования фонем. — В сб.: «Язык и общество». М., 1968, стр. 170.

⁹ См.: Н. А. Баскаков. Заключительное слово. — «Вопросы развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху (материалы конференции)». Алма-Ата, 1964, стр. 235.

ности для произношения казахов»¹⁰. Несомненно, речь здесь идет о билингвах, ибо далее К. Мусаев отмечает: «Однако нельзя утверждать, что все казахи произносят звуки *в, ф, х, ц, ч, ш* так, как в русском языке. Например, в речи малообразованных людей (особенно женщин), которые мало общаются с русскими или мало читают казахскую литературу, относящуюся к тем областям знаний, в которых больше заимствованных слов, *в, ф, х, ц, ч* продолжают произноситься по-старому соответственно *б, п, к, с, ш*: *багон* 'вагон', *пәбрік* 'фабрика', *сипыр* 'цифра', *сапқоз* 'совхоз', *ушиллише* 'училище' и т. п.»¹¹.

При определении заимствованных фонем, как и вообще любых системных элементов чужого языка, нельзя не учитывать точку зрения Р. Якобсона, а также У. Вайнрайха, согласно которой язык принимает элементы чужой системы лишь в том случае, если они соответствуют его собственным тенденциям развития. В этом отношении показательным является заимствование фонемы *ф* русским языком.

Известно, что до падения редуцированных *ѣ* и *ь* фонемы *ф* в русском языке не было. А звук *ф* до падения упомянутых редуцированных у восточных славян был известен в заимствованных словах, и произносился он в этих словах образованными людьми, по всей вероятности, билингвами¹². И только после падения редуцированных, то есть после XII в., у определенной части восточных славян появляется звук *ф* в качестве разновидности фонемы *в* в словах типа *коро[ф]*, *ла[ф]ка* вместо бывших *коровѣ*, *лавѣка* и т. п. Таким образом, хотя и в слабой позиции, в пределах губных согласных на восточнославянской почве возникло противопоставление *п—ф* в словах типа *зов [зоф]*—*зоб [зоп]*, *лов [лоф]*—*лоб [лоп]* и т. д. Подобные противопоставления не могли не способствовать тому, чтобы звук *ф* в иноязычных словах был осознан как самостоятельная фонема. Другими словами, иноязычная фонема *ф* после падения редуцированных вошла в фонетическую систему русского языка. Однако следует отметить, что фонема *ф* была усвоена лишь определенными говорами русского языка, то есть теми говорами, в которых звук *в* был губно-зубным. Что касается говоров русского языка, в которых звук *в* был не губно-зубным, а губно-губным, то в них и сейчас нет фонемы *ф*¹³, так как для заимствования ее не было соответствующих условий в самой фонетической системе данных говоров. В связи с этим хотелось бы подчеркнуть тот факт, что влияние русского литературного языка, в котором имеется фонема *ф*, на те говоры русского языка, в которых ее нет, является несомненно более значительным, чем влияние русского языка на языки народов СССР, в том числе и на тюркские языки. Поэтому, когда речь идет о заимствовании элементов системы чужого языка, то в первую очередь нужно учитывать не интенсивность влияния чужого языка, а тенденции развития того языка, в котором предполагается наличие заимствованных системных элементов.

¹⁰ К. Мусаев. Казахский язык. — В сб.: «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху». М., 1969, стр. 88.

¹¹ Там же, стр. 89.

¹² См.: В. В. Иванов. Историческая грамматика русского языка. М., 1964, стр. 240.

¹³ См.: Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. Ч. I. М., 1949, стр. 140; см. также о качестве звука *в* в древнерусском языке; А. А. Шахматов. Очерки древнейшего периода истории русского языка. — «Энциклопедия славянской филологии». Вып. I, ч. I. Пг., 1915, стр. 289—294; Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 149; П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. М., 1962, стр. 148.

Из изложенного следует, что, прежде чем делать категорические выводы о заимствовании тех или иных фонем русского языка языками народов СССР, в частности тюркскими языками, необходимо провести по каждому из них соответствующее исследование и установить факторы как препятствующие, так и способствующие процессу заимствования фонем.

Современное же состояние разработки этого вопроса оставляет его, по нашему мнению, пока еще открытым.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

К. Т. РАМАЗАНОВ

ПАРНЫЕ СЛОВА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ГРУППЫ

(НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ, ПТИЦ И НАСЕКОМЫХ)

В тюркских языках имеются различные типы сложных слов, среди которых парные слова составляют особую группу.

В юго-западной группе тюркских языков парные слова распространены настолько широко, что нередко в одном предложении употребляется несколько таких слов, например: *Гызын эсл-нэслиндэн, чэдд-эбасын дан тутмуш кун-күзэранына, ев-ешијина, бој-бухунуна... јар-јолдашына, тај-тушуна гэдэр һәр шеји хэбэр алырды* [73, стр. 128] 'Он расспрашивал обо всем, что касалось девушки: начиная с ее корня-потомства (предков), деда-отца и кончая днём-жизнью (временепровождением), домом-двором (имуществом), ростом-станом (внешностью), подругой-товаркой (окружением), другом-недругом (сверстницами)'; *Бу гэдэр чаһ-чәләл, ад-сан, шан-шөһрәт, мал-мүлк әлдән кетсә, дөзмәк олармы?* [18, стр. 81] 'Можно ли стерпеть (перенести) потерю карьеры-величия, славы-авторитета, сана-славы (уважения), имущества-дома?'; *Непесбегден йылы етеләп хат-хабар алмасам-да, ак патышадан хәли-шинди совгат-салам, сылаг-серпай гелип дуяр* [36, стр. 213] 'Если даже от Непесбека часто не поступают письма-вести, зато от белого падишаха постоянно приходят подарки-поклоны, дары-наряды (платья)'; ... *ил-халк үчин, ар-намыс үчин вепалы болмага, дең-душ, дост-яр үчин жанларыны гурбан этмәге тайяр болдулар* [23, стр. 93] 'Они были готовы отдать свою жизнь за верность народу-народу, за достоинство-честь, за друзей-товарищей, друзей-любимых'; *Ахшама кими тел-бирчәји илә ојнајыб, үз-көзүнә әнлик-киршан сүртүр* [16, стр. 58] 'С утра до вечера занимается своими волосами-прядами, лицо-глаза мажет румянами-пудрой'; *Көзәл-көјчәк арвад-ушағын, ев-ешијин вар* [11, стр. 187] 'У тебя есть красивые-прекрасные жена-ребенок (дети), дом-двор'; *Ораз бир гиже-гүндиз ач-сувсуз, дем-дынч алман йөрәни үчин гаты ядапды* [62, стр. 194] 'Ораз, шедший ночь-день (день и ночь) голодный-без воды, без вздох-отдыха (без передышки), сильно устал'.

В настоящей статье рассматриваются парные слова, к которым относятся сочетания двух слов с одним ударением, включающие компоненты с самостоятельными лексическими единицами и имеющие в совокупности собирательное значение.

Проблеме парных слов в тюркских языках посвящена довольно обширная литература (К. Фой, В. А. Гордлевский, Н. К. Дмитриев, Е. И. Уб-

рятова, С. Джафаров, Ч. Г. Сайфуллин, Э. В. Севортян, А. Н. Кононов, М. Адиллов, Р. Бердиев, Р. А. Аганин, Т. М. Гарипов, Н. С. Муратов, Н. Абдурахманов, А. Ходжиев, В. Г. Егоров и др.). Однако до сих пор исследователи, выявляя закономерности сочетаемости компонентов парных слов, исходили в основном из фонетических признаков, оставляя в стороне семантический аспект изучаемого явления. Так, например, В. А. Гордлевский считал, что парным словам «в сильной степени присущ элемент музыкальный, который сказывается в одинаковости окончаний слов (рифма), начала слов (аллитерация) и в огласовке»¹. Н. К. Дмитриев приходит к следующим выводам: «1. Слово с меньшим числом слогов предшествует слову с большим числом слогов... 2. При одинаковом числе слогов слово с начальным гласным ставится на первом месте, например: *алтын-көмөш* — драгоценности (*алтын* — золото, *көмөш* — серебро), *алыш-биреш* — торговля (*алыш* — взятие, *биреш* — отдача)... 3. Если оба слова начинаются на согласный, на первом месте ставится такое, которое начинается на спирант или звонкий взрывной, например: *ер-күк* 'небо и земля, весь мир' (*ер* — земля, *күк* — небо)...»²

Мы же полагаем, что парные слова упорядочиваются и стабилизируются не по фонетическим, а семантическим признакам.

Стабилизация состава парных слов — категория историческая. Поэтому было бы целесообразно рассматривать парные слова в тюркских языках юго-западной группы с точки зрения истории языка.

Как известно, процесс образования слов синтаксическим путем — один из самых древних способов словообразования³. «Языковые факты показывают, что до XIX века сложные существительные в количественном отношении по сравнению с современным языком составляют меньшинство»⁴.

Процесс стабилизации парных слов требует длительного времени. Если такие парные слова, как *öly-jitü*, *alym-birim*, *äsän-sälāmāt*, *baš-ajak*, *ıg-jop*⁵, дошли до нас уже стабилизированными, окаменевшими, то в некоторых парных словах порядок элементов пока не фиксирован. (Ср. употребление парного слова со значением «дочка-невестка» как в дастанах «Китаби деде Коркут» и «Гөроглы», так и в современных азербайджанском и туркменском языках (азерб. *гыз-кэлин*||*кэлин-гыз*, туркм. *гыз-гелин*||*гелин-гыз*).

Следует отметить, что в древности и в средние века каждый из компонентов парных слов мог присоединять к себе словоизменяющие аффиксы (принадлежности, падежа и др.); например: *даглар-дашлар* 'горы-камни', *о яна-бу яна* 'туда-сюда', *атам-энем* 'мой отец-моя мать', *айым-гүнүм* 'моя луна-мое солнце', *арсланы-шири* 'льва-льва', *ите-гуша* 'собаке-птице' [23, стр. 118, 331, 524, 538, 576, 577], *элим-голүм* 'кисть моей руки-моя рука' [27, стр. 135], *досты-яры* 'друга-любимую' [40, стр. 360], *оғлу-гызы* 'сына-дочь', *кэлини-гызы* 'невестку-дочку', *гызы-кэлини* 'дочку-невестку', *гарғајы-гузғуну* 'ворону-ягнятника' [39, стр. 20, 24, 26, 33], *үзү-мү-гөзүмү* 'мое лицо-мой глаз' [9, стр. 43].

С синхронической точки зрения такие пишущиеся через дефис имена существительные, как *элим-голүм*, *үз үмү-гөзүмү*, *гызы-кэлини*, каждое

¹ В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. II. М., 1961, стр. 63.

² Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 75—76.

³ См.: С. Джафаров. Азербайжан дилинде сөз јарадычылығы. Бақы, 1960, стр. 132.

⁴ Ы. Мирзэзаде. Азербайжан дилинин тарихи морфолокијасы. Бақы, 1962, стр. 119.

⁵ См.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 49, 357, 366, 369, 389.

из которых способно присоединить к себе один и тот же словоизменительный аффикс, нельзя считать парными словами.

Однако в парных местоимениях одни и те же словоизменительные аффиксы присоединяются к обоим компонентам: *орада-бурада* [69, стр. 183] 'там-сям', *ордан-бурдан* [31, стр. 46] 'о том, о сем', *она-буна* [30, стр. 43] 'тому, сему', *ону-буну* [1, стр. 209] 'того, сего'.

Оба компонента отглагольного парного слова также содержат одни и те же словообразующие аффиксы, например: *альш-верш* [9, стр. 167] 'купля-продажа', *иймек-ичмек* [21, стр. 108] 'еда-питье', *гачма-ковма* [23, стр. 96] 'бег-преследование', *гачды-тутду* [45, стр. 296] 'ловитки' (досл. 'убежал-поймал'), *язы-позу* [51, стр. 349] 'писанина' (досл. 'написанное-стертое'), *гелен-гиден* [60, стр. 237] 'посетители' (досл. 'приходящий-уходящий'), *гелим-гидим* [62, стр. 180] 'посещение' (досл. 'приход-уход'), *экин-бичин* [65, стр. 456] 'посев-жатва'.

Через дефис иногда ошибочно пишут однородные члены предложения, графически отождествляя их с парными словами. Формальным критерием различения однородных членов предложения в таких случаях является наличие в первом члене аффиксов (притяжательности, падежа, числа), ср.:

Правильно

Мәним атам, бабам шлјапа гој-мушду? [30, стр. 348] 'Разве мой отец, мой дед носили шляпу?';

Ә лин, голун ағрымасын [18, стр. 148] 'Пусть не болят кисть твоей руки и твоя рука';

...көзү, гашы сизин хатириниздәдир [8, стр. 294] '...вы помните его глаза, брови';

Узүндән, көзүндән, бојнундан өндүм [57, стр. 80] 'Я поцеловал его в лицо, глаза, шею';

Сачы, сакгалы, гашлары сап-сары... [60, стр. 65] 'Его волосы, борода, брови совсем светлые (белокурые)'.

Неправильно

Атам-энем бермегин дийп... [23, стр. 524] 'Мой отец-моя мать велели не давать...';

Инсанын эли-голу бағланыр [69, стр. 94] 'Кисть руки-вся рука человека бездействует' (Человек связан по рукам и ногам);

...гөзи-гашы чекип отуран дәлдир [60, стр. 36] '...он не будет сидеть, насунив глаза-брови';

...йүзүм-гөзүм безеди [37, стр. 635] '...мое лицо-глаза украсил';

...сачы-сакгалы ағармыш киши [1, стр. 224] '...мужчина с поседевшими волосами-бородой'.

С течением времени первый компонент парных слов постепенно утрачивает способность присоединять к себе аффиксы, в результате чего окончательно формируется парное слово как сложная лексическая (и словарная) единица.

Под стабилизацией парных слов мы понимаем их окаменелость.

Порядок компонентов парных слов не нарушается и при их синтаксически дистантном употреблении. Например: *тај-туш* 'друг-недруг' — *О, сәнин тајын дејил, тушун дејил* [41, стр. 127] 'Он тебе не пара (друг), не противник (недруг)'; *гөз-гулак* 'глаз-ухо' — *Гөз бар, гулак бар, яшсы адам* [60, стр. 82] 'Глаза есть, уши есть, значит, человек хороший'; *dil-dudak* 'язык-губы' — *hepsi dilini, dudağını ısırdı* [64, стр. 53] 'Все они кусали язык и губы'; *сач-саггал* 'волосы-борода' — *Мәним сачым да, саггалым да, бах, ојухары дағларын гарыжим и ағарыбдыр* [53, стр. 25] 'Мои и волосы, и борода, взгляни, по-

седели, как вершины тех высоких гор'; *сач-сакгал* 'волосы-борода' — *Нэ-ме үчин сачың ак, сакгалың гара?* [27, стр. 85] 'Почему твои волосы белые, твоя борода черная?'; *аждар-шир* 'дракон-лев' — *Гөроглы, аждар бармы, шир бармы, бир якымсыз сөз гелйәрле?* [23, стр. 562] 'Кёроглы, есть драконы, есть львы, но это все добра не сулит?'; *мал-гојун* 'крупный рогатый скот-овцы' — *Малыныз, гојунунуз саламат-дырмы?* [65, стр. 356] 'Ваш крупный рогатый скот, ваши бараны здоровы ли?'; *ат-араба* 'лошадь-арба' — *Ат да, араба да сәнинки олсун* [31, стр. 58] 'Пусть твоими будут и лошадь, и арба'; *var-yok* 'есть-нет' — *Eh, nerde var, nerde yok!* [64, стр. 29] 'Эх, где есть, где нет!'; *var-jox* 'есть-нет' — *Нэ вар, нэ јох?* [67, стр. 125] 'Что есть, чего нет (что нового)?' и т. п.

Результаты исследования тюркских языков огузской группы позволяют заключить, что парные слова, компоненты которых состоят из терминов родства, названий частей тела, обозначают животных, продукты питания, инструменты, одежду, домашнюю утварь, явления природы, качество, направление, меру и т. д., стабилизируются в основном по принципу превосходства понятия, выраженного первым компонентом.

Ограничимся рассмотрением нижеследующих примеров:

	I компонент	II компонент	
старший	{ азерб. <i>ата</i> 'отец' туркм. <i>гоч</i> 'баран' азерб. <i>тојуг</i> 'курица'	{ <i>огул</i> 'сын' <i>гузы</i> 'ягненок' <i>чүчә</i> 'цыпленок'	младший
верх	{ туркм. <i>баш</i> 'голова' тур. <i>sac</i> 'волосы' азерб. <i>гаш</i> 'бровь'	{ <i>аяк</i> 'нога' <i>sakal</i> 'борода' <i>габаг</i> 'веки'	низ
динамичный	{ туркм. <i>эл</i> 'рука' тур. <i>göz</i> 'глаз' азерб. <i>пәнчә</i> 'ступня'	{ <i>йүз</i> 'лицо' <i>kulak</i> 'ухо' <i>дабан</i> 'пятя'	статичный
сильный	{ туркм. <i>гурт</i> 'волк' азерб. <i>илан</i> 'змея' туркм. <i>чыбын</i> 'комар'	{ <i>гуш</i> 'птица' <i>гурбага</i> 'лягушка' <i>чиркей</i> 'мошकारа'	слабый
ведущий	{ азерб. <i>тар</i> 'тара' тур. <i>gizna</i> 'зурна' туркм. <i>гижјак</i> 'гиджак'	{ <i>каманча</i> 'кеманча' <i>davul</i> 'барабан' <i>тамбур</i> 'тамбур'	ведомый
основной	{ азерб. <i>стәкан</i> 'стакан' туркм. <i>ок</i> 'стрела' азерб. <i>гылынч</i> 'меч'	{ <i>нәлбәки</i> 'блюдец' <i>яй</i> 'лук' <i>галхан</i> 'щит'	побочный
положитель- ный	{ азерб. <i>вар</i> 'есть' туркм. <i>дост</i> 'друг' азерб. <i>хејир</i> 'добро'	{ <i>јох</i> 'нет' <i>душман</i> 'враг' <i>шәр</i> 'зло'	отрицатель- ный
качествен- ный	{ туркм. <i>ягыш</i> 'хороший' азерб. <i>саф</i> 'чистый' азерб. <i>тәзә</i> 'новый'	{ <i>яман</i> 'плохой' <i>чүрук</i> 'гнилой' <i>көһнә</i> 'старый'	некачествен- ный
близкий	{ азерб. <i>јер</i> 'земля' азерб. <i>ев</i> 'дом' туркм. <i>чадыр</i> 'палатка'	{ <i>көј</i> 'небо' <i>ешик</i> 'двор' <i>чемен</i> 'луг'	дальний
более ценный	{ туркм. <i>алтын</i> 'золото' азерб. <i>кәбә</i> 'ковер' туркм. <i>халы</i> 'ковер'	{ <i>кумүш</i> 'серебро' <i>килим</i> 'палас' <i>палас</i> 'палас'	менее ценный

Указанная выше семантическая закономерность нарушается лишь в том случае, когда при установлении порядка следования компонентов предпочтение отдается принципу последовательности явлений. Так, на-

пример, жатва ячменя (*арпа*) начинается раньше, чем пшеницы (*буғда*), дыня (*говун*) поспевает раньше арбуза (*гарпыз*), и в соответствии с этим строятся парные слова: азерб. *арпа-буғда*, туркм. *арпа-бугдай*, азерб. *говун-гарпыз*, туркм. *гавун-гарпыз*. Парные слова: азерб. *од-алов* 'огонь-пламя', азерб. *гајда-ганун*, туркм. *када-канун* 'порядок-закон' также стабильлизировались по указанному принципу. Парные же слова: туркм. *ашак-ёкары*, азерб. *ашағы-јухары* '(в) низ-(в) верх', азерб. *һәјәт-бача* 'двор-дымоход' построены по принципу: от близкого к дальнему (относительно субъекта). Вообще, в парных словах доминантным словом является, как правило, первый компонент: азерб. *ағыр-јункүл* 'тяжелый-легкий', азерб. *бәрк-бош* 'крепкий-слабый'⁶, азерб. *исти-сојуг* 'горячий-холодный', туркм. *саг-сол* 'правый-левый', азерб. *гоз-фындыг* 'греческий орех-мелкий орех'. В ряде случаев даже при утрате в предложении второго компонента парных слов сохраняется их смысловое содержание в аналогичных конструкциях, ср.:

Атам сәнин кимисинин тај-тушу дејил! [10, стр. 331] 'Мой отец тебе не друг-не друг (не пара)';

Бәсиндир, әдә, бәсиндир, үрәк-көбәјин дүшәр [73, стр. 464] 'Хватит, эй, хватит, твое сердце-пушок упадет (надорвешься)';

Хейрәнса... гызына үрәк-ди рәк вермәјә башлады [46, стр. 81] 'Хейранса... начала давать дочери сердце-опору (подбадривать)';

...үз-көзүнү түк басмышды [45, стр. 19] '...его лицо-глаза обросли волосами (он оброс)';

Тејмур Лачына өјүд-нәсиһәт вермәјә башлады [41, стр. 48] 'Теймур стал давать вразумление-поучение Лачину (стал вразумлять-поучать Лачина)';

Мән сојунуб јорған-дөшәјә кирдим [17, стр. 92] 'Я, раздевшись, влез в одеяло-матрац (лег в постель)';

Галх ајаға, балам, иш-күч төкүлүб галды [11, стр. 62] 'Подымайся, сынок, работа-сила стоит (работа стоит)';

О, күч-бәлә илә өзүнү дөрдјола чатдырды [72, стр. 120] 'Он с силой-горем (с горем пополам) добрался до перекрестка';

Әликрам Күлүнүн тајы дејил, Нисә! [10, стр. 313] 'Ниса, Аликрам Гюли не пара';

Адә, ај шејтан оғлу шејтан, үрәјим дүшдү ки... [70, стр. 23] 'Ах ты, бесенок, ведь сердце мое упало (я испугался)';

Һәсрәт она үрәк вермәјә башлады [11, стр. 455] 'Хасрат стал ему сердце давать (подбадривать)';

...үзүнү нарын түк басмышды [45, стр. 373] '...его лицо обросло пушком';

Даһа буна өјүд вермәкдән кечиб [11, стр. 446] 'Уже поздно давать ему вразумление (наставлять)';

Чага ёргана гиренден соң, узак вагт укламан [38, стр. 103] 'Младенец еще долго не засыпал после того, как влез в одеяло (лёг в постель)';

Иш төкүлүб галды [74, стр. 241] 'Работа стоит';

Күч илә мәни разы олмаға мәчбур едирләр [70, стр. 29] 'Силой меня заставляют согласиться'.

Парные слова, компоненты которых являются числительными или глаголами (а также отглагольными словами), упорядочиваются на основе принципа последовательности, например: 1-2, 10-12, 10-15, 40-50; азерб. *титрәтмә-гыздырма* 'дрожь-жар', туркм. *өлүм-йитим* 'смерть-утра-

⁶ Несомненно, слово «фортепиано» [от ит. forte-piano — громко-тихо] [75, стр. 403] также образовано по этому принципу.

та', азерб. *алыш-вериш*, тур. *alış-veriş*, туркм. *алыш-бериш*, *алгы-берги* 'купля-продажа'; азерб. *язы-позу* 'писание-стирание', азерб. *гачды-тутду* 'бег-ловля', туркм. *гелди-гитди* 'приход-уход', азерб. *дејән-күлән* 'говорящий-смеющийся'; туркм. *гелен-гиден*, гагауз. *гелән-гичән* 'приходящий-уходящий'; азерб. *кедәр-кәлмәз* 'уходящий-неприходящий' и т. п.

В качестве образца проводившихся нами исследований отдельных тематических групп парных слов в тюркских языках юго-западной группы рассмотрим принципы упорядочения компонентов парных слов, состоящих из названий животных, птиц и насекомых.

Компоненты указанных парных слов упорядочиваются по трем признакам:

1. **По возрасту.** Первым компонентом парного слова-названия животных и птиц являются старшие по возрасту, например:⁷ *огшук-торум* 'верблюжонок от года до двух лет-верблюжонок от шести месяцев до года', *инәк-бузов* 'корова-теленка', *дана-бузов* 'телка-теленка', *дана-долуг* 'телка-маленькая слабая телка', *гојун-гузу* 'овца-ягненок', *гоюн-гузы* 'овца-ягненок', *гоч-гузы* 'баран-ягненок', *тазы-гула* 'борзая-собачка', *хоруз-бечә* 'петух-петушок', *тојуг-бечә* 'курица-петушок', *тојуг-чүчә* 'курица-цыпленок', *тојуг-фәрә* 'курица-молодка' и т. п.

См. также:

Огшук-торумдан эден гоншы гурсун [5, стр. 66] 'Пусть не станет соседа, который завидует чужому верблюжонку от года до двух лет-верблюжонку от шести месяцев до года'; *Мәнә тапшырылан инәк-бузову көзмүнчүгү кими сахладым* [19, стр. 370] 'Порученную мне корову-теленка я охранял, как амулет'; ... *гојун-гузу, дана-бузов сәси бир-биринә гарышмышдыр* [33, стр. 159] '... блеяние овцы-ягненок, мычание телки-теленка — все перемешалось'; *Гурбан үчин чагланан гоч-гузынын вебалы...* [21, стр. 218] 'Безгрешность барана-ягненок, выделенных для жертвоприношения'; *Дан атынча хоруз-бечә ләр банлар* [74, стр. 48] 'Петух-петушки поют перед рассветом'; ... *тојуг-бечәни бизим Зәркулсајағы, ашын алтына гојун* [52, стр. 146] '... курицу-петушка положите под плов, по нашему Заргюльскому обычаю'; *Тојуг-чүчә дејилдир...* [44, стр. 183] 'Это не курица-цыпленок'; *Чохдур плов, чыгыртма үчүн дә тојуг-фәрә* [47, стр. 64] 'Плов разный бывает, но для чихиртмы (плов с курицей) нужна курица-молодка'.

Как видно из примеров, все имена существительные в этих сочетаниях упорядочены по возрасту, являются названиями животных или птиц одного вида.

За редкими исключениями (... *юрдуң халысыны, ат-байталыны, гаракөлүсини хем гымматбаха затларыны арачәкден ашырды* [36, стр. 752] '... он переправил через границу ковры, лошадей-кобылу, овец, а также драгоценности края'; *Обаның дүелери, өкүз-сыгырлары яңыжык обадан чыкып...* [37, стр. 21] 'Деревенские верблюды, быки-коровы только что вышли из деревни') в парных словах, состоящих из названий животных и птиц, отсутствует упорядоченность по полу. Однако для выражения понятия пола всех животных употребляется парное слово *еркәк-диши* 'самец-самка', а для пола птиц — *еркәк-маја* 'самец-самка'; например: *Памбыг совкасынын кәпәнәкләри еркәк-дишили јиндән асылы олараг, мүхтәлиф рәнкләрдә олур* [48, стр. 129] 'Личинки хлопко-

⁷ Язык примеров указан в приложении в конце статьи.

вой совки бывают различных цветов в зависимости от самца-самки (то есть пола).

II. По качеству. Первые компоненты парных слов — названий животных, птиц и насекомых — выражают силу, высшее качество мяса или молока (употребляемых в пищу), богатый внешний вид, красоту оперения, вторые же компоненты выражают противопоставляемые первым слабость, невзрачность, низкое качество мяса и молока и т. п., например: *аждар-шир* 'дракон-лев', *шир-нер* 'лев-верблюд', *шир-пэләнк*, *шир-пеләң*, *арслан-пеләң* 'лев-тигр', *аслан-гаплан*, *шир-гаплан* 'лев-барс', *шир-гурт* 'лев-волк', *пеләң-гурт* 'тигр-волк', *ит-гурт*, *ит-гурд*⁸ 'собака-волк', *ит-пишик* 'собака-кошка', *ит-гуш* 'собака-птица', *гурд-гуш*, *гурт-гуш*, *курт-куш* 'волк-птица', *гурд-јалгузаг* 'волк-бирюк', *межек-шагал* 'волк-шакал', *түлкү-чаггал*, *тилки-шагал* 'лиса-шакал', *гайың-көпек* 'дворняжка-пёс', *нер-бугра* 'порода сильных верблюдов-двугорбый верблюд', *нер-мая*, *инер-мая* 'порода сильных верблюдов-двугорбая верблюдица', *ат-алаша* 'конь-лошадь, полученная скрещиванием племенного ахалтекинського жеребца с простой кобылой', *ат-дүе* 'лошадь-верблюд', *ат-мал* 'лошадь-скот', *ат-өкүз* 'лошадь-бык', *ат-улаг* 'конь-вьючное животное', *ат-эшек*, *ат-ешишэк* 'лошадь-осёл', *ат-гатыр* 'лошадь-мул', *гатыр-дәвә* 'мул-верблюд', *гатыр-ешишэк* 'мул-осёл', *сығын-кејик* 'лось-тур', *кейик-гулан* 'тур-жеребенок', *сүлгүн-товшан* 'фазан-заяц', *товук-товшан* 'курица-заяц', *инәк-чамыш* 'корова-буйволица', *мал-гара*, *мал-давар*, *мал-һејван* 'крупный рогатый скот-мелкий рогатый скот', *мал-гојун* 'крупный рогатый скот-овца', *инәк-гојун* 'корова-овца', *гојун-кечи*, *гојун-гечи* 'овца-козёл', *гузу-чәпиш* 'ягненок-козленок', *тоғлу-чәпиш* 'барашек-козленок', *илан-чајан* 'змея-сколопендра', *йылан-ичян*, *илан-әгрәб* 'змея-скорпион', *илан-гурбаға* 'змея-лягушка', *сүлүк-согулжян* 'пиявка-глист', *алака-сычан* 'суслик-мышь', *чыбын-чиркей* 'комар-мошкара', *бит-бирә* 'вошь-блоха', *тахтабити-таракан* 'клоп-таракан', *шаһин-шунгар* 'сокол-кречет', *түләк-тәрлан* 'коршун-чоглок', *картал-фуртуна* 'орёл-буревестник', *тоты-гумры* 'попугай-горлица' и т. п.

Сказанное подтверждается и такими пословицами и поговорками, как: *Гојун олмајан јердә кечијә Керамәддин ага дејәрләр* [68, стр. 74] 'Там, где нет овцы, козла называют Керамеддин-агой; *Коуипин билунмадиги yerde кечије Abdürrahman Çelebi derler* [76, стр. 361] 'Где нет овцы, козла называют Абдурахманом Челеби'; *Гойны ел алса, гечини асманда гөзле* [77, стр. 175] 'Если овцу унесет ветер, козу ищи в поднебесье'.

Следует отметить, что компоненты парных слов, являющихся названиями съедобных птиц, могут быть упорядочены как по признаку качества мяса, так и с точки зрения красоты и изящества внешнего вида:

а) **по высокому качеству мяса:** *Кәклик-турач күләр, ағлар, сәс даға, ормана дүшәр* [74, стр. 452] 'Смеется или плачет куро-патка-турач — звуки разносятся по горам, лесам'; ... *газ-өрдәји, һинд тојугуну сајыб гуртармаг мүмкүн дејилди* [15, стр. 429] '... невозможно было пересчитать гуся-утку, индейку'; *Орда-бурда тојуг-хоруз дәнләнирди* [28, стр. 86] 'Здесь и там курица-петух клевали зерно'; ... *товук-хорузлараченли әхли маллары олжалан алды* [60, стр. 127] '... он захватил все товары, вплоть до курицы-петухов';

б) **по красоте внешнего вида:** *Күл-бүлбүл, турач-кәклик... бир-биринә гарышыб* [3, стр. 48] 'Цветок-соловей, турач-куропатка... все смешалось'; *Бу јерләрдә дәстә-дәстә өрдәк-газ учачагдыр*

⁸ См. пословицу: азерб. *Архалы көпәк гурд басар* [68, стр. 34] досл. 'Собака, чувствующая опору (т. е. поддержку пастуха), победит волка'.

[11, стр. 508] 'В этих краях стаями будут летать утки-гуси'; *Сөздүр дејэрләр, чүчә јумуртадан чыхмамыш хоруз-тојугдан пейшәш* [55, стр. 174] 'Говорится, что пока еще цыплята не вылупились, а он уже петуха-курицу дарит'.

См. также:

Көсө, ябыдан-да гечдик, аждар-шир гөренче-де болдук... [23, стр. 562] 'Безбородый, нам приходилось видеть и клячу, и дракона-льва'; *Арслан-пелең, шир-нерлерим* [23, стр. 231] 'Лев-тигр, лев-верблюд мои'; ... *шир-пәләнк...* [54, стр. 39] '... лев-тигр'; *Мешелери шир-пеленли* [40, стр. 133] 'Леса со львом-тигром'; *Дағданмы учду, аслан-гапланмы једи...* [39, стр. 8] '(Куда же он делся?) С горы ли свалился, лев-барс ли съел?'; *Арслан, ёлбарс, шир-гаплан, пелеңлер* [23, стр. 551] 'Лев, тигр, лев-барс, тигры'; *Гүржүс-таның шир-гурдуна* [23, стр. 556] 'Льву-волку Грузии'; *Тилки-бохды пелең-гурдум* [40, стр. 434] 'Мой тигр-волк задушил лису'; *Ит-гурд кәлиб мәним гапымда һүрүр* [65, стр. 77] 'Каждая собака-волк лает у моих дверей'; *Инәјә јем верибсән, гуллуғ елә ит-пишијә* [71, стр. 65] 'Корове корм задал, теперь ухаживай за собакой-кошкой'; *Илан-чајан, гурд-гуш, чағгал-чанава, ајы, шир, пәләнк бир нәрә чәкирдиләр...* [3, стр. 73] 'Змея-сколопендра, волк-птица, шакал-волк, медведь, лев, тигр неистово ревели'; *Чөлде галсам гурт-гуш гонар ләшиме* [23, стр. 450] 'Если я останусь в степи, волк-птица растерзают меня'; ... *курт-куштан да йымдат аарармыш* [9, стр. 192] '... он ждал спасения даже от волка-птицы'; ... *она гурд-јалгузаг көзләри зилләнир* [52, стр. 87] '... на него устремлены глаза волка-бирюка'; ... *гайың-көпекләри оны алман ызларына долаһнып гелмейәлер* [23, стр. 511] '... дворняжки-псы, пока не нападут на его след, не вернутся'; ... *ит-гуш, алака-сычан...* [37, стр. 368] '... собака-птица, суслик-мышь...'; *Ким билйәр, мәжек-шағаллар... бардыр!* [37, стр. 475] 'Кто знает, есть волки-шакалы?'; *Мәңикијағлы түлкү-чағгалы дејирәм* [34, стр. 234] 'Я говорю о двуногой лисе-шакале'; *Тилки-шағаллары авламак герек* [43, стр. 65] 'Нужно охотиться за лисами-шакалами'; *Нер-бугра дек дызмашармыз* [23, стр. 496] 'Рвемся вперед, как нер-бугра'; *Нер-мая чыопынан отлы ййлагым* [40, стр. 346] 'Мой зеленый эйлаг, где взмахивает хвостом нер-мая'; *Инер-мая, мешик-мытара, азык шайыны тутуп...* [23, стр. 295] 'Все захватили: инер-мая, бурдюк-флягу, провизию...'; *Байлар болса, оңат ат-алашларыны гизләп, араба гоиян гарры абыларыны мүнүп барярдылар* [25, стр. 448] 'Богачи, спрятав коней-лошадей, сели на старых упряжных кляч и уехали'; *Гочмырадың аялы учин овадын нагышлы йүң яглык ат-дүе берен ялы болды* [21, стр. 159] 'Вышитый шерстяной узорный платок, подаренный жене Гочмырада, был ему дороже лошади-верблюда'; *Сағ башын түкү саны ат-мал апарыбды кечәл* [30, стр. 409] 'Плешивый угнал столько лошадей-скота, сколько на здоровой голове волос'; *Одурки, илин 12 ајы буңлар Гарабаг јолунда ат-өкүз караваныдаырлар!* [51, стр. 297] 'Вот поэтому они 12 месяцев в году бродят по Карабахской дороге, подстерегая караваны лошадей-быков'; *Вахты илә бу чығырла ат-улаг да чыха билмирмиш* [12, стр. 123] 'В свое время по этой тропинке даже лошади-вьючное животное не могло подниматься'; *Кимсе бермиш ат-улагы* [40, стр. 462] 'Кто-то дал коня-вьючное животное; Ат-эшегин гайгысыны этмән [61, стр. 85] 'Не забочусь о лошади-осле'; *Јүкү атешшәклә дашыјырыг* [16, стр. 143] 'Груз мы перевозим на лошади-осле'; ... *јүкләр гатыр-дәвләрә чатылырды* [51, стр. 229] '... груз навьючивали на мула-верблюда'; *Онларын гатыр-ешшәкләри*

салдатдан чохдур [Передача по азербайджанскому телевидению от 2.XI.1967 г.] 'У них мулов-ослов больше, чем солдат'; *Сығын-кејик јығды* [39, стр. 71] 'Он пригнал лося-тура'; *Кейик-гуландан, сүл-гүн-товшандан атып, таңрының гүнүнде өе бош гелмезди* [23, стр. 62] 'Охотясь за туром-жеребенком, фазаном-зайцем, в божий день не возвращался домой с пустыми руками' ... *товук-товшанлар-ың ызлары месе-мәлим болуп дурды* [4, стр. 16] '... следы куриц-зайцев были ясно видны; ... *инәк-чамышы, үзүҗү, сааты итәнләр...* [«Кирпи», 1968, № 6] '... те, у кого пропали корова-буйволица, кольцо, часы...'; *Күнү-күндән мал-гаранын түкү дурулур, тоғлу-чәпиш ојна-глајырды* [19, стр. 282] 'День ото дня крупный рогатый скот-мелкий рогатый скот лоснились (нагуливали вес), барашек-козлик резвились'; *Бунлар дуруб кедиб бир сүрү мал-һејван алдылар* [2, стр. 91] 'Они пошли и купили стадо крупного рогатого скота-мелкого рогатого скота'; ... *кимиси мал-гојун апарыр* [65, стр. 226] '... кто-то гонит крупный рогатый скот-овцу'; *Кәндли ... доста инәк-гојун бағышлар...* [12, стр. 102] 'Крестьянин ... подарит другу корову-овцу'; *Дашы гуртарыр, сапана гојун-кечи гојуб атыр* [39, стр. 9] 'Камни кончаются, он овцу-козу в прашу закладывая, метает'; *Эртеси мал базарына чыкып, бирнәче гоюн-гечи алыпдырлар* [27, стр. 162] 'На следующий день они пошли на скотный рынок и купили несколько овец-коз'; *Гузучәпиш архасында отлаға чыхды* [24, стр. 64] 'Он вслед за ягненком-козленком вышел на пастбище'; *Йылан-ичян, мөр-мөжәклер белки оңа зыян етир* [59, стр. 282] 'Змея-скорпион, насекомые, может быть, принесут ему вред'; ... *илан-әгрәб јувасындан чәкиб, чыхармағ ... лазымдыр* [72, стр. 250] 'Его надо ... вытасщить из гнезда змеи-скорпиона'; *Етдији тәдриси илан-гурбаға* [56, стр. 162] 'Все, чему он учит, — змея-лягушка'; *Сүлүк-согулж, андан саплансын жахан* [6, стр. 65] 'Пусть человечество избавится от пиявок-глистов'; ... *чыбын-чиркейлери ысытманы яды-ңа саярды* [37, стр. 491] '... комары-мошкара напоминали ему о лихорадке'; ... *бит-бирә ичиндә јатмасын* [29, стр. 272] '... чтобы его не беспокоила вошь-блоха'; *Ај адамлар, ај гардашлар, бут ахта бититара кан јувасыны һара дартырсыңыз?* [10, стр. 120] 'О люди, о братья, куда вы тащите это гнездо клопов-тараканов?'; *Шаһин-шунгар сүрбәнизи дағыдар* [20, стр. 15] 'Сокол-кречет разрушит вашу стаю'; *Иткин дүшдү түләк-тәрлан* [7, стр. 16] 'Пропал коршун-чоглок'; *Ей, да не дүйшер — карта-л-фуртуна!* [63, стр. 30] 'Эй, почему дерутся орел-буревестник?'; *Бағында тоты-гумрылар* [58, стр. 63] 'У него в саду попуга-игорлицы'.

III. По порядку следования или расположения. Как известно, сильные животные и птицы преследуют слабых. Именно поэтому в первом компоненте парных слов выступают названия преследуемых животных и птиц, во втором — названия преследующих, например: *сичан-пишик* 'мышка-кошка', *чаггал-чанавар* 'шакал-волк', *гарға-гузгун* 'ворона-ягнатын' и т. п.

Хотя в парных словах *ат-араба* 'лошадь-арба', *ат-фајтон* 'лошадь-фаэтон', *күл-бүлбүл*, *гүл-билбил* 'цветок-соловей' компоненты *араба*, *фајтон*, *күл*, *гүл* — неодушевленные предметы, однако принцип порядка следования (точнее, расположения) сохраняется и здесь.

Примеры:

Сичан-пишик [54, стр. 50] 'Мышка-кошка'; ... *чаггал-чанавар ады кәләндә бағрым јарылырды* [13, стр. 268] '... когда я только слышал имя шакала-волка, меня охватывал страх'; *Чопур киши*

ушағы ат-фајтон, машин јолундан алдадыб, евә јола салды [73, стр. 219] 'Рябой мужчина, уговорив ребенка, увел его с дороги, где проезжали лошади-фаэтоны, машины, и отправил домой'; *Жүл-бүлбүл ахтаран бу әсәримдән* [50, стр. 5] 'Из моего произведения, воспевающего цветок-соловья'; *Гүл-билбилден* [61, стр. 231] 'Цветка-соловья'; *Гарға-гузғун ган керүб оғланын үстүнә гонмаг истәјирди* [39, стр. 26] 'Ворона-ягнятник, завидев кровь, хотели броситься на мальчика'.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список парных слов, приведенных в статье

По возрасту	По качеству	По порядку следования или расположения
1	2	3
огшук-торум (туркм.)	аждар-шир (туркм.)	сичан-пишик (азерб.)
инәк-бузов (азерб.)	шир-нер (туркм.)	чаггал-чанавар (азерб.)
дана-бузов (азерб.)	шир-пәләнк (азерб.)	ат-араба (азерб.)
дана-долуг (азерб.)	шир-пелең (туркм.)	ат-фајтон (азерб.)
гојун-гузу (азерб.)	арслан-пелең (туркм.)	күл-бүлбүл (азерб.)
гоюн-гузы (туркм.)	аслан-гаплан (азерб.)	гүл-билбил (туркм.)
гоч-гузы (туркм.)	шир-гаплан (азерб.)	гарға-гузғун (азерб.)
тазы-гула (азерб.)	шир-гурт (туркм.)	
хоруз-бечә (азерб.)	пелең-гурт (туркм.)	
тојуг-бечә (азерб.)	ит-гурт (гагауз.)	
тојуг-чүчә (азерб.)	ит-гурд (азерб.)	
тојуг-фәрә (азерб.)	ит-пишик (азерб.)	
	ит-гуш (туркм.)	
	гурд-гуш (азерб.)	
	гурт-гуш (туркм.)	
	курт-куш (гагауз.)	
	гурд-јалгузаг (азерб.)	
	гайың-көпек (туркм.)	
	мөжек-шагал (туркм.)	
	түлкү-чаггал (азерб.)	
	тилки-шагал (туркм.)	
	нер-бугра (туркм.)	
	нер-мая (туркм.)	
	инер-мая (туркм.)	
	ат-алаша (туркм.)	
	ат-дүе (туркм.)	
	ат-мал (азерб.)	
	ат-өкүз (азерб.)	
	ат-улаг (азерб., туркм.)	
	ат-әшек (туркм.)	
	ат-ешшәк (азерб.)	
	ат-гатыр (азерб.)	
	гатыр-дәвә (азерб.)	
	гатыр-ешшәк (азерб.)	
	сығын-кејик (азерб.)	
	кейик-гулан (туркм.)	
	сүлгүн-товшан (туркм.)	
	товук-товшан (туркм.)	
	инәк-чамыш (азерб.)	
	мал-гара (азерб., туркм.)	
	мал-давар (азерб.)	
	мал-һејван (азерб.)	
	мал-гојун (азерб.)	
	инәк-гојун (азерб.)	
	гојун-кечи (азерб.)	
	гоюн-гечи (туркм.)	
	гузу-чәпиш (азерб.)	
	тоғлу-чәпиш (азерб.)	

Окончание приложения

1	2	3
	илан-чајан (азерб.) йылан-ичян (туркм.) илан-эгрэб (азерб.) илан-гурбага (азерб.) сүлүк-согулжан (туркм.) алака-сычан (туркм.) чыбын-чиркей (туркм.) бит-бирэ (азерб.) тахтабити-таракан (азерб.) шаһин-шунгар (азерб.) түлэк-төрлаң (азерб.) картал-фуртуна (гагауз.) тоты-гумры (туркм.).	

ЛИТЕРАТУРА

1. Н. Аббасзадэ. Кенерал. Бақы, 1962.
2. Азербайжан нағыллары, ч. I. Бақы, 1961.
3. Азербайжан нағыллары, ч. IV. Бақы, 1963.
4. Ж. Акылов. Мергениң оглы. Ашгабат, 1955.
5. С. Аразгулыев. Гараталпагыстан түркменлериниң нақыллары. Ашгабат, 1968.
6. А. Атажанов. Гушгы галасы. Ашгабат, 1960.
7. Ә. Ахундов. М. Н. Тәһмасиб. Ашыг Әләскәр. Бақы, 1963.
8. М. Ф. Ахундов. Әсәрләри, ч. I. Бақы, 1958.
9. Н. И. Бабоглу. Гагауз фольклору. Кишинев, 1969.
10. Б. Бајрамов. Аракәсмәләр, ч. I. Бақы, 1966.
11. Б. Бајрамов. Сечилмиш әсәрләри, ч. I. Бақы, 1968.
12. Б. Бајрамов. Сечилмиш әсәрләри, ч. II. Бақы, 1968.
13. Б. Бајрамов. Јасәмән. Бақы, 1969.
14. Б. Бајрамов. Онун көзләри. Бақы, 1964.
15. Ә. Вәлијев. Сечилмиш әсәрләри, ч. I. Бақы, 1957.
16. Ә. Вәлијев. Будагын хатирәләри, ч. I. Бақы, 1963.
17. Ә. Вәлијев. Будагын хатирәләри, ч. II. Бақы, 1964.
18. Ә. Вәлијев. Турачлыја кедән јол. Бақы, 1961.
19. Ә. Вәлијев. Гәһрәман. Бақы, 1954.
20. М. В. Видади. Әсәрләри. Бақы, 1957.
21. А. Говшудов. Сайланан әсерлер, ч. I. Ашгабат, 1955.
22. А. Говшудов. Сайланан әсерлер, ч. III. Ашгабат, 1957.
23. Героглы. Ашгабат, 1958.
24. С. Дағлы. Баһар оғлу. Бақы, 1962.
25. Х. Деряев. Ыкбал. Ашгабат, 1962.
26. А. Дурдыев. Ачар. Ашгабат, 1940.
27. Емаклар хем дегишмелер. Ашгабат, 1964.
28. Ә. Әбүлһәсән. Дунја гопур. Бақы, 1957.
29. Ә. Әбүлһәсән. Јохушлар. Бақы, 1962.
30. И. Әфәндијев. Сечилмиш әсәрләри, ч. II. Бақы, 1965.
31. Н. Әфәндијев. Вјана кечәләри. Бақы, 1965.
32. Г. Закир. Әсәрләри. Бақы, 1964.
33. М. Ибраһимов. Сечилмиш әсәрләри, ч. I. Бақы, 1954.
34. М. Ибраһимов. Бөјүк дајаг. Бақы, 1966.
35. А. Кекилов. Сөйги. Ашгабат, 1961.
36. Б. Кербәбаев. Әсерлер топлумы, ч. II. Ашгабат, 1958.
37. Б. Кербәбаев. Әсерлер топлумы, ч. III. Ашгабат, 1959.
38. Б. Кербәбаев. Небитдаг. Ашгабат, 1957.
39. Kitabı Dədə Qorqud. Бақы, 1939.
40. Магтымгулы. Сайланан әсерлер. Ашгабат, 1957.
41. Н. Мәнди. Сечилмиш әсәрләри, ч. I. Бақы, 1954.
42. Н. Мәнди. Сәһәр. Бақы, 1956.
43. Молламурт. Сайланан әсерлер. Ашгабат, 1952.
44. Г. Мусајев. Сечилмиш әсәрләри, ч. II. Бақы, 1966.
45. Г. Мусајев. Шимал күләји. Бақы, 1964.
46. Н. Нағыјев. Нәсрәт. Бақы, 1965.
47. Ә. Нәзми. Сечилмиш әсәрләри. Бақы, 1959.

48. Памбыгчылыг. Бакы, 1956.
 49. Н. Помма. Еңиш. Ашгабат, 1939.
 50. М. Раһим. Сечилмиш әсәрләри, ч. II. Бакы, 1957.
 51. С. Рәһимов. Шамо, ч. I. Бакы, 1955.
 52. С. Рәһимов. Мәһтабан. Бакы, 1968.
 53. С. Рәһимов. Күлән балыг. Бакы, 1964 .
 54. С. Рәһимов. Гафгаз гарталы, ч. I. Бакы, 1971.
 55. С. Рәһимов. Өгән күнләр дәфтәриндән. Бакы, 1946.
 56. М. Ә. Сабир. һопһопнамә. Бакы, 1960.
 57. О. Саламзада. Гызыл торпаг. Бакы, 1963.
 58. Сейди. Сайланан әсерлер. Ашгабат, 1959.
 59. Р. Сейидов. Әсерлер. Ашгабат, 1956.
 60. Б. Сейтәков. Доганлар, ч. I. Ашгабат, 1961.
 61. Б. Сейтәков. Доганлар, ч. II. Ашгабат, 1961.
 62. Б. Сейтәков. Гыз салдыгы. Ашгабат, 1962.
 63. Д. Танасоглу. Адамын ишлери. Күшинеv, 1969.
 64. Türk hikayeleri. Sofya, 1956.
 65. Ә. һагвердијев. Сечилмиш әсәрләри, ч. I. Бакы, 1956.
 66. Ү. һачыбәјов. Әсәрләри, ч. I. Бакы, 1964.
 67. Ү. һачыбәјов. Әсәрләри, ч. IV. Бакы, 1968.
 68. Ә. һүсејнзада. Аталар сөзү. Бакы, 1956.
 69. J. B. Чәмәнзәминли. Романлары. Бакы, 1968.
 70. Ч. Чаббарлы. Әсәрләри, ч. I. Бакы, 1956.
 71. Ч. Чаббарлы. Әсәрләри, ч. III. Бакы, 1958.
 72. М. Чәләл. Бир кәнчин манифести. Бакы, 1964.
 73. М. Чәләл. Сечилмиш әсәрләри, ч. II. Бакы, 1957.
 74. А. Шаиг. Сечилмиш әсәрләри, ч. II. Бакы, 1959.
 75. Краткий музыкальный словарь. Л., 1959.
 76. Турецко-русский словарь. М., 1945.
 77. Түркменче-русча сөзлүк. М., 1968.
 78. Уйгурско-русский словарь. М., 1968.
-

П. И. КУЗНЕЦОВ

„TÜRK DİLİ“, 1970

Журнал «Türk Dili» («Турецкий язык»), издаваемый Турецким лингвистическим обществом (Türk Dil Kurumu—TDK), не однажды рецензировался в «Вопросах языкознания»¹. Однако читатели «Советской тюркологии» знакомятся с ним впервые; поэтому обзору языковедческих работ, опубликованных в «Türk Dili» (далее — TD) в 1970 году, мы предположим краткие сведения о характере журнала в целом.

Судя по названию, TD должен быть преимущественно журналом лингвистическим. Впрочем, в подзаголовке читаем: *Aylık dil ve edebiyat dergisi* (Ежемесячный лингвистико-литературный журнал). Пожалуй, точнее было бы назвать журнал «литературно-лингвистическим», так как большую часть его публикаций составляют рассказы, стихи и литературоведческие работы. В частности, январский номер журнала (том XXI, № 220) открывается статьей Якуба Кадри Караосманоглу «Крупное произведение культуры», в которой старейший турецкий писатель делится своими раздумьями в связи с выходом в свет книги г-жи Арза Эрхат «İste İnsan» (перевод приписываемого Пилату выражения Ессо Ното «Вот человек»). Отметим попутно, что журнал регулярно помещает аннотации всех появляющихся на турецком книжном рынке публикаций, а многие из них рецензирует.

Значительное место на своих страницах TD отводит проблемам искусствоведения (работы по вопросам эстетики, живописи, зодчества, театра, кино и т. д.) Ноябрьский номер журнала посвящен памяти Кемаля Ататюрка. В отдельных статьях освещаются наиболее примечательные юбилейные даты. Опубликована, например, статья (см. № 220) в связи с 1100-й годовщиной со дня рождения родоначальника славянской письменности Кирилла (Константина). Заслуживает быть отмеченным внимание, оказываемое журналом наиболее видным представителям тюркологической науки, в частности — советской тюркологии. Так, в январском номере журнала опубликована статья, посвященная шестидесятилетию академика АН Азербайджанской ССР М. Ш. Ширалиева.

Что касается языковедческих работ, которые и будут предметом нашего рассмотрения, то их можно подразделить на: а) научные статьи, заметки и письма, б) работы, посвященные вопросам языковой политики

¹ Последний обзор появился совсем недавно: А. Н. Баскаков. Проблемы языкознания в журнале «Türk Dili» (1960—1970). — «Вопросы языкознания», 1970, № 6, стр. 105—109.

и языковой ситуации в стране, в) публикации на современном турецком языке произведений старых авторов (О. Ш. Гёкьяй поместил, в частности, в мартовской книжке выдержки из «Meşâirü'ş-Şuaâ» — «Трактата о знаменитых поэтах» — поэта и ученого XVI века Ашика Челеби) и г) критические статьи и реплики. Среди последних внимание привлекают статьи Ф. Девеллиоглу, О. А. А. и О. Ш. Гёкьяй², в которых дается весьма нелицеприятная критика первых выпусков «Большого турецкого словаря»³, характеризуемого как «комедия ошибок». «Было бы правильнее, — пишет Ф. Девеллиоглу, — назвать этот словарь не «Большим турецким словарем», а каким-то космополитическим словарем». Не менее сурово оценивается публикация Йылмаза Озтуна, предложившего вниманию читателей отрывки из сочинения «Tevârih-i Al-i Osman» («История династии Османа»), видного турецкого историка XV века Кемал-Паша-оглу⁴. Представляет интерес и ответ С. Юкселя своим оппонентам⁵ в связи с изданием (1965 г.) сочинения XV века, принадлежащего перу некоего Мехмеда (по мнению Дж. Озтели — автора «Kitab-ı Güzide»).

В нашем обзоре мы подробнее остановимся на собственно языковедческих работах, опубликованных журналом в 1970 г., и более бегло коснемся вопроса «языковой ситуации» в Турции, который, вероятно, заслуживает особого рассмотрения⁶.

Среди языковедческих статей, появившихся на страницах TD в 1970 г., едва ли не лучшей является работа известного автора Т. Н. Генджана «О союзе *ne... ne*»⁷. В этой сравнительно большой по объему статье Генджан не ограничивается изложением своих наблюдений и выводов, а раскрывает перед читателем также историю вопроса, приводя ряд интересных примеров, извлеченных из произведений различных авторов (начиная с XV в. и до наших дней). Ссылаясь на мнение создателей «Kavâid-i Osmaniye» («Правила османского языка») Джевдет-паши и Фуат-паши, автора малоизвестной, оставшейся в рукописи грамматики «Kıstas-ül-Lisan» («Признаки [османского] языка») Кютахьялы Абдурахмана-эфенди, а также на зафиксированные в литературных произведениях примеры употребления союза *ne... ne*, Генджан указывает, что расхождения в трактовке этого парного союза восходят к эпохе Танзимата (первая печатная дискуссия — в 1873 г.), когда некоторые авторы стали употреблять сказуемое (после указанного союза) в отрицательной форме вместо традиционной утвердительной. (Генджан склонен объяснять это явление влиянием французского языка). Эта путаница продолжается до наших дней. Любопытна в этой связи подборка примеров из произведений писателя Ф. Р. Атая, демонстрирующая полный сумбур, существующий в употреблении анализируемого союза. В сущности, дискуссионным является вопрос о форме сказуемого лишь: а) в случаях инверсии (сказуемого), б) в придаточном предложении или обороте и

² Ferit Devellioglu. Yeni bir sözlük üzerine. — TD, № 223, стр. 37—42; O. A. A. Ya tuz kokarsa? — TD, № 224, стр. 91—93; Orhan Şaik Gökyay. Beşik ulemâsi. — TD, № 224, стр. 94—109.

³ Hayat — Büyük Türk Sözlüğü, fasikül I. İstanbul, aralık 1969. Umumi Neşriyat Müdürü: Şevket Rado; İlimi kontrol: Doç. Dr. Muharrem Ergin; Redaksiyon: Yılmaz Öztuna, Şemsettin Kutlu; Yazı İşleri Müdürü: Orhan Yüksel.

⁴ Автор критической статьи (TD, № 220, стр. 285—290) под любопытным названием «Sirça köşk» («Стеклянный дворец») — намек на известную сказку — упоминавшийся уже О. Ш. Гёкьяй.

⁵ Sedat Yüksel. İşk-name üzerine açıklamalar. — TD, № 220, стр. 291—295.

⁶ См. в связи с этим статью С. А. Соколова «О некоторых аспектах изучения языковой ситуации в Турции». — В сб.: «Проблемы языковой ситуации и языковой вопрос в странах Азии и Северной Африки». М., 1970.

⁷ Tahir Nejat Gencan. Ne... ne bağlacı üzerine. — TD, № 220, стр. 264—274.

в) при наличии отрицательного или вводного оборота между *ne... ne* и сказуемым. Автор рекомендует во всех случаях употреблять сказуемое в утвердительной форме⁸; когда же это по каким-либо причинам невозможно, — заменять персидский парный союз *ne... ne* турецким парным союзом *de... de*. Однако нижеследующие примеры, приводимые самим Генджаном, делают правомерность этой рекомендации сомнительной: а) *Benimle hem-zeban olmaz ne 'irdevsi, ne Hakani* (Nefi, XVII век) 'Не являются моими соплеменниками («соязычниками») ни Фирдоуси, ни Хакани'; б) *Ne kitabı, ne de defteri bula mayınca kızdı* 'Не найдя ни книги, ни тетради, он рассердился'; в) *Bu zavallılık için ne kundak, ne birkaç bez parçası hiç bir şey hazırlanmamıştı*. (Tutuşmuş gönüller, Hüseyin Rahmi Gürpınar) 'Для этого несчастного не было приготовлено ни пеленок, ни [хотя бы] нескольких кусков материи, — [ровным счетом] ничего'.

Вряд ли в этих и аналогичных предложениях можно заменить отрицательную форму глагола утвердительной. Замена же союза *ne... ne* союзом *de... de* (или *hem... hem, gerek... gerek*) — там, где она допустима, — несколько трансформирует смысловую сторону высказывания (вместо «ни... ни» — «как... так и»). Думается, что в перечисленных выше случаях следует все же отдать предпочтение отрицательной форме глагола, как это рекомендовал в свое время Муаллим Наджи⁹.

Представляет определенный интерес полемика, развернувшаяся на страницах журнала между Т. Генджаном и Мустафой Гювели по поводу характеристики первого члена словосочетаний типа *arslan asker* 'храбрый солдат' (букв. 'лев-солдат'), *tunç bilek* 'крепкая рука' (букв. 'бронза-запястье'). Обмен репликами идет уже по «второму кругу», так как свою точку зрения Гювели изложил еще в 1969 г. (№ 210), а Генджан несколько позже (№№ 212, 213) подверг ее критическому рассмотрению. Гювели продолжает настаивать¹⁰ на том, что приведенные выше словосочетания следует квалифицировать как «прилагательную группу» (*sıfat takımı*), то есть как сочетание *прилагательное+существительное*. Генджан, по существу затрагивая в своем обзоре¹¹ проблему формы и содержания, этого конкретного вопроса касается словно бы нехотя; он замечает только, что подобные терминологические споры мало что дают «расширению и обогащению турецкого языка» и что важнее было бы, в частности, дифференцировать в смысловом отношении указанные выше словосочетания, с одной стороны, и их якобы синонимы *yigit asker, kuvvetli bilek* — с другой. Автор полагает, что в такого рода вопросах «категоричность равнозначна узости [взгляда]».

С этим мнением уважаемого автора можно согласиться лишь отчасти, так как, хотя ни одна терминологическая система не в состоянии, конечно, отобразить всего многообразия связей между отдельными элементами исследуемого целого, все же один из общих принципов научной работы состоит в группировке отдельных элементов, то есть, в конечном счете, — в их описании в научных терминах и классификации. От этого никуда нельзя уйти. Поэтому было бы, несомненно, интересно знать, воспринимается ли, например, слово *karanlık* всегда как отвлеченный предмет (ср. *karanlık bastı* 'наступила темнота') или же в определенных слу-

⁸ А. Н. Баскаков допустил неточность, приписав Т. Генджану обратную рекомендацию. См. указ. обзор, стр. 107.

⁹ См. также формулировку и примеры, приводимые А. Н. Кононовым (Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, § 1009).

¹⁰ *Mustafa Güveli. Neden ad takımı değil de sıfat takımı?* — TD, № 227, стр. 417 и сл.

¹¹ *T. N. Gencan. Dilbilgisi. Türlü sorunları — Tartışmalar...* — TD, № 229, стр. 4—8.

чаях в нем преобладает значение признака, качества (*ne karanlık gece!* 'какая темная ночь!'; *dünkü gece çok daha karanlıktı* 'вчерашняя ночь была много темнее'. Ср. еще: *su yanda* 'в этой стороне' и *şu yan sokak* 'эта боковая улица' и т. п.). Если второе предположение справедливо, то можно, очевидно, говорить о конверсии (ср. в русском: «столовая ложка» и «иду в столовую»), а следовательно, и о том, что слова типа *karanlık* «представляют» в турецком языке две части речи: существительное и прилагательное.

Среди нескольких публикаций, принадлежащих перу проф. Веджихе Хатибоглу, наибольший интерес вызовет, несомненно, статья «Строй тюркских языков и парные корни»¹². Основной ее тезис не является открытием. Уже давно — начиная с «Die Sprache» В. Вундта, если не раньше — отстаивается мысль об именном происхождении глагола. Статья Хатибоглу интересна обилием примеров, почерпнутых частично у Махмуда Кашгари и в словаре староуйгурского языка¹³. Однако некоторые параллели, проводимые Хатибоглу, неубедительны. Недостаточно мотивировано, например, объединение в пары таких слов, как *boz* 'серый цвет' и *boz-* 'портить, разрушать', *bük* 'плодородные поля по берегам рек, ...поворот' (? — П. К.) и *bük-* 'сгибать, извивать, поворачивать', *uçis* 'полет' и *uçis-* 'летать (действие, совершаемое совместно многими)', и некоторых других. Впрочем, значительная часть примеров удачно иллюстрирует основную мысль автора. Разумеется, происхождение многих глаголов от имен не вызывало и не вызывает никаких сомнений (ср. *eski* 'старый' и *eski-* 'стареть', *eksi* 'кислый' и *ekşi-* 'киснуть' и т. д.). Но нам представляется, что даже на самых ранних этапах развития язык не мог состоять из одних имен¹⁴.

Другие публикации Хатибоглу — «Существуют ли равнозначные слова?»¹⁵, «О выражениях *üstünkörü* и *yüzükoyun*»¹⁶, а также «*Görmelik* и *görmemezlik*»¹⁷ — носят характер сравнительно небольших заметок. Интересны соображения Д. Теодоридиса об этимологии выражений *anca beraber*, *kanca beraber* (*anca*=*an(t)-ça*) и *kızılca kıyamet kopmak*¹⁸ и наблюдения Энвер Наджи Гекышена над употреблением слова *yasantı* (в сравнении с *yasam*)¹⁹.

Слабым местом статей Кевсер Аджарлар («Значение пауз и ударений в турецком языке» и «Случаи употребления аффикса *mi*»)²⁰ является полное отсутствие каких-либо сведений об относящихся к теме исследования разысканиях других ученых, пусть хотя бы только турецких. Этот упрек можно, впрочем, адресовать и некоторым другим авторам. Характерной особенностью многих статей является также ссылка лишь на собственные примеры, при отсутствии иллюстраций из произведений классиков и современных писателей. В результате некоторые, порою даже и

¹² Vecihe Hatiboğlu. Türkçenin yapısı ve ikili kökler. — TD, № 224, стр. 110—115.

¹³ A. Caferoğlu. Eski Uygur türkçesi sözlüğü. İstanbul, 1968.

¹⁴ См. об этом: П. И. Кузнецов. Некоторые вопросы происхождения языка. — «Ученые записки МГИМО». Вопросы языка и литературы, вып. 5. М., 1970, стр. 86 и сл.

¹⁵ Eşanlamlı sözcükler var mıdır? — TD, № 229, стр. 9, 10. Ответ автора: не существуют.

¹⁶ Üstünkörü ve yüzükoyun. — TD, № 225, стр. 174, 175. Первое выражение Хатибоглу разлагает на *üst-ün* (вин. п.) + *kör* (*gör*)-ü (дееприч.); во втором — видит *yüz-ün* (вин. п.) + *koy-u* (дееприч.).

¹⁷ Görmelik ve görmemezlik. — TD, № 226, стр. 271, 272.

¹⁸ Dimitri Theodoridis. İki deyim üzerine. — TD, № 226, стр. 301 и сл.

¹⁹ Enver Naci Gökşen. «Yasantı» sözcüğü üzerine. — TD, № 231, стр. 238—241.

²⁰ Kevser Acarlar. Türkçede durak ve vurguların önemi. — TD, № 223, стр. 5—7; его же. «Mi» ekinin türlü kullanılışları. — TD, № 227, стр. 358—363.

существенные, моменты выпадают из поля зрения автора. Так, К. Аджарлар выделяет двенадцать случаев употребления аффикса *mi* (правда, шесть из них могут быть объединены в один пункт: вопросительная частица оформляет риторический вопрос, содержащий «обратное утверждение», типа: *Çocukun her isteği yapılır mı?* 'Разве можно выполнять любое требование ребенка?'); в то же время в сущности не упоминается сочетание этой частицы с формами *-masın*, *-maz*, *-mamış* и некоторыми другими для передачи «мгновенно-произвольного» действия (типа: — *Kaçı? diye sormasın mı?* (A. Nesin) 'А он [вдруг] возьми и спроси: «Почем?»').

Если количество собственно языковых статей и заметок в ТД является в общем-то мизерным, то проблемам, связанным с осуществлением «языковой революции» в Турции, отводится значительно больше места. Регулярно пишут на эти темы владетель журнала (от имени ТДК) Агях Сырры Левенд, Эмин Оздемир и другие сторонники очищения (*özleştirme*) турецкого языка от всех иноязычных заимствований. Разумеется, реализация этой политики²¹ является внутренним делом носителей турецкого языка и их соответствующих компетентных органов (ТДК). Мы можем лишь высказать здесь нашу собственную, сугубо личную точку зрения по данному вопросу.

Прежде всего надо отметить, что в течение четырех десятилетий, прошедших с момента объявления Ататюрком начала языковой революции (1932 г.), турецкий язык пополнился большим количеством неологизмов, успешно прошедших проверку временем. Очевидны, например, преимущества новотурецкого слова *üçgen* 'треугольник' в сравнении с его арабским синонимом *müselles* или слова *emekli* 'пенсионер' в сравнении с *mütekait*...

Осуществляя свою политику, руководители ТДК исходят из убеждения в том, что единственным критерием «правильности» или «неправильности» того или иного слова является степень его употребительности в живой речи. Если какое-либо слово, поначалу звучащее непривычно и кажущееся поэтому неправильным, постепенно входит в обиход и начинает все шире употребляться в прессе и разговорной речи, то все утверждения о его «неправильности» не имеют никакой научной ценности. Короче говоря, все зависит лишь от принятия или неприятия инновации. Тот, кто отрицает это, видимо, забывает, что язык не может не изменяться...

Полностью солидаризируясь с этими положениями, укажем только на принципиальную желательность исключительно медленного изменения литературного языка. Ведь если каждое новое поколение людей будет плохо понимать язык предыдущего поколения, то люди лишатся возможности если не общаться, то, по крайней мере, полноценно осваивать классическое наследие национальной литературы. Писатель, язык которого кажется явно архаичным, многое теряет в своем воздействии на потомков. Попытки же «обновить» языковую ткань того или иного произведения сопряжены с рядом трудностей и потерь, а подчас и вообще неосуществимы (ср. поэтические произведения)...

Возьмём в качестве примера русский язык. Хотя за последние 140--150 лет он претерпел немалые изменения, мы без труда понимаем язык А. С. Пушкина и других писателей-классиков XIX в. И вряд ли стоит сетовать на то, что в словарном составе русского языка как до А. С. Пушкина, так и после него всегда имелось значительное количество лекси-

²¹ Подробнее об этом см. указ. обзор А. Н. Баскакова, стр. 105.

ческих заимствований из тюркских и западноевропейских языков, — ведь русский язык не перестал от этого быть именно русским языком, нисколько не утратил своей самобытности.

Темпы, которыми осуществляется в последние годы изменение турецкой лексики, приводят, по всей видимости, к определенным неудобствам и для турецкого читателя, для иностранца же, специализирующегося в турецком языке и не имеющего практической возможности регулярно следить за турецкой прессой, создают, несомненно, еще большие трудности.

Учитывая острую нужду в специальном пособии, кафедра турецкого языка МГИМО создала усилиями А. А. Федосова соответствующий словарь (редактор — М. Х. Зиннатуллин)²². Однако и этот, несомненно, полезный и нужный словарь подчас не может удовлетворить читателя. Вот, например, некоторые слова из TD за 1970 г., которые автор словаря просто не успел зафиксировать: *örge* 'мотив', *yüklem durumu* (= Akku-zatif), *kuskusuz* 'несомненно', *sözgelimi* 'попутно, к примеру', *alinti* 'цитата', *alintilamak* 'цитировать', *dinlençe* (= tatil), *evlenti* 'женитьба' и т. д. Мы не приводим здесь, разумеется, тех слов, которые ежемесячно создает и (с июня 1970 г.) публикует в TD под рубрикой «Турецкие соответствия западноевропейских заимствований» комиссия в составе проф. С. Синаноглу, Т. Сарача и Э. Оздемира. Эти слова — типа *dinlenek* (= kamp), *yıldırğan* (= terörist), *özenç* (= kapris), *dogubilimci* (= organist), *durdurac* (= fren), *kur-tak* (= montaj) и прочие — еще не испытывались «на выживание», но, видимо, в ближайшее время и они войдут в газетно-языковой обиход.

Несомненно, полная «ликвидация» иноязычных заимствований — задача, прямо скажем, трудновыполнимая. Ведь многие из этих слов полностью ассимилировались в турецком языке и их иноязычность является, в сущности, условной и мнимой. Не ясно, например, чем будут заменяться фразеологизмы и устойчивые словосочетания, в состав которых входят «иностранные» слова... Можно, к примеру, вместо арабского по происхождению *münasebet* 'отношение, связь' употреблять слово *iliski*, но пройдет ли вместо *Nedir bu münasebetsizlik?* 'Что это за безобразие?' аналогичное выражение со словом *iliski*? Ведь даже проф. Хатибоглу пишет (TD, № 229), что в значении *münasebetsiz* 'безобразник' нельзя сказать *iliskisiz*, а А. Хюналп, употребляя выражение *hayatı yasamak* 'жизнь прожить' (TD, № 226), замечает в скобках: «Прошу прощения, не отважился написать *yasamı yasamak*».

Статьи, посвященные вопросам «языковой ситуации» в Турции, носят, как правило, наступательный, боевой характер. Сопrotивляющиеся «доведению до конца» языковой революции характеризуются как консерваторы и противники революционных реформ Ататюрка. Критика ведется, что называется, «не взирая на лица». Даже старейший турецкий писатель Я. К. Караосманоглу не избежал упреков в том, что, принимая в принципе языковую революцию, он в своей новой книге *Gençlik ve edebiyat hatıraları* («Воспоминания о молодости и литераторах») употребил такие слова, как *memleket* (вместо должного *ülke* 'страна'), *müessese* (*kurum* 'учреждение'), *diger* (*baska* 'другой'), *lâzım* (*gerek* 'нужно'), *mâna* (*anlam* 'смысл'), *taraf* (*yan* 'сторона'), *his* (*duygu* 'чувство'), и др.²³

²² А. А. Федосов. Турецко-русский словарь новых слов и словосочетаний. М., 1971 (ротопринтное издание МГИМО).

²³ См.: Mehmet Salihoglu. Yakup Kadri Karaosmanoglu ve son kitabı üstüne. — TD, № 222, стр. 475 и сл.

Противники языковой революции или «крайностей» в ее осуществлении тоже не сидят сложа руки, хотя и не имеют, конечно, доступа на страницы TD. Известный писатель Пейями Сафа опубликовал, например, книгу под забавным названием *Osmanlıca Türkçe Uydurması* («Османский — Турецкий — Выдуманский»). Активно выступает в печати проф. Тимурташ. Руководители TDK опубликовали в январском номере статью «Языковые ошибки „языковеда“», а позже довольно едко высмеяли ответ профессора на свои критические замечания²⁴. Околяязыковые баталии продолжаются.

²⁴ *Emin Özdemir*. Bir «dil bilgini» nin dil yanlışları. — TD, № 220, стр. 329 и сл.; *Ö. A. A. Ademe cübbe vü destâr keramet mi verir*. — TD, № 224, стр. 90, 91.

РЕЦЕНЗИИ

Ф. Р. ЗЕЙНАЛОВ. СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ В СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ*

В последние годы сравнительно-историческое изучение тюркских языков становится неотъемлемой частью азербайджанского языкознания. Одной из интересных работ в этой области является монография Ф. Р. Зейналова, посвященная малоизученному вопросу грамматики тюркских языков — служебным частям речи. Книга, подводящая итог многолетним поискам автора, написана в синхронном плане, с некоторыми диахроническими экскурсами.

Рецензируемая монография состоит из четырех частей.

В кратком введении (стр. 3—6) охарактеризованы задачи исследования, сформулированы основные принципы деления частей речи на знаменательные и служебные; уточнено место служебных частей речи в грамматическом строе огузских языков; дан анализ общих и различительных признаков, раскрыты причины этих модификаций в близкородственных тюркских языках.

Несмотря на наличие многочисленных работ по данному вопросу, теория классификации частей речи по сей день остается не до конца разработанной. Спорным является определение границ служебных частей речи. Как известно, очень часто к служебным частям речи относили наречия, местоимения и ряд аффиксов, а частицы и модальные слова оставались в стороне. Большинство лингвистов в основу определения частей речи ставило три принципа: лексико-семантический, морфологический и синтаксический, однако лексические и грамматические критерии при этом часто смешивались. Выражение абстрактного значения отдельными словами относилось к грамматическим средствам, что приводило к ошибкам при выделении служебных частей речи.

Принципам классификации частей речи в тюркских языках Ф. Р. Зейналовым посвящено специальное исследование¹. В рецензируемой монографии автор вновь возвращается к этому вопросу.

В первой части монографии (стр. 7—59) прослеживается история исследования служебных частей речи, рассматриваются закономерности перехода знаменательных частей речи в служебные и вопрос лексико-грамматического значения последних.

Для точного отграничения служебных частей речи от знаменательных первостепенное значение имеет четкое противопоставление автосемантических слов, то есть слов с полным лексическим значением синсемантическим словам, лексическое значение которых служит различным грамматическим целям.

В отличие от знаменательных, служебные части речи не обладают номинативным значением, сфера и частота их употребления ограничены, а форма — неизменна. Кроме того, история служебных частей речи сравнительно не столь давняя, поскольку они образовались из знаменательных частей речи путем абстрагирования последних. Основные признаки служебных слов детально разбираются автором монографии.

Для полного раскрытия сущности той или иной грамматической категории следует, как известно, проследить пути ее возникновения. Поскольку служебные части речи в этом отношении не составляют исключения, в работе рассматривается история возникновения отдельных служебных частей речи. Отмечается, что некоторые слова с номинативным значением, выступая вторым компонентом определенных конфигураций, утрачивают ударение и переходят в разряд вспомогательных частей речи. Это находит

* Ф. Р. Зејналов. Мүасир түрк дилләриндә көмәкчи нитг һиссәләри. Бақы, «Маариф» нәширијаты, 1971.

¹ Ф. Р. Зејналов. Түрк дилләриндә нитг һиссәләринин ән'әнәви бөлкүсү. Бақы, 1957.

выражение в употреблении служебных имен, выполняющих функции послелогов или союзов. Знаменательные части речи путем изменения своей синтаксической функции могут превращаться также в частицы и модальные слова.

Диахронический анализ союзов позволил автору прийти к выводу, что союзы в тюркских языках исторически существовали в ограниченном количестве, а их функции выполняли интонация и развитая система глагольных форм (стр. 46). Этот правильный тезис автора монографии, к сожалению, не подкрепляется данными анализа древнетюркских письменных памятников. В монографии недостаточно используются достижения тюркской диалектологии, достигшей за последнее время значительных успехов.

В тюркологии по вопросу о количестве служебных частей речи существуют разные мнения. Ф. Р. Зейналов, разрабатывая научную основу классификации служебных частей речи в тюркских языках, указывает следующие: союзы, послелоги и частицы. Кроме того, в тюркских языках имеются полнозначные слова, выполняющие функции той или другой вспомогательной части речи. Например, группа имен существительных, помимо своей основной функции, выполняет и служебную, а именно функцию послелогов: *jaп, böjür, ayuz, orta, iç, alt, üst, gabag, dal* и т. д. Ряд слов выступает в качестве союзов, а некоторые — придают словам и предложениям дополнительные оттенки. Эти лексические единицы автор характеризует как вспомогательные разряды тех частей речи, функции которых они выполняют. Некоторые из таких лексических единиц с течением времени полностью утрачивают свое лексическое значение и переходят в состав соответствующих служебных частей речи, что диахронически легко прослеживается.

Послелоги и служебные имена анализируются во второй части книги (стр. 60—164). Многие вопросы, касающиеся семантики и структуры послелогов, классификации их по происхождению, до сих пор не нашли своего разрешения в азербайджанском языкознании, да и в тюркологии вообще.

Значение послелогов определяется общим значением сочетания, в составе которого они выступают. В связи с этим послелоги делятся на две группы, при анализе каждой из которых выявляются контекстуальные значения отдельных послелогов.

Почти во всех работах послелоги в соответствии со своей структурой подразделяются на простые, производные и сложные. Однако языковые факты показывают, что все послелоги без исключения в синхронном плане остаются простыми и неизменными. Некоторые послелоги, будучи исторически производными словами (*g'öğä, gağşu, sonğa, başğa*), абстрагируясь, переходили в разряд служебных слов. Послелоги же, характеризуемые в азербайджанском языке как сложные, представляют собой не что иное, как

деепричастия (*asyly olarag, färgli olarag, ujuyn olarag* и т. д.)².

Вопрос об употреблении послелогов до сих пор остается спорным. По мнению одних тюркологов, послелоги управляют падежами имен как самостоятельная категория, по мнению других — послелоги управляют именем лишь вместе с глаголами. Мы считаем, что вторая точка зрения более обоснованна, поскольку употребление той или иной падежной формы при наличии послелога зависит не только от него, а, во-первых, от глагола, выступающего в предложении в роли сказуемого, и, во-вторых, — от общего смысла высказывания. Поэтому нам кажется правильнее употреблять термин «сочетание послелогов с именем», а не «послеложное управление». В сочетании отдельных послелогов с именем определенное значение имеет и семантика глагола. Например, большинство послелогов, приобретающих в сочетании с именем направляющее значение, тесным образом связано с глаголами движения. По нашему мнению, автору монографии следовало бы учитывать такого рода детали.

Проследивание этимологии отдельных лексических единиц вообще и послелогов в частности — весьма интересная и одновременно сложная задача. В данной области тюркологии предстоит еще сделать многое. Поэтому достаточно убедительные этимологизации отдельных послелогов, приводимые в монографии, следует отнести к заслугам автора и достоинствам книги. Интересна, например, приводимая автором этимологизация послелогов *bäri* и *sary*, где *bä*, *sa* считаются корнями (личными местоимениями первого и второго лица), а *-gi/-gu* — аффиксом направительного падежа. В западной группе диалектов азербайджанского языка встречается слово *aңgu*, которое в современном туркменском языке употребляется и как послелог, и как служебное имя. Этот послелог можно этимологизировать следующим образом: *a[ŋ]* (личное местоимение третьего лица) + *-gu* (аффикс направительного падежа). Рассмотренные послелоги, образованные от личных местоимений единственного числа, являются наиболее древними. Что касается этимологии послелога *kimî*, то с Ф. Зейналовым согласиться трудно. По его мнению, данный послелог происходит от *kîr* 'похожий', 'подобный', конечный же гласный *-î* автор считает аффиксом принадлежности третьего лица. Но как в таком случае объяснить *-ig* в составе послелога *kibig* (с тем же значением), употребляющегося в других тюркских языках? По нашему мнению, *-î* в составе послелога *kimî* — не что иное, как остаток четырехвариантного словообразующего аффикса *-yg*, например, туркм. *janlyg > jaly* 'как'.

² См. об этом подробно: А. Әбилов. Гошмаларын тәснифи мәсәләсинә даир. — «Ученые записки АГУ», серия языка и литературы. Баку, 1969, № 1—2, стр. 94—95.

‘подобно тому, как’: азерб. *ajug* > *aju* ‘медведь’, *ölüg* > *ölü* ‘мертвый’, *garug* > *garu* ‘дверь’ и др. Н. К. Дмитриев возводит послелог *kimik* (*kimî*) в кумыкском языке к слову *gimik* (>*kimik* > *kibik*)³. Конечный согласный здесь легко выпадает.

Вопрос о разряде послелогов — служебных имен — в тюркологии разработан мало, а в азербайджанском языкознании вообще не затрагивался. Служебные имена обозначают поверхность, верх, низ, переднюю, крайнюю и удаленную части предметов, пространство вокруг предметов и между двумя предметами⁴ и т. д. Слова, относящиеся к этой группе, в тюркологии рассматриваются как послелого-имена. Однако принципы классификации частей речи в тюркских языках не позволяют считать служебные имена полноправными послелогоми. Отметим, что служебные имена развиваются в сторону послелогов. В рецензируемой работе данная группа лексических единиц рассматривается в сравнении с собственно послелогоми.

Хорошо написана глава, посвященная частицам и модальным словам. Несмотря на то, что в последние годы этим вопросам посвящено немало работ, указанная проблема пока не разрешена. Автор на богатом фактическом материале анализирует семантические и структурные особенности модальных слов и частиц.

Отметим некоторые имеющиеся здесь, на наш взгляд, спорные моменты. Например, слово *ikân* автор считает синонимом *indî ki* ‘раз так’. По нашему мнению, *ikân*, присоединяясь к именам и глаголам (например, *müâllim ikân* ‘будучи учителем’, *jazyrkân* ‘пока писал’), относит их к определенному времени, тогда как частицы не выражают временных отношений.

Неубедительна и мысль о том, что модальные слова *âlbättâ* ‘конечно’, *hök’mân* ‘обязательно’, *hâgigâtân* ‘действительно’ образованы от наречий.

Автор четко ограничивает модальные слова от словосочетаний, выражающих модальные оттенки, но конкретно не указывает, к какой категории относятся последние.

В работе впервые проводится четкая грань между модальными и вводными словами, то есть между морфологической и синтаксической категориями.

Заслуживает внимания как по содержанию, так и принципам классификации раздел, посвященный частицам. Частицы делятся по значению на несколько групп. Автор правильно указал на роль частиц в тюркских языках в передаче нюансов значений.

Последний раздел монографии посвящен союзам. Учитывая путаницу, существующую в вопросе соотношения союзов и послелогов, автор указывает отличительные черты союзов как в синтаксическом, так и морфологическом плане. Отмечается неправильность их классификации по структуре, так как морфологический состав союзов не изменяется. Автор делит союзы на простые и составные (стр. 272), считая неправомерным говорить о производных союзах.

Общим недостатком монографии является то, что, касаясь истории отдельных вопросов, автор делает выводы, не всегда подкрепленные языковыми фактами и не вытекающие из предыдущего изложения (стр. 40, 46, 60 и др.). Как в конце монографии, так и после отдельных ее разделов обобщающие выводы автором не формулируются.

Хотелось бы, чтобы автор в дальнейшем продолжил изучение исторического развития служебных частей речи, так как диакронный аспект позволяет правильно определить их сущность и разрешить некоторые существующие в этой области спорные вопросы. В связи с тем, что многие служебные слова в прошлом являлись знаменательными частями речи, было бы полезно проследить также пути перехода знаменательных слов во вспомогательные.

В целом книга Ф. Р. Зейналова, благодаря своим несомненным достоинствам, заслуживает пристального внимания тюркологов, прежде всего занимающихся исследованиями в области сравнительной грамматики тюркских языков.

З. И. Будагова, Г. К. Кулиев

Дж. В. КАГРАМАНОВ. ЛЕКСИКА «ДИВАНА» НАСИМИ*

Азербайджанский язык принадлежит к числу тюркских языков, богатых письменными памятниками. Изучение и издание этих памятников имеет весьма важное зна-

чение для исследования истории азербайджанского языка. Однако в этой области предстоит сделать еще многое. К сожалению, до сих пор продолжают оставаться неизданными диваны таких поэтов, как Кишвери (XV в.), М. Амири (XVII в.), прозаические памятники XVI века «Шухаде-

³ См.: Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 89.

⁴ См.: Н. А. Петров. Служебные имена в якутском языке. — «Материалы первой научной конференции молодых специалистов», секция гуманитарных наук. Якутск, 1961, стр. 71.

* Чапанкир Гәһрәманов. Нәсими «Диваны»нын лексикасы. Баку, «Елм» нәшријјаты, 1970.

наме», «Тезкере Шейха Сафи» и многие другие.

Однако в последнее время работа по изданию классического наследия значительно оживилась.

Весьма плодотворно в области публикации памятников работает Дж. В. Каграманов. Еще в 1964 году им было издано фотофаксимиле памятника XV века «Асрарнаме» с глоссарием и комментариями. К наиболее значительным изданиям следует отнести также подготовленную им «Лексику „Дивана“ Насими». В основу этого труда был положен список «Дивана», относящийся к XVI веку. Автор остановил свой выбор на этом списке, как на наиболее полном и древнем из хранящихся в Советском Союзе. К тому же все слова приведены в нем с огласовкой и диакритическими знаками. Судя по некоторым признакам, переписчик-каллиграф, работавший над рукописью, сопоставлял несколько списков, дополнял и совершенствовал текст.

Дж. В. Каграманов стремился охватить всю лексику «Дивана» Насими. Приведенные им в арабском написании и расположенные согласно арабскому алфавиту лексические единицы транслитерированы и сопоставлены с соответствующими эквивалентами из современного азербайджанского литературного языка.

В отличие от многих других глоссариев аналогичного характера, в рецензируемую книгу включены не только исконно тюркские, но также встречающиеся в «Диване» арабские и персидские слова и устойчивые словосочетания, лексические значения которых толкуются автором.

Известно, что в произведениях Насими, одного из ярких представителей хуруфизма, литературно-философского течения его времени, ряд слов и словосочетаний носит индифференциальный характер. Автор «Лексики» это учитывает и не ограничивается передачей только номинативного значения таких слов или словосочетаний, по мере возможности толкуя и разъясняя их скрытое значение, проявляя при этом свою обширную эрудицию в области теологии ислама.

Впервые в азербайджанском языкознании исконно тюркская лексика письменного памятника азербайджанского языка сопоставляется с лексикой ряда общетюркских памятников и письменных источников других тюркских языков. Автор последовательно сравнивает лексику языка «Дивана» Насими с лексическим материалом известных словарей В. В. Радлова и Л. З. Будагова, с лексикой среднеазиатского тefsира XII—XIII вв., «Дивана» Махмуда Кашгари, памятников древнетюркской письменности и т. д.

К достоинствам рецензируемой книги следует отнести и то, что толкование лексических значений заглавных слов подтверждается соответствующими цитатами. Все примеры в книге приведены в арабской графике

(то есть воспроизводят подлинник) и транслитерированы.

При всех бесспорных достоинствах работы следует отметить и некоторые ее недостатки. Лексика «Дивана» Насими словником охвачена не полностью. Так, например, *inzāl* — 'становиться тонким', *jöñāl* — 'направляться', *uçu* — 'уснуть', *irîş* — 'достичь' и ряд других исконно тюркских слов, встречающихся в «Диване», почему-то не нашли места в рецензируемой книге.

Некоторые формы иногда рассматриваются автором как самостоятельные слова и им посвящаются отдельные словарные статьи. Ср.: *bilisär* 'узнает' || *bilmäjisär* 'не узнает', где первое слово является формой будущего категорического времени, характерной для эпохи Насими, второе — отрицательной формой того же времени от глагола *bil* — 'знать'. На странице 403 форма отрицания неопределенного будущего времени от глагола *go* —, то есть *gomaz*, рассматривается самостоятельно, обособленно от глагола.

Имеются случаи, когда производные слова не выносятся в самостоятельную словарную статью, неоправданно включаются в статью, посвященную образующему их корню или основе. Слово *aylajüzü* 'плачущий', например, приводится вместе с глаголом *ayla* — 'плакать'. Ряд слов толкуется автором неверно: персидское слово *aşub* 'коварство', например, рассматривается как форма деепричастия от исконно тюркского глагола *aş* — 'переходить' (стр. 41), слово *ädvär* (множественное число от *dövg* 'песня') как *ätvär* 'состояния' (стр. 75). Достоверным является текст:

مقاماتن بیان ایلہ اصولن
گستر ادوارن
'Изложи суть макамата *ادوارن* (мелодии), покажи основы песен', а не
مقاماتن بیلن ایلہ اصولن گستر اطوارن

Слово *bilis* приводится дважды: на стр. 141 неверно, как «знание», а на стр. 154 — правильно, как «знакомый».

Устойчивое глагольное сочетание *bel baylamak*, означавшее в эпоху Насими «быть готовым», в рецензируемой книге толкуется в его современном значении, то есть «надеяться» (стр. 154).

Насими, как известно, с большим мастерством использовал в своем творчестве различные приемы стихотворной техники. Поэтому в следующем двустишии:

Xälk'ün ämäli azdy, k'öñüljykyzy ög'üs,
Bir xəstə k'öñüljaryzy me'mar bulunmaz
'Люди сбились с пути истины, много
разбивающих сердце,
Не найдется строитель — излечивающий
(досл. строящий) большое сердце' —

поэт, несомненно, *k'öñüljykyzy* (досл. 'сердцеразрушающий') противопоставляет антонимичному *k'öñüljaryzy* (досл. 'сердцестроящий').

На страницах 39 и 538 слово *juķūz* 'разрушающий' передается Дж. В. Каграмановым как *jaķūz* 'сжигающий'.

На стр. 389 автор указывает, что якобы в «Диване» Насими имеется глагол *gajγu-* со значением «возвращаться», «вернуться», «бояться». В подтверждение автор приводит два примера из «Дивана» Насими:

Jar jolynda öür isäm häg bilir gajγumazam...

‘Если даже умру ради возлюбленной, бог знает, что не вернусь...’ и

Toγrydyr jaryγ joly, toγry, gajγuma jarādān...

‘Верен путь возлюбленной, верен, не бойся раны...’.

Нам кажется, что в данном случае речь идет о глаголе *gajγu-* ‘горевать’, ‘печалиться’, а не глаголе *gajγu-*. Не в пользу автора свидетельствуют и другие используемые им источники. На стр. 32 второго тома словаря Л. З. Будагова, на который ссылается автор, имеется глагол *gajγu-*, а не *gajγu-*, с пометой **джагатайский и татарский**. Нельзя было оставлять без внимания третье значение данного глагола, приводимое Л. З. Будаговым, — «заботиться», с допол-

нительной ссылкой на слово *gajγu*. Глагол *gajγu-* и имя существительное от того же корня *gajγu* в юго-западной группе тюркских языков означают «горевать», «печалиться» и «горе», «печаль». В результате семантического сдвига они приобрели значения «заботиться» и «забота». На стр. же 410 книги С. Е. Малова «Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии» и на стр. 194 «Лексик среднеазиатского тевфиса XII—XIII вв.» А. К. Боровкова, к которым отсылает читателя Дж. В. Каграманов, вообще такого глагола нет.

Один и тот же пример иногда по-разному транслитерируется. Например, на стр. 196: *Dällalä ŷuyγ, g’äl, de k’i bazarumi buldum*; на стр. же 246 — *Dällalä ŷuyγg’il, de k’i, bazarumi buldum*.

Приведенные выше отдельные замечания никоим образом не могут повлиять на общую положительную оценку рецензируемой работы. Специалист-тюрколог, занимающийся историей азербайджанского языка, азербайджанской средневековой литературы, философии хуруфизма, сможет почерпнуть из данной книги много полезного для себя.

М. Ш. Рагимов, В. И. Асланов

А. Г. КАРИМУЛЛИН. У ИСТОКОВ ТАТАРСКОЙ КНИГИ (ОТ НАЧАЛА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДО 60-х ГОДОВ XIX В.)*

Исследование А. Г. Каримуллина посвящено малонисследованной истории возникновения татарского книгопечатания. Автор изучил фонды крупнейших библиотек Казани, Ленинграда и Москвы, каталоги и библиографические указатели отечественных и зарубежных авторов, документы местных и центральных цензоров и цензурных комитетов, материалы многих архивов.

Автор сообщает, что большая часть древних татарских рукописей хранится в библиотеках и фондах Англии, Австрии, Германии, Венгрии, Швеции, Чехословакии и даже Америки. Он высказывает также предположение, что, видимо, паломники и путешественники заносили татарские рукописи и в Египет, Турцию, Индию, Персию, Китай и другие восточные страны. Эти рукописи, несомненно, могли бы стать предметом специального исследования.

Важное значение имеет довольно большой раздел рецензируемой книги о возникновении в Западной Европе книгопечатания на арабском алфавите и первых печатных изданиях на татарском языке.

До выхода рецензируемой работы большинство исследователей считало, что книго-

печатание на татарском языке возникло во второй половине XVIII в. А. Г. Каримуллин же доказывает, что первая книга на арабском алфавите с кыпчакско-татарским текстом языковедческого характера, была издана в 1612 году в Лейпциге профессором Иеронимом Мегисером.

Автор пишет, что из книг, изданных в Западной Европе в XVII веке на татарско-кыпчакском языке, пока изучены лишь хранящиеся в отечественных фондах. Для дальнейшего углубленного исследования проблемы «требуется работа с архивными материалами миссионерского движения периода «Священной Римской империи», архивами типографий, издававших эти книги, зарубежными источниками...»

Книга А. Г. Каримуллина вводит в научный обиход новые, ранее малоизвестные источники. Все указанные им книги находятся в библиотеках Советского Союза, что открывает широкие возможности для дальнейшего изучения истории татарского языка, литературы и фольклора XVI—XVII вв. Эти материалы могут оказать также большую помощь и при изучении истории других тюркских языков, входящих в кыпчакскую группу. Кроме того, названные в работе А. Г. Каримуллина источники могут быть использованы и при изучении некото-

* Казань, Татарское книжное издательство, 1971.

рых общих проблем, в частности, вопроса об этногенезе современных татар.

Далее автор широко освещает возникновение книгопечатания арабским шрифтом в России. Это событие рассматривается в связи с общественно-политическим развитием страны в целом, с преобразованиями, осуществленными Петром I. А. Г. Каримуллин первым гравированным изданием на татарском языке, появившемся при Петре I, считает «Манифест» царя от 22 февраля 1711 года. Первым же наборным изданием на татарском языке также является царский «Манифест» 1722 года, связанный с персидским походом Петра I. Этот манифест был подготовлен и издан тогдашним ученым, автором ряда работ по истории крымским татаринном Дм. Кантемиром, братом видного русского писателя XVIII века Антиоха Кантемира.

Изучение восточных народов и их языков в России, начатое при Петре I, продолжалось и во второй половине XVIII века. Были открыты учебные заведения с восточными классами. В связи с этим возник вопрос об учебниках. В 1778 году в типографии Московского университета была издана первая печатная азбука, составленная преподавателем татарского языка Первой Казанской гимназии Сагитом Хальфиным.

В XVIII веке были заложены основы нового этапа в развитии культуры татарского народа — появилось татарское книгопечатание. Оспаривая ранее высказанные мнения о времени открытия первой татарской типографии, автор на основе документальных данных доказывает, что она открылась в 1800 году. Это значит, по словам автора, что «татары вторыми среди тюркских народов мира, первыми среди тюркских народов России сами приступают к наборному книгопечатанию».

Известно, что Казанский университет, открытый в 1804 году, сыграл огромную роль в просвещении народов Поволжья, в сближении русского народа со многими народами Востока, в развитии науки. Университет приобрел огромное значение и в развитии востоковедения. В первой половине XIX века при университете были открыты кафедры турецко-татарского, монгольского, китайского, армянского языков и санскрита.

Ученые-востоковеды занимались не только преподавательской работой, но и вели исследования в области истории, литературы и изучения языков восточных народов. Среди изданных книг немало было и татарских.

В исследовании А. Г. Каримуллина приводятся подробные сведения об изданиях открытой в 1809 году университетской типографии. В работе приводятся богатые источниковедческие данные по различным отраслям гуманитарных наук. Автор указывает, что типография Казанского университета к середине XIX века стала одной из наиболее известных типографий России. Там печатались книги на многих языках.

А. Г. Каримуллин пишет, что татарская книга подвергалась жестоким гонениям со стороны царской администрации, святейшего синода, иногда даже самого царя. Особенное рвение при этом показывали христианские миссионеры. Но несмотря на все это, татарское книгопечатание продолжало развиваться. С 1801 по 1850 год в Казани была издана всего 401 татарская книга. Весьма любопытно, что каждая третья из издававшихся в то время в провинции книг была татарской.

Последняя глава рецензируемой книги рассказывает о тяжелых и драматических перипетиях борьбы за создание татарской периодической печати. Как известно, первая татарская газета вышла 2 сентября 1905 года под названием «Нур» («Луч»). Борьба же за создание периодической печати, в которой принимали непосредственное участие передовые деятели русской и татарской культуры, началась за сто лет до этого. В течение XIX века было предпринято около двух десятков безуспешных попыток открыть газету или журнал на татарском языке. Царское самодержавие всячески противилось этому.

Написанная остро и полемично, книга А. Г. Каримуллина раскрывает доселе малоизвестные стороны развития татарской культуры. Думается, что она будет небезынтересной и для всеобщего читателя.

В упрек изданию можно поставить его недостаточно тщательно отредактированный язык.

Ф. Урманчеев

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ТРЕТЬЯ ПОВОЛЖСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ОНОМАСТИКЕ

С 21 по 24 сентября 1971 года в г. Уфе проходила Третья поволжская конференция по ономастике, организованная Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР и Башкирским госуниверситетом им. 40-летия Октября. В ней приняли участие научные работники и преподаватели вузов из четырнадцати городов Поволжья, а также Москвы, Ленинграда, Баку, Перми, Одессы, Нальчика, Кокчетав, Чимкента, Целинограда, работники загсов Башкирии и Татарии.

На пленарных заседаниях и заседаниях тематических групп было прослушано 93 доклада по топонимике, антропонимике, этнонимике, космонимике, зоонимике, стилистическим функциям личных имен и топонимов в художественной литературе и фольклоре, а также по вопросам составления ономастических словарей. Доклады были построены на материале тюркских, славянских, финно-угорских и иранских языков.

Наибольшее число докладов (более сорока) было представлено по топонимике, часть из них носила региональный характер.

Отдельным вопросам изучения топонимии Башкирии в порядке постановки проблемы посвятил свой доклад *А. А. Камалов* (Уфа).

Л. А. Тюменцева (Астрахань) в докладе «К стратиграфии топонимии Астраханской области» отметила наличие следующих языковых напластований: самый ранний слой — тюркский, затем — калмыцкий и наиболее поздний по времени образования — русский. Докладчик допускает присутствие здесь и иранского субстрата.

Д. Е. Горелик (Астрахань), выступивший с докладом «К изучению топонимии Нижнего Поволжья», осветил отдельные вопросы изучения этого региона, рассмотрел словообразовательные типы русских топонимов Нижнего Поволжья.

Историко-географические черты топонимов Чувашии описал в своем докладе *Ф. А. Карягин* (Горький). *М. И. Скворцов*

(Чебоксары) проследил историю отдельных чувашских топонимов. Лингвистическому анализу ойконимов были посвящены доклады *А. Э. Мубиновой* (Чебоксары) «Лингвистический анализ ойконимов Татарской АССР» и *А. А. Сабикановой* (Чебоксары) «Лингвистический анализ ойконимов Чувашской АССР».

Названия населенных пунктов Коми АССР с точки зрения способов их называния рассмотрел *В. Н. Белицер* (Москва). Мордовские топонимы Атяшевского района Мордовской АССР, среди которых преобладают названия лично-именного происхождения, стали предметом разбора в докладе *И. К. Инжеватова* (Саранск). Названия удмуртских населенных пунктов Башкирии проанализировал в своем сообщении *Р. Ш. Насибуллин* (Москва).

Известно, что топонимы, будучи своеобразной категорией в системе лексики, активно участвуют в словообразовании. Поэтому одно из важных мест в топонимических исследованиях занимает вопрос образования собственных имен и названий. В этом свете привлек внимание доклад *О. А. Султаньяева* (Кокчетав) «О русских топонимах с тюркскими основами», построенный на материале северных областей Казахстана. Исследуя этот вопрос, автор пришел к совершенно верному выводу о том, что в связи с распространением двуязычия в результате взаимодействия языков будут развиваться и смешанные топонимобразования. Определенный интерес представил доклад *Дж. Н. Кокова* (Нальчик) «О тюрко-монгольских опосредованиях в топонимии Центрального и Западного Кавказа». В сообщении *Р. В. Бабушкиной* (Саранск) «Топонимы в словообразовательной системе мокша-мордовского языка» был дан обзор мокша-мордовских (неофициальных) топонимов, рассматривалась их грамматическая структура. В выступлении *В. Ш. Псянчина* (Уфа) рассматривались структурные модели башкирских ойконимов

(оронимы однословные; оронимы, образованные путем словосочетания — определение+определяемое; оронимы, состоящие из словосочетаний с изафетной формой связи).

Структурно-семантической характеристике глагольных микропонимов Башкирии посвятил свое выступление *М. В. Зайнуллин* (Уфа). Вопросы взаимосвязи топонимии с диалектологией были поставлены в докладах *Н. Х. Ишбулатова*, *У. Ф. Надергулова* и *М. И. Дильмухаметова* (Уфа).

Т. М. Гарипов (Уфа), проанализировав свыше 650 названий населенных пунктов Башкирии, исчезнувших за последнее десятилетие из официального словоупотребления, привел конкретные данные о частом несопадении лингвистических характеристик соответствующих топонимов.

В. Х. Мустафин (Уфа) проанализировал названия населенных пунктов Башкирской АССР по формально-словообразовательной характеристике с исходами *-ly*, *-dy*, *-zy*.

А. М. Азнабаев (Уфа) в докладе «Древнейшие аффиксы словоизменения (множественного числа) в топонимических названиях Башкирии», применяя сравнительно-исторический и структурный методы исследования топонимов, указал на наличие в их составе древнейших аффиксов множественного числа. Так, аффикс *-la* в составе оронима *Одон Kyrta* является, по мнению автора, предшественником современного *-lar*. В орониме *Ural* выделяется основа *ura||ürä* (ср. башк. *ür* 'невысокая гора', эвенк. *ürä* 'гора') и древнейший аффикс множественного числа *-l*, сохранившийся в том же значении в тунгусо-маньчжурских языках.

Семантическую структуру имен прилагательных, образованных от географических названий (на примере прилагательного «московский»), подверг анализу *В. Н. Немченко* (Горький). В докладе *И. В. Власовой* (Москва) «Ареалы топонимических формантов Северного Заволжья» с помощью картографирования было прослежено распространение топонимов с формантами *-ixa*, *-ata*, *-jata* в Заволжских землях и их проникновение из бассейна волжских рек в бассейн Северной Двины.

Г. П. Смолицкая (Москва) в докладе «Форманты гидронимии Нижнего Поочья» выделила несколько типов субстратной гидронимии (на *-ньга*, *-юга/-юг*, гласн. *-а(г)*, *-ур*, *-ор*, *-ар*, *-кса*, *-кша*, *-ара*, *-ус*, *-ос*, *-ас*) с ареалами распространения в Нижнем Поочье.

В сообщении *Ю. П. Чумаковой* (Уфа) «К вопросу об отражении основы «холуй» в топонимии» говорилось о названиях с термином «холуй» в основе со значением «речная коса из наносного материала».

О методике работы по картографированию и интерпретированию ареалов топонимов на *-ixa* в Среднем Поволжье рассказал в своем сообщении *В. А. Кучкин* (Москва).

Проблемы словообразования топонимов были рассмотрены в докладах *С. В. Фроловой* (Куйбышев) «О продуктивности йото-

вой топонимической модели», *Г. В. Агаповой* (Саратов) «Об особенностях общерусского топонимического типа», *Р. И. Тихоновой* (Куйбышев) «Морфологическая структура топонимов (на материалах Куйбышевской области)», *А. Э. Хмелевского* (Уфа) «Особенности словообразования топонимов».

О личных мордовских именах в топонимии Горьковской области и некоторых вопросах формирования ее населения рассказывал в своем выступлении *Л. Л. Трубе* (Горький).

С. Я. Макарова (Пенза) выступила с докладом, посвященным неисследованному до сих пор вопросу о перифрастических топонимах типа «зеленый континент» (Австралия), «вечный город» (Рим), «мать русских рек» (Волга), используемых в качестве вторичных имен собственных.

В сообщении *А. А. Камалова* и *М. Ф. Хисматова* (Уфа) излагались основные принципы составления «Топонимического словаря Башкирской АССР». В другом сообщении этих же авторов — «О наименованиях и переименованиях в топонимии Башкирской АССР» — были проанализированы особенности названия башкирами географических объектов, вскрыты ошибки и искажения в написании, наименовании и переименовании топонимов.

С. С. Губаева (Москва), назвав свой доклад «Против топонимических иллюзий», показала на конкретных фактах необходимость более вдумчивого подхода к реконструкции и этимологизации топонимов.

В докладе «О критериях разграничения микропонимии, мезотопонимии и макротопонимии» *Ю. Г. Вылежнев* (Пермь), в связи с отсутствием до настоящего времени строго научного разграничения этих понятий, дал свое определение терминам и критически рассмотрел определения, ранее введенные в научный обиход. По его мнению, основным критерием определения микро-, мезо- и макротопонимии следует считать социальную значимость географического объекта, его удельный вес в жизни общества, степень известности, тогда как до сих пор критериями определения являлись физическая величина, размеры объекта.

В докладе *Ю. Г. Вылежнева* и студентов Пермского госуниверситета *Т. М. Григорьевой*, *З. А. Никитиной* и *Т. А. Щеткиной* «Опыт расчета топонимических границ» разбирались вопросы методики обработки топонимического материала. Докладчики высказались за предпочтительность картографического метода.

По микропонимии было сделано четыре доклада: *Т. А. Исаевой* (Горький) «Топонимия Нижнего Новгорода — г. Горького», *Р. З. Шакуровым* (Уфа) «Микропонимия бассейна озера Асылыкуль», *Р. С. Ширманкиной* (Саранск) «Микропонимия сел Напольная Тавла и Подлесная Тавла Кочкуровского района Мордовской

АССР» и А. С. Крюковым (Уральск) «Из материалов по микрогидронимии р. Урал».

Несколько докладов было посвящено этимологии отдельных топонимов. К их числу относились доклады И. Г. Добродомова (Москва) «Происхождение топонима Астрахань»; Ф. И. Гордеева (Июшкар-Ола) «О происхождении гидронима Илеть»; В. И. Тагуновой (Муром) «Происхождение названий городов Муром, Суздаль»; В. А. Кучкина (Москва) «О происхождении названия Нижний Новгород».

Определенный интерес для топонимии тюркских народов представлял доклад А. А. Гусейнзаде (Баку) «К этимологии топонима Кушчу». Название Кушчу распространено далеко за пределами Советского Азербайджана. Племя кушчу, к названию которого, по мнению докладчика, восходит указанный топоним, было, очевидно, одним из основных тюркоязычных этнических образований, участвовавших в этногенезе не только азербайджанского, но и киргизского, узбекского, башкирского народов.

Тридцать докладов и сообщений было посвящено проблемам антропонимии.

В докладе В. А. Никонова (Москва) «Основные процессы в антропонимии татар и башкир сегодня» прослеживалась тенденция сужения именника у этих народов, значительно более обширного по сравнению с русским именником, и были выделены десять наиболее употребительных мужских и женских имен. Докладчик высказал мысль, что в антропонимии некоторых тюркских народов происходит развитие категории рода.

В. Д. Бондалетов (Пенза) в докладе «Статистическая структура русского именника» определил объем общерусского личного именника XX века (около 6 тыс. имен), привел набор наиболее популярных имен с указанием контингента их носителей: первые пять из этих имен обслуживают 50% носителей, а первый десяток — до 70%. Докладчиком установлено, что общая статистическая структура именника остается устойчивой на протяжении веков.

В докладе Н. А. Баскакова (Москва) «Русские фамилии тюркского происхождения» говорилось о тюркской основе таких фамилий, как Ермолов, Бирюков, Каблук, Балашов, Келдыш, Кутайцев, Кандалинцев.

Т. М. Гарипов (Уфа) посвятил свой доклад древним кыпчакским именам в современной антропонимии башкир, как весьма ценному и самобытному пласту, восходящему к самым глубинам этноса. Кыпчакские имена обладают прозрачной семантикой и легко членимой на морфемы структурой (чаще двусловной).

С докладом «Персидские элементы в башкирской антропонимии» выступила Н. Д. Гарипова (Уфа), рассмотревшая имена персидского происхождения в семантико-этимологическом, фонетическом и частично стилистическом аспектах. По мнению док-

ладчика, фарсизмы появились в башкирском языке независимо от арабизмов.

Взаимоотношение терминов родства и личных имен у башкир рассматривалось в докладе Н. В. Бикбулатова (Уфа). Докладчик рассмотрел эту проблему в двух аспектах: 1) взаимосвязи системы имен с номенклатурой родства в речевой ситуации; 2) генетической связи некоторых антропонимов с отдельными терминами родства. В докладе приводились факты перехода родственных терминов в разряд антропонимов, в то же время отмечалась ограниченность такой возможности, поскольку каждый термин должен пройти в таком случае длинный и сложный путь переосмысления.

Т. Х. Кусимова (Уфа) в докладе «Антропонимы в башкирских шеджере», основанном на материале шеджере (родословных), относящихся к XVI—XVIII векам, пришла к выводу, что структура древнебашкирских имен совпадает со структурой древнетюркских. В докладе приводились также данные о сходстве обычаев при наречении именем у некоторых тюркских народов.

З. Г. Ураксин (Уфа), говоря о башкирских антропонимах этнического происхождения, выделил два пласта этно-антропонимов: общеалтайский и собственно башкирский. Докладчик высказал мысль, что в древности этническое и личное имена должны были быть общими. В другом сообщении докладчик уделил внимание особенностям употребления топонимов и антропонимов в составе фразеологических единиц башкирского языка.

В своем сообщении, построенном на материале исторических, юридических и деловых документов XVIII века, Р. Х. Халикова (Уфа) отметила, что имена башкир в тот период были многокомпонентными и указывали на родовую принадлежность, занятие, характер, внешний вид и прозвище носителя.

В докладе Ф. Ф. Илимбетова (Уфа) было проанализировано происхождение личных имен с компонентами ййге 'волк', ет 'собака', ажу 'медведь', связанных с тотемистическими представлениями предков башкир. Докладчик попытался локализовать районы происхождения и формирования этих представлений.

Один из важных практических вопросов современной антропонимии — транслитерация башкирских личных имен в русской графике — был затронут в докладе К. З. Закирьянова (Уфа). Докладчик сделал попытку установить нормы русских написаний башкирских личных имен с учетом фонетических систем обоих языков.

Г. Ф. Саттаров (Казань) в докладе «Оглагольные антропонимы в татарском языке» говорил о татарских именах, фамилиях и прозвищах, в состав которых входят глагольные формы, осветив этот вопрос в структурно-грамматическом и семантическом аспектах.

Доклад *Р. Х. Субаевой* (Казань) был посвящен формированию антропонимического имени, общего для русского, татарского и башкирского языков, основу которого, по ее мнению, составляют новые, интернациональные имена.

И. В. Большаков (Казань) свой доклад о выборе личных имен в русских и татарских семьях построил на материале органов загса г. Казани за 1960—1970 годы. Он привел также данные об изменении употребительности отдельных имен, отметив пополнения именина некоторыми обновленными старыми именами.

На основе анализа данных загсов г. Казани *Ф. М. Куприянова* (Казань) показала, что при выборе имен в национально-смешанных семьях предпочтение отдается интернациональным именам.

В. К. Кельмаков (Ижевск), исследовавший в историческом разрезе развитие удмуртской антропонимии, сообщил, что им в последней выделяются три пласта, отражающих три этапа в ее развитии: собственно удмуртский, тюркский и русский.

В докладе, посвященном структуре мордовских дохристианских личных имен с суффиксом *-мас*, *Д. Т. Надькин* (Саранск) предложил два варианта происхождения этого суффикса: от личного имени *Маска* с последующей утратой *-ка*, или в результате слияния суффикса имени действия на *-ма* и суффикса *-с*.

Доклад *Т. П. Федянович* (Москва) «Утрата имени новобрачной у мордвы» был посвящен своеобразному свадебному обряду мордвы — наречению молодой невестки новым именем в семье мужа. Этот обряд, бытовавший в прошлом у всей мордвы, сейчас стал специфической чертой только мокшанской свадебной обрядности.

Во втором докладе того же докладчика говорилось о принципах образования и причинах сосуществования систем официальных и неофициальных фамилий у мордвы.

Выступивший с докладом о происхождении фамилий у мордвы *Н. Ф. Мокишин* (Саранск) связал появление фамилий с христианизацией, сообщив, что в исторических документах фамилии фиксировались с XVI, а в массовом порядке — с XVIII века.

Вопросы исторической антропонимии были поставлены в докладах *Г. Я. Симиной* (Ленинград) «История отчества» и *М. Е. Бычковой* (Москва) «Традиционные личные имена боярских родов XV—XVI вв.».

Исследованию антропонимических формантов были посвящены доклады *Е. Ф. Данилиной* (Пенза), *О. И. Александровой* (Куйбышев), *Т. А. Исаевой* (Горький).

В ряде докладов говорилось о результатах наблюдений над употреблением личных имен в художественной литературе и фольклоре. Сюда относятся доклады *Л. И. Андреева* (Пенза) «Антропонимия драматических произведений А. Н. Островского,

Л. В. Бабаевой (Москва) «Имена собственные в пословицах и поговорках» и *К. Б. Зайцевой* (Одесса) «Некоторые вопросы ономастической стилистики».

Особенности прозвищ у разных народов были раскрыты в докладах и сообщениях *Г. А. Архипова* (пос. Яр, Удмуртская АССР), *П. И. Визгалова* (Казань) «Синонимия и вариантность в области прозвищ», *А. Г. Шайхулова* (г. Туймазы, Башкирская АССР) «О классификации личных прозвищ».

Этнонимии были посвящены четыре доклада.

Р. Г. Кузеев (Уфа) в докладе «Историческая стратификация родоплеменной этнонимии башкир» указал, что накопленный за последние два десятилетия обширный материал позволяет приступить к историко-хронологическому членению этнонимии. Он выделил следующие пласты этнонимии: финно-угорско-самодийский (вторая половина I тысячелетия н. э.), булгаро-мадярский (VIII—IX вв.), древнебашкирский (IX—X вв.), огузо-кыпчакский (XI—XII вв.), кыпчакский (XIII—XIV вв.), ногайский (XV—XVI вв.), поволжско-среднеазиатский (XVI—XVIII вв.).

О результатах статистического исследования этнонимии в населенных пунктах Удмуртской и Марийской АССР сообщили в своем докладе «Удмуртские и марийские названия народов Поволжья» *В. В. Пименов* и *В. В. Федоров* (Москва). Докладчики привели любопытные данные о неофициальных названиях народов и о влиянии на бытование этих этнонимов таких факторов, как пол, образование, местожительство, и др.

В докладе *Г. Ф. Саттарова* (Казань) «Этнонимы из топонимии и антропонимии Татарии» были рассмотрены этнонимы, связанные с названиями финно-угорских, индо-иранских, тюркских (древнетюркских, булгарских, башкирских, казанскотатарских и др.), славянских племен, народностей и народов, а также татарские прозвища и фамилии, имеющие этническое происхождение.

Э. Ф. Ишбердин (г. Стерлитамак, Башкирская АССР) в своем выступлении осветил вопрос об особенностях отражения наименований башкирских родоплеменных названий в топонимике Башкирии. На основе сравнительного, структурно-семантического изучения этого вопроса докладчик пришел к выводу о первичности этнонимов по отношению к гидронимам и ойконимам. Он отметил территориальное распределение топонимов.

Большой интерес вызвали доклады по **космонимии** — отрасли ономастики, исследуемой с лингвистической точки зрения лишь в последние годы.

Доклад *В. А. Никонова* (Москва) «Космонимия Поволжья» содержал ряд моментов научного и методического характера. Докладчик привел названия Млечного Пути и некоторых звезд у разных народов, типологизировал их, выдвинул идею создания космонимического атласа Поволжья.

В докладе *Н. Х. Максютовой* (Уфа) «Локальные особенности космонимии башкир» были проанализированы по способу обозначения названия 17 звезд и выделены следующие группы космонимов: названия, данные по расположению звезд и времени появления их на небосклоне, по величине и характеру свечения, а также другим признакам. Докладчик указала зоны распределения отдельных башкирских космонимов.

По зоонимии было прочитано два доклада. *Р. Н. Бузакова* (Саранск) отметила, что мордовская зоонимия складывается главным образом на основе русских кличек живот-

ных. Основой исконно мордовских зоонимов служат личные имена, названия трав, деревьев, птиц, явлений природы и т. д. Весьма интересные данные привела *Г. Ф. Фельде* (Чимкент) в сообщении о кличках животных в общественных и личных хозяйствах.

Общим вопросам ономастики были посвящены доклады *Т. Н. Кондратьевой* (Казань) «Казанская лингвистическая школа об эволюции имени собственного», *Г. Е. Корнилова* (Чебоксары) «Мордовско-чувашское взаимодействие в собственных именах», *Р. З. Шакурова* (Уфа) «Башкирские шеджере как топонимический и антропонимический источник».

Материалы конференции будут изданы отдельным сборником.

Четвертую поволжскую конференцию по ономастике было решено провести в сентябре 1973 года.

З. Г. Ураксин, Р. З. Шакуров

PERSONALIA

ИЗЗАТ АТАХАНОВИЧ СУЛТАНОВ

(К 60-летию со дня рождения)

Научная общественность Узбекистана отметила 60-летие со дня рождения члена-корреспондента Академии наук Узбекской ССР, доктора филологических наук, профессора Иззата Атахановича Султанова.

И. А. Султанов родился в 1910 г. в семье ремесленника в г. Оше Киргизской ССР. Для получения образования молодой И. А. Султанов переехал в Ташкент, где учился сперва в учебно-воспитательном техникуме (1929), а затем поступил на факультет общественных наук САГУ (с 1930 г.).

В 1934—36 гг. И. А. Султанов обучается в аспирантуре АН УзССР, одновременно работая ответственным секретарем и заведующим отделом литературы и искусства

газет «Камбагал» и «Кзыл Узбекистан». Как журналист и критик он активно выступает в республиканской печати, одновременно пополняя свои знания в области узбекской классической литературы, фольклора, литературы братских народов и мировой литературы.

И. А. Султанов активно участвует также в собирании, изучении и издании материалов узбекского фольклора («Маликаи Хусниабар»), в научном марксистском освещении наследия видных узбекских классиков Навои и Машраба, выступает со статьями, имевшими в 30-е годы большое методологическое и теоретическое значение.

В эти же годы И. А. Султанов переводит на узбекский язык «Ленин и литературоведение» А. Луначарского, «Повести Белкина» и «Станционный смотритель» А. С. Пушкина, пишет статьи о переводах («Сказки и проблемы белого стиха» — 1937), пропагандирует среди узбекских читателей русскую классическую литературу и фольклор, публикует статьи о А. С. Пушкине и А. П. Чехове («А. С. Пушкин и народное творчество», «Чехов — рассказчик» — обе в 1937 г.), пытается внести ясность в путаницу, существовавшую в узбекском литературоведении в отношении к русской и западной литературе. Во всей этой своей многогранной деятельности он опирается на ленинское учение о том, что без глубокого освоения культурного наследия прошлого нельзя создать новую литературу и культуру.

Созданная И. А. Султановым «Теория литературы» была в 30-е годы единственным руководством на узбекском языке по этой важной проблеме.

В 1946 г. И. А. Султанов успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Труд по теории литературы „Мезанул-авзан“ Алишера Навои и его критический текст».

В 1950—55 гг. И. А. Султанов — докторант Института востоковедения Академии наук СССР. Одновременно он преподает на

кафедре литературы народов СССР МГУ им. М. В. Ломоносова.

В 1955 г. И. А. Султанов защитил докторскую диссертацию — «История социалистического реализма в узбекской литературе», став первым доктором наук среди узбекских ученых.

В эти и последующие годы ученым были написаны такие ценные работы, как: «К вопросу творческой методологии узбекской советской литературы 20-х годов» (1953), «О роли творчества Хамзы в формировании социалистического реализма в узбекской литературе» (1954), «О специфике историко-литературного процесса в республиках Средней Азии» (1955), «Будем глубоко и всесторонне изучать историю узбекской литературы», «О писателе Абдулле Кадыри» (1956), «Некоторые вопросы истории советской литературы» (1958), «Величие русской культуры» (1963), «Великий талант» (о Мухтаре Ауэзове — 1967 г.), «Навон и современность» (1968), «Тетрадь души Навои» (1969).

И. А. Султанов наряду с плодотворной научно-исследовательской работой отдает много времени и сил подготовке научных кадров — кандидатов и докторов филологических наук.

И. А. Султанов — руководитель и один из ведущих авторов двухтомника «Очерки истории узбекской советской литературы» и изданного в Москве на его основе однотомника «История узбекской советской литературы». В настоящее время под руко-

водством ученого готовятся «Очерки по теории литературы».

Наряду с научной и педагогической И. А. Султанов ведет и успешную творческую работу. Драмами «Полет беркута» (1940), «Алишер Навои» (1941), «Совесть» (1960), «Неизвестный» (1963), киносценариями «Алишер Навои» (1942), «Свет из России» (1959), «Самоотверженный» (1965), либретто «Сердце поэта» (1962) Иззат Султанов внес значительный вклад в узбекскую театральную и кинодраматургию.

И. А. Султанов в настоящее время возглавляет сектор теории литературы Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР. В течение нескольких лет он является членом экспертной комиссии ВАКа по литературоведению, заместителем председателя большого Ученого совета АН УзССР по истории, языкознанию и литературоведению, заместителем главного редактора журнала «Узбек тили ва адабиёти».

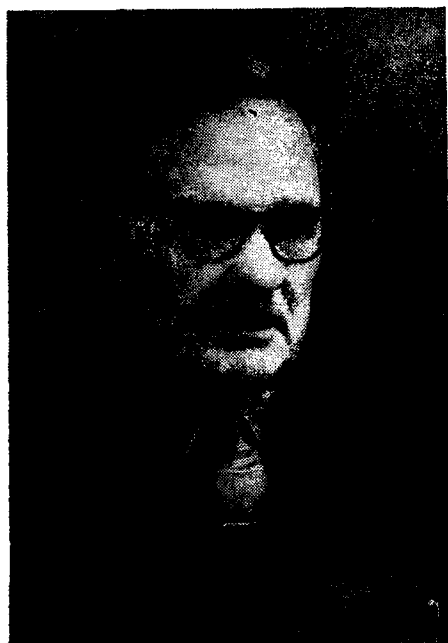
За заслуги в области драматургии И. А. Султанову присвоено звание заслуженного деятеля искусств республики, за научную деятельность он награжден премией им. Бируни.

Коллеги и почитатели И. А. Султанова не сомневаются в том, что он обогатит науку и искусство новыми талантливыми произведениями.

*Ш. Ш. Шаабдурахманов,
Э. И. Фазылов, Ш. Турдыев*

ВАЛЕЙ НИГМАТУЛЛОВИЧ ХАНГИЛЬДИН

(К 80-летию со дня рождения)

Исполнилось 80 лет со дня рождения и 60 лет научно-педагогической деятельности старейшего татарского языковеда, заслуженного деятеля науки ТАССР Валея Нигматулловича Хангильдина.

В. Н. Хангильдин родился в 1891 году в селе Старо-Санны нынешнего Белебеевского района Башкирской АССР в семье крестьянина. После окончания высшей татарской школы «Галия» он работал учителем в школах и других учебных заведениях Уфы, Перми, Акмолинска, Свердловска. В 1931 году В. Н. Хангильдин поступил в аспиранту-

ру при Казанском государственном педагогическом институте, которую окончил в 1934 году, успешно защитив кандидатскую диссертацию на тему: «Словосочетания и средства выражения синтаксической связи в татарском языке».

Наряду с научной работой В. Н. Хангильдин много времени и сил отдавал педагогической деятельности, неразрывно связанной с вузами Казани. Он работал преподавателем татарского языка в педагогическом институте, в институте инженеров коммунального строительства.

Со дня организации Казанского филиала Академии наук СССР В. Н. Хангильдин работает в Институте языка, литературы и истории. В течение ряда лет он возглавлял сектор языка, одновременно продолжая преподавательскую работу в педагогическом институте.

Первые статьи В. Н. Хангильдина стали появляться в печати в 1914—15 гг. в газете «Тормыш» и в журнале «Кармак» (Уфа), а также в газете «Коммунист» (Свердловск). С 1924 года он принимает участие в составлении программ и учебников для начальных и средних школ, постоянно выступает на страницах журнала «Белем» (Уфа) со статьями по вопросам татарского и башкирского языков. В. Н. Хангильдиным была написана и издана книга по методике преподавания башкирского языка и пособие по обучению яналифу (новому алфавиту).

В середине 30-х годов В. Н. Хангильдин создал стабильный учебник для начальных школ, совместно с языковедом Г. Алпаровым издал учебники по грамматике, программы по обучению татарскому языку. Кроме того, в конце 30-х годов принял участие в составлении русско-татарских терминологических словарей.

В 1954 году вышло в свет монографическое исследование В. Н. Хангильдина «Грамматика татарского языка» (очерки по морфологии), посвященное изучению морфо-

логического строя современного татарского языка. В 1959 году им был опубликован капитальный научный труд «Грамматика татарского языка», подробно освещающий морфологический и синтаксический строй современного татарского языка.

В трудах В. Н. Хангильдина по грамматике дана критическая оценка существующим точкам зрения на тот или иной вопрос в области грамматики, предложены оригинальные решения многих проблем, высказан ряд новых суждений и идей. Так, в исследовании структуры слов современного татарского языка автор проводит четкую грань между синхронными и диахроническими явлениями, высказывает много верных наблюдений по этимологии отдельных слов. Большой интерес представляют главы, посвященные частям речи, в которых автор рассматриваются части речи в их взаимоотношениях, говорится о переходах слов из одной части речи в другую. Каждая грамматическая ка-

тегория подвергается конкретному анализу. Весьма подробно рассматривается система словообразования. Впервые в татарском языкознании модальные слова выделяются в особую часть речи.

Во второй монографии В. Н. Хангильдина исследован синтаксический строй современного татарского языка. Большое внимание уделено в ней подчинительной и сочинительной связям, дана системная характеристика простых и сложных предложений, а также их видов. Неличные обороты рассматриваются автором как придаточные предложения.

В настоящее время, несмотря на преклонный возраст, ученый продолжает изучать богатое наследие татарских языковедов, готовит к печати их избранные труды, составляет библиографию работ татарских лингвистов.

Ф. Ганиев

Х Р О Н И К А

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА ДЖ. Г. КИЕКБАЕВА

27 октября с. г. состоялось специальное заседание Ученого совета Башкирского государственного университета им. 40-летия Октября, посвященное памяти известного тюрколога и алтаиста, заслуженного деятеля науки Башкирской АССР, доктора филологических наук, профессора Джалиля Гиниатовича Киекбаева в связи с 60-летием со дня его рождения.

О жизненном и творческом пути ученого рассказал *М. В. Зайнуллин*. Литературное творчество Дж. Г. Киекбаева, автора романа «Родные и знакомые» и других художественных произведений, осветил в своем выступлении *Г. З. Рамазанов*.

28 октября на филологическом факультете университета прошли научные чтения, посвященные памяти Дж. Г. Киекбаева, в которых приняли участие преподаватели вузов, научные работники и студенты.

Выступивший на заседании *А. М. Азнабаев* посвятил свой доклад характеристике особенностей лингвистического анализа в исследованиях Дж. Г. Киекбаева, указав на умелое сочетание в последних методов сравнительно-исторического языкознания с приемами структурализма, что нашло особенно яркое отражение в еще неопубликованных монографиях ученого «Введение в изучение урало-алтайских языков» и «Сравнительная грамматика урало-алтайских языков».

А. Г. Бишиев в докладе «О некоторых чувашско-башкирско-татарских звуковых соответствиях» остановился на вопросе передви-

жения гласных и некоторых соответствиях согласных в названных языках и высказал мысль о древности чувашско-башкирских языковых контактов.

Характеристике трудов Дж. Г. Киекбаева по башкирской лексикологии было посвящено выступление *В. Ш. Псянчина*.

С. Ф. Миржанова доложила о некоторых итогах исследования южного диалекта башкирского языка и дала оценку работам Дж. Г. Киекбаева в этой области.

Г. Хисамов посвятил свое выступление различным вариантам этимологизации этнонима *baškort*.

О деятельности Дж. Г. Киекбаева, связанной с разрешением проблемы формирования башкирского литературного языка и классификации его диалектов, рассказал *М. В. Зайнуллин*.

З. Г. Ураксин говорил об отдельных нерешенных проблемах башкирской фразеологии.

В докладе *З. К. Ишмухаметова* была раскрыта специфика образования залоговых форм глаголов башкирского языка, имеющих звукоподражательную основу.

Н. Х. Ишбулатов в своем выступлении остановился на роли Дж. Г. Киекбаева в изучении башкирского литературного языка.

Участники чтений высказались за периодическое проведение чтений, посвященных памяти проф. Дж. Г. Киекбаева.

З. Г. Ураксин

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» В 1971 ГОДУ (№№ 1—6)

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

	№	Стр.
Абдуллаев А. З. (Баку). Бессоюзные сложноподчиненные предложения	4	30—36
Абдуллаев А. З. (Баку). Сложные предложения усложненного типа в азербайджанском языке	3	13—24
Азимов П., Ершова Е. (Ашхабад). Некоторые формы проявления туркменско-русского двуязычия на современном этапе	3	3—7
Азнабаев А., Псянчин В. (Уфа). К проблеме исторического развития аффикса множественного числа -lag в тюркских языках	5	11—20
Акбаев Ш. Х. (Карачаевск). Сравнительно-исторический метод в тюркологии и генезис балкарского цоканья	2	98—101
Асланов В. И. (Баку). К проблеме генезиса одного из типов сложно-подчиненного предложения с придаточным дополнительным	4	43—49
Асланов В. И. (Баку). К проблеме реконструкции корневых морфем	2	67—75
Атенов Ш. (Москва). Обособление как грамматическая категория в тюркских языках	3	82—85
Баскаков Н. А. (Москва). Природа притяжательных определительных словосочетаний и их роль в эволюции сложных синтаксических конструкций в тюркских языках	4	15—23
Благова Г. Ф. (Москва). К истории развития местоименного и именного падежных склонений в тюркских языках	2	39—49
Благова Г. Ф. (Москва). Некоторые вопросы развития средневекового среднеазиатского тюркского литературного языка	4	68—75
Благова Г. Ф. (Москва). О приеме типологической верификации при сравнительно-историческом изучении тюркской грамматики	3	25—32
Гаджиев Т. И. (Баку). О происхождении геминат в тюркских языках	6	26—31
Гаджиева Н. З. (Москва). Методы построения сравнительно-исторического синтаксиса тюркских языков	2	26—38
Гаджиева Н. З. (Москва). Существовал ли глагол-связка настоящего времени в тюркских языках?	5	3—10
Гайдаржи Г. А. (Бельцы). Сложные предложения с придаточными относительного подчинения в гагаузском языке	4	50—56
Гайдаржи Г. А. (Бельцы). Способы подчинения и типы придаточных предложений в гагаузском языке	3	43—59
Ганиев Ф. А. (Казань). Некоторые вопросы фонетического способа словообразования в татарском языке в историческом освещении	2	93—97
Гарипов Т. М. (Уфа). Понятие общетюркского языкового состояния и вопросы исторического развития кыпчакских языков Урало-Поволжья	2	76—80

	№	Стр.
<i>Грунина Э. А.</i> (Москва). К вопросу о письменной традиции в анатолийских памятниках XIII—XIV вв.	4	98—104
<i>Гузев В. Г., Насилов Д. М.</i> (Ленинград). Конкретно-предметные значения тюркского имени существительного как зона релевантности категорий числа и определенности — неопределенности	5	21—25
<i>Даулетов А.</i> (Ленинград). Качественная характеристика каракалпакских гласных под ударением	3	60—67
<i>Джурабаева М.</i> (Ташкент). Об аффиксальной омонимии в тюркских языках	6	17—25
<i>Добродомов И. Г.</i> (Москва). Тюркизмы славянских языков как источник сведений по исторической фонетике тюркских языков	2	81—92
<i>Дульзон А. П.</i> (Томск). Кетско-тюркские параллели в области склонения	1	20—26
<i>Дульзон А. П.</i> (Томск). Некоторые вопросы методики реконструкции общетюркской системы звуков	2	17—20
<i>Исхакова Х. Ф.</i> (Москва). К вопросу о формальном описании морфологии тюркских языков	6	32—44
<i>Кононов А. Н.</i> (Ленинград). История приобретения, переводов, изданий и изучения сочинения Абу-л-Гази «Родословная тюрков»	1	3—12
<i>Кононов А. Н.</i> (Ленинград). О некоторых типах бессоюзного сложноподчиненного предложения в турецком языке	4	3—12
<i>Кузнецов П. И.</i> (Москва). Бессоюзные придаточные предложения с формой на -duk в памятниках орхон-енисейской письменности	4	62—67
<i>Любимов К. М.</i> (Москва). Семь значений турецкой словоформы uazmış	6	59—55
<i>Макаев Э. А.</i> (Москва). Вопросы построения сравнительной грамматики тюркских языков	2	21—25
<i>Мельников Г. П.</i> (Москва). Семантика и проблемы тюркологии	6	3—16
<i>Мухамедова З. Б.</i> (Ашхабад). Об одном из типов сложноподчиненного бессоюзного предложения в произведениях туркменских поэтов XVIII—XIX вв.	4	57—61
<i>Мухамедова З. Б.</i> (Ашхабад). Огузско-туркменские этнонимы	1	27—37
<i>Наджип Э. Н.</i> (Москва). О памятнике XIV века «Нахдж ал-Фарадис» и его языке	6	56—68
<i>Насилов Д. М.</i> (Ленинград). Типологические сопоставления в рамках сравнительно-исторического изучения отдельных грамматических категорий в тюркских языках	2	59—66
<i>Нигматов Х. Г.</i> (Бухара). Отыменное основообразование тюркского глагола в XI веке	3	33—42
<i>Пинес В. Я.</i> (Баку). О моделировании структуры глагольных форм в тюркских языках	3	68—81
<i>Покровская Л. А.</i> (Москва). Особенности структуры сложноподчиненного бессоюзного предложения в гагаузском языке и балканотурецких диалектах	4	37—42
<i>Рагимов М. Ш.</i> (Баку). Значение неродственных языков на территории Азербайджана в сравнительно-историческом изучении тюркских языков огузской группы	2	50—58
<i>Саидов Ю.</i> (Фергана). Формы глагола, выражающие нереальность в современном узбекском языке	1	49—59
<i>Севортян Э. В.</i> (Москва). К семасиологическим вопросам сложного предложения в тюркских языках	4	24—29
<i>Севортян Э. В.</i> (Москва). О содержании термина «общетюркский»	2	3—12
<i>Сейидов М. А.</i> (Баку). Об этимологии слова ozan uzan	1	38—48
<i>Серебрянников Б. А.</i> (Москва). Что было первичным г ² или z?	1	13—19

	№	Стр.
Таги-заде З. Х. (Баку), Потапова Р. К. (Москва). Акустический анализ гласных современного азербайджанского литературного языка	1	60—69
Тенишев Э. Р. (Москва). К понятию «общетюркское состояние»	2	13—16
Фазылов Э. И. (Ташкент). Огузские языки в трудах восточных филологов XI—XVIII вв.	4	83—97
Фатыхов А. Х. (Уфа). О перспективах употребления союзов и некоторых особенностях бессоюзных сложноподчиненных предложений	5	26—32
Хидиров В. С. (Баку). К проблеме типологических тождеств в разносистемных языках	5	33—45
Хыдыров М. Н. (Ашхабад). К истории изучения формы настоящего времени глагола в юго-западной группе тюркских языков	6	45—49
Ширалиев М. Ш. (Баку). Заметки о сложноподчиненном бессоюзном предложении	4	13—14
Щербак А. М. (Ленинград). О морфологическом составе образных глаголов типа <i>baɣuɣ-</i> , <i>ɕaɣuɣ-</i> , <i>haɣuɣ-</i>	3	8—12
Щербак А. М. (Ленинград). О рунической письменности в юго-восточной Европе	4	76—82

*
* *

<u>Грунин Т. И.</u> (Мытищи). А. Е. Крымский	1	70—75
Кононов А. Н. (Ленинград). Виктор Максимович Жирмунский как тюрколог	2	102—107

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Ахмедов Т. М. (Баку). Некоторые древнетюркские слова в татском языке	6	69—79
Джидалаев Н. С. (Баку). К вопросу о языке древних тюрков Восточного Кавказа	5	46—60

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Короглы Х. (Москва). Песни Коркута	2	108—118
Махмудов Х. (Казань). Татарские параллели куманских загадок	3	87—96
Серикова Л. (Ташкент). Поэтическая речь Алишера Навои	3	97—105
Стеблева И. В. (Москва). Происхождение и развитие тюркской аллитерационной системы в связи с историческим родством тюркских и монгольских языков	6	80—84
Умаров Э. А. (Ташкент). Прием <i>ийхом</i> в произведениях Алишера Навои	1	76—81
Унгезицкая М. А. (Абакан). Памятники енисейской письменности и песенный фольклор хакасов	5	61—72

ОНОМАСТИКА, ТОПОНИМИКА, ЭТНОНИМИКА

Бегжанов Т., Абдимуратов К. (Нукус). Структура каракалпакских топонимов	6	85—88
Гусейнзаде А. (Баку). К этимологии топонима <i>Kuŕŕu</i>	6	89—95
Гусейнзаде А. (Баку). Об этимологии топонима <i>Куба</i>	2	119—125
Хабичев М. А. (Карачаевск). Об этнонимах <i>alan</i> , <i>byzynyly</i> , <i>malkarly</i> , <i>karaɕajly</i> , <i>tegejli</i>	2	126—129

№ Стр.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Васильев А. И. (Фрунзе). Имеются ли в тюркских языках фонемы, заимствованные из русского?	6	96—100
Львов А. С. (Москва). Младописьменный ли чувашский язык?	5	86—90
Серебрянников Б. А. (Москва). О логицизме в тюркологических исследованиях	5	73—85

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Зейналова К. (Баку). Неизвестная рукопись М. Шахтахтинского о реформе алфавита	5	91—94
Коркина Е. И. (Якутск). Работа О. Н. Бётлингга «О языке якутов»	4	124—131
Маштакова Е. И. (Москва). В. Д. Смирнов — исследователь турецкой литературы	4	115—123
Тверитинова А. С. (Москва). В. Д. Смирнов — историк Турции	4	105—114

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Агазаде Н. (Баку). J. Nemeth. Die türkische Sprache in Ungarn im Siebzehnten Jahrhundert	1	90—107
Адилов М., Садыхов З. (Баку). Об азербайджанской антропимии	3	113—117
Алекперов А. К. (Баку). Из истории разработки проблемы глагольного словосложения	5	101—113
Гукасян В. Л. (Баку). О новонайденном списке албанского алфавита	2	130—135
Дулина Н. А. (Ленинград). О тюркологическом ежегоднике, издаваемом в Париже	1	108—109
Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. (Ленинград). Сэврэйский камень	3	106—112
Кузнецов П. И. (Москва). «Türk Dili», 1970	6	113—119
Оралбаева Н. (Алма-Ата). Категория характера протекания действия в современном казахском языке	5	95—100
Рамазанов К. Т. (Баку). Парные слова в тюркских языках юго-западной группы	6	101—112
Фазылов Э. И., Расулова Н. (Ташкент). Языкознание в Узбекистане за последние годы	1	82—89
Федотов М. Р. (Чебоксары). В. В. Радлов и Н. И. Ашмарин о происхождении чувашского языка	5	114—120

ПУБЛИКАЦИИ

Абдуллин И. А. (Казань). «Памятная записка» Агопа на армяно-кыпчакском языке	3	118—129
--	---	---------

РЕЦЕНЗИИ

Балакаев М., Томанов М. (Алма-Ата). А. К. Курышжанов. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. — «Тюрко-арабского словаря»	3	130—133
Будагова З. И., Кулиев Г. К. (Баку). Ф. Р. Зейналов. Служебные части речи в современных тюркских языках	6	120—122
Ганиев Ф. А., Ибрагимов С. М. (Казань). Современный татарский литературный язык. Синтаксис	5	126—127
Кайдаров А. Т., Джунусбеков А. (Алма-Ата). Ж. А. Аралбаев. Вокализм казахского языка	2	139—140
Мамедов И., Мамедов А. (Баку). Грамматика азербайджанского языка	5	121—123
Расимов М. Ш. (Баку). Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины	1	110—114

	№	Стр.
Рагимов М. Ш., Асланов В. И. (Баку): Дж. В. Каграманов. Лексика «Дивана» Насими	6	122—123
Тенишев Э. Р. (Москва). Г. Ф. Саттаров. Этапы развития и очередные задачи татарской ономастики	5	124—126
Урманчиев Ф. (Елабуга). А. Г. Каримуллин. У истоков татарской книги	6	124—125
Чарыяров Б., Атияязов С. (Ашхабад). Очерк диалектов туркменского языка	5	127—128
Юлдашев А. А. (Москва). Е. И. Коркина. Наклонения глагола в якутском языке	2	136—138

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Алекперов А. К. (Баку). «Сравнительная фонетика тюркских языков»	1	128—134
Асланов В. И. (Баку). Актуальные вопросы тюркского сравнительного языкознания и алтаистики	5	133—138
Асланов В. И. (Баку), Дулина Н. А., Медведева Л. Я. (Ленинград). V тюркологическая конференция в Ленинграде	4	132—138
Болдырев Р. В. (Киев). Столетие со дня рождения академика А. Е. Крымского	1	124—127
Мусаев К. М. (Москва), Расулова Н., Данилова Л. (Ташкент). VI региональное совещание по вопросам диалектологии тюркских языков	3	134—138
Покровская Л. А. (Москва). Совещание диалектологов	1	115—123
Резолюция V тюркологической конференции в Ленинграде	4	139—140
Ураксин З. Г., Шакуров Р. З. (Уфа). Третья поволжская конференция по ономастике	6	126—130
Фазылов Э. И. (Ташкент). XIV Международный форум алтаистов	5	129—133

PERSONALIA

Асланов В. И., Алекперов А. К. (Баку). Э. В. Севортян	5	139—141
Ганиев Ф. (Казань). В. Н. Хангильдин	6	133—134
Хабичев М. А. (Карачаевск). У. Б. Алиев	1	135—136
Шаабдурахманов Ш. Ш., Фазылов Э. И., Турдыев Ш. (Ташкент). И. А. Султанов	6	131—132

ХРОНИКА

Зарождение и становление казахской литературной критики	3	141
Исследование говоров казахского языка	2	141
Исследование языка Абая	3	140
Наклонения глагола в якутском языке	1	137
Памяти профессора Дж. Г. Киекбаева	6	135
Пути развития азербайджанской эпической поэзии	3	139

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Г. П. Мельников (Москва). Семантика и проблемы тюркологии	3
М. Джурабаева (Ташкент). Об аффиксальной омонимии в тюркских языках . . .	17
Т. И. Гаджиев (Баку). О происхождении геминат в тюркских языках	26
Х. Ф. Исхакова (Москва). К вопросу о формальном описании морфологии тюркских языков	32
М. Н. Хыдыров (Ашхабад). К истории изучения формы настоящего времени глагола в юго-западной группе тюркских языков	45
К. М. Любимов (Москва). Семь значений турецкой словоформы <i>uzatmış</i>	50
Э. Н. Наджип (Москва). О памятнике XIV века «Нахдж ал-Фарадис» и его языке	56

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Т. М. Ахмедов (Баку). Некоторые древнетюркские слова в татском языке . . .	69
--	----

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

И. В. Стеблева (Москва). Происхождение и развитие тюркской аллитерационной системы в связи с историческим родством тюркских и монгольских языков .	80
--	----

ТОПОНИМИКА

Т. Бегжанов, К. Абдимуратов (Нукус). Структура каракалпакских топонимов .	85
А. Гусейнзаде (Баку). К этимологии топонима <i>Kuşçı</i>	89

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. И. Васильев (Фрунзе). Имеются ли в тюркских языках фонемы, заимствованные из русского?	96
---	----

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

К. Т. Рамазанов (Баку). Парные слова в тюркских языках юго-западной группы	101
П. И. Кузнецов (Москва). «Türk Dili», 1970	113

РЕЦЕНЗИИ

З. И. Будагова, Г. К. Кулиев (Баку). Ф. Р. Зейналов. Служебные части речи в современных тюркских языках	120
М. Ш. Рагимов, В. И. Асланов (Баку). Дж. В. Каграманов. Лексика «Дивана» Насими	122
Ф. Урманчиев (Елабуга). А. Г. Каримуллин. У истоков татарской книги	124

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

З. Г. Ураксин, Р. З. Шакуров (Уфа). Третья поволжская конференция по ономастике	126
---	-----

PERSONALIA

Ш. Ш. Шаабдурахманов, Э. И. Фазылов, Ш. Турдыев (Ташкент). И. А. Султанов	131
Ф. Ганиев (Казань). В. Н. Хангильдин	133

ХРОНИКА

Памяти профессора Дж. Г. Киекбаева	135
------------------------------------	-----

* *

*

Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская тюркология» в 1971 г. (№№ 1—6)	136
--	-----

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

G. P. Mel'nikow (Moscow). Semantics and problems of turkology	3
M. Jurabayeva (Tashkent). On affixal homonymy in Turkic languages	17
T. I. Gajiyev (Baku). On the origin of geminats in Turkic languages	26
H. F. Iskhakova (Moscow). Towards the formal description of Turkic languages morphology	32
M. N. Khydyrov (Ashkhabad). Towards history of study of verb's present Tense form in south-west group of Turkic languages	45
K. M. Lyubimov (Moscow). Seven meanings of Turkish wordform yazmış	50
E. N. Najip (Moscow). Manuscript of the 14-th century «Nakhj al-Faradis» and it's language	56

LANGUAGES IN CONTACT

T. M. Akhmedov (Baku). Some ancient Turkic words in the Tat language	69
--	----

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

I. V. Stebleva (Moscow). Origin and development of Turkic alliterational system in connection with historical relationship of Turkic and Mongolian Languages	80
--	----

TOPONIMICS

T. Begjanov, K. Abdimuratov (Nukus). Structure of Karakalpak toponyms	85
A. Guseynzade (Baku). Towards etymology of toponym Kuşçi	89

DISCUSSIONS

A. I. Vasilyev (Frunze). Do phonemes borrowed from Russian exist in Turkic languages?	96
---	----

REPORTS, SURVEYS

K. T. Ramazanov (Baku). Double words in Turkic languages of southwest group	101
P. I. Kuznetsov (Moscow). «Türk Dili», 1970	113

REVIEWS

Z. I. Budagova, G. K. Kuliyeu (Baku). F. R. Zeynalov. Auxiliary parts of speech in modern Turkic languages	120
M. Sh. Ragimov, V. I. Aslanov (Baku). J. Kagramanov. Vocabulary of Nasimi's «Divan»	122
F. Urmancheyev (Yelabuga). A. G. Karimullin. At the source of Tatar book	124

SCIENTIFIC LIFE

- Z. G. Uraksin, R. Z. Shakurov* (Ufa). The 3-d Volga conference on onomastics 126

PERSONALIA

- Sh. Sh. Shaabdurakhmanov, E. I. Fazylov, Sh. Turdiyev* (Tashkent). I. A. Sultanov 131
- F. Ganiyev* (Kazan). V. N. Khangildin 133

CHRONICLE

- Commemorating prof. J. G. Kiyekbayev 135

* * *

- Index. Soviet Turkology, 1971, №№ 1—6 136

ИСПРАВЛЕНИЯ

	стр.	строки	следует читать
№ 4, 1971:	117	13—14 снизу	«Аналогию им можно найти в других произведениях турецкой поэзии и прозы...»
	119	3 сверху	«...первое слово المر»
	»	19 сверху	«کدی ایله فاره حکایسی»
	»	19—20 снизу	«...мусульманско-романтического характера...»
	120	1—2 снизу	«Рукопись обрывается на подходе к анализу...»
	122	перед 26-й строкой снизу	«32. Там же, л. 1: 33. Там же, лл. 5—9»; сноску 32-ю считать 34-й, сноску 33-ю считать 35-й и т. д. до конца.

Технический редактор Б. А. Абдуллаев

Корректоры С. В. Лисикова, И. Г. Дорфман

Рукописи не возвращаются

Сдано в набор 12/XI 1971 г. Подписано к печати 7/II 1972 г. ФГ 01118. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4,5. Физ. печ. л. 9. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 11,6. Заказ 7428.

Тираж 3420. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Б. Авакяна, 529 кв.